

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА**

*Посвящается 70-летию воссоздания философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Е.Н. МОЩЕЛКОВ

**ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ
(XIX — начало XX в.)**

Москва
2011

ББК 87.3(2)
УДК 1(470)(091)
М 876

Рецензенты:

доктор полит. наук, проф. Бойцова О.Ю.,
доктор филос. наук, проф. Маслин М.А.

Моцелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.) —
М876 М., 2011. — 232 с.

Монография Е.Н. Моцелкова посвящена развитию исторической концепции философии права в России. Автор прослеживает развитие этих идей в Европе, в частности в Германии, где изучению этой проблематики уделялось исключительно важное внимание. Аналогичная правовая школа философии возникла в России в 30–40-х гг. XVIII в. и интенсивно развивалась до 20-х гг. XIX в. Анализируя развитие этого феномена в России, подчеркивается оригинальность и содержательность этой отечественной школы.

В монографии рассматриваются такие актуальные вопросы как этапы становления истории философии права, предмет и методология философии права как университетской науки.

ББК 87.3(2)
УДК 1(470)(091)

© Моцелков Е.Н., 2011
© Философский факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова

«Нам приходилось сразу делать два дела: и наверстывать старое и упущенное нами, и не отставать, поспевать за западной наукой в ее прогрессивном развитии. Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два десятилетия, мы почти успели наверстать отделившую нас от западных юристов разницу в слишком шесть столетий».

Н.М. Коркунов

«Все направления русской мысли, — даже если они подражают западноевропейским образцам, — несут в себе черты родной почвы».

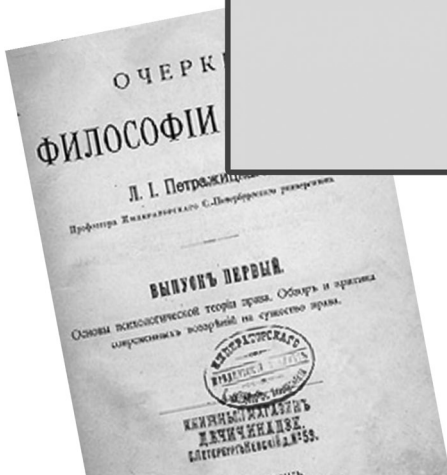
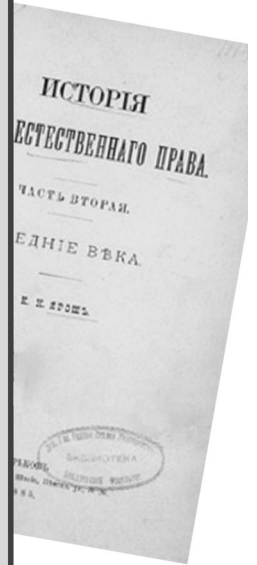
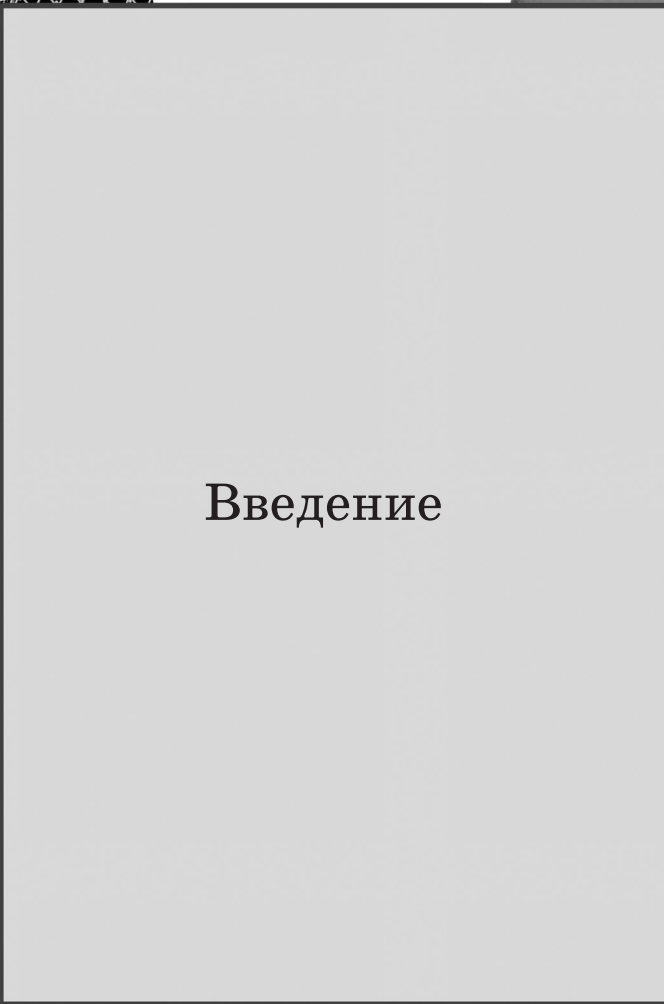
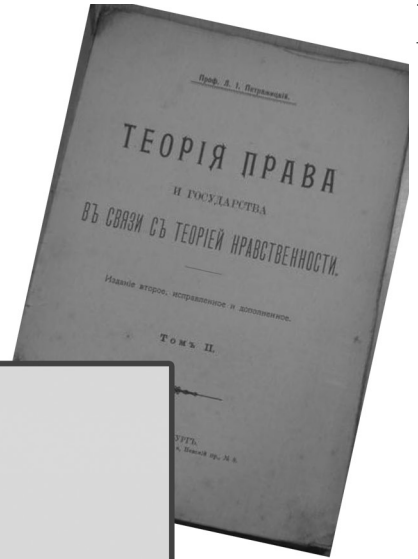
П.И. Новгородцев

«История философии вообще и история философии права, в частности, является надежной помощницей каждого, стоящего в затруднении, лицом к лицу с вопросами и задачами окружающей политической и общественной жизни. Тут история философии играет роль (употребляем выражение Сократа) „акушера мысли, помогающего ей родиться“».

К.Н. Ярош

Ретроспективную систематизацию и обобщение научных идей и концепций следует, по-видимому, отнести к имманентным характеристикам развития любой отрасли научного знания, которые проявляют себя уже на первоначальных этапах становления этого знания.

При этом важно понять роль и место изучения исторической эволюции научных идей в системе гуманитарного знания. Дело в том, что у любой науки есть ее наиболее современные результаты и достижения, а есть еще и растянутый во времени процесс получения этих результатов. Знание новейших научных результатов и достижений необходимо и достаточно для применения их на практике, для их реализации в различных сферах современной практической жизни, а вот для дальнейшего развития самой науки, кроме этих результатов, необходимо еще знание и понимание истоков, этапов, тенденций и направлений эволюционирования научного знания, т.е. необходимо знание истории науки. Применительно к математике, например, данная мысль очень хорошо выражена в словах выдающегося французского ученого Г. Пуанкаре: «Лучший метод для предвидения будущего развития математических наук заключается в изучении истории и нынешнего состояния этих наук»¹.

Но по сравнению с «точной» наукой, каковой является математика, для гуманитарных наук ее собственная история имеет особое значение. Без истории «современные достижения» этих наук могут легко превратиться в эклектическую и противоречивую совокупность различных концептуальных и парадигмальных конструкций, у каждой из которых на самом деле есть свои авторы и есть своя «история».

Для гуманитарных наук ее история — не только история знания, но и изучаемых объектов. Если естественные науки имеют дело с практически неизменяющимися объектами; если для них

¹ Пуанкаре Г. Наука и метод. Одесса, 1910. С. 16. Такую точку зрения разделяют и многие современные ученые. Приведем для примера высказывание одного из видных современных политологов Х.-Д. Клингеманна: «Обращение к прошлому, анализ истоков политической науки, изучение ее дискурса — направлений, теорий и методов — помогает понять ее настоящее и предвидеть будущее» — Клингеманн Х.-Д. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе // Полис. 2008. № 3. С. 97.

познание этих объектов есть изучение все более глубоких пластов и связей этих объектов, то гуманитарные науки имеют дело с изменяющимися объектами, и поэтому история гуманитарных наук есть в тоже время и история этих объектов. На это обстоятельство обратил внимание один из выдающихся государствоведов второй половины XIX — начала XX века. Н.М. Коркунов: «В науках, изучающих явления природы, история научных теорий выясняет только фактор образования нашего знания о данном предмете. В науках, изучающих явления общественности, история научных теорий выясняет, нам вместе с тем, и один из соопределяющих факторов развития самих этих явлений общественности. В естественных науках история их развития нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках общественных, кроме того, и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений»¹.

Чрезвычайно интересна и познавательна судьба научной дисциплины под названием «история философии права», которая сформировалась в Германии в конце XVII — начале XVIII века и уже тогда занимала видное место в университетском образовании и интеллектуальной жизни. В XVIII веке история философии права распространяется в других странах, в том числе и в России. С 30–40-х годов XIX века история философия права (под разными названиями) преподается в России как одна из важнейших университетских дисциплин. Причем, название этой дисциплины было включено не только в перечень учебных курсов, но и кафедр юридических факультетов.

Российские ученые-государствоведы в полной мере использовали полученные выводы в области философии и юриспруденции, накопленные в Европе (и прежде всего в Германии), но курсы истории философии права, которые читались в университетах России на всем протяжении XIX века, не являлись в большинстве своем простым заимствованием, компиляцией зарубежных образцов, а строились и развивались на специфических концептуальных и идейных основах.

Содержание данной дисциплины состояло в изучении исторической эволюции идей и концепций о политике, власти, государстве, отношениях личности (гражданина) и государства. Для подготовки юристов данная дисциплина, которая преподавалась в совокупности с другой, имеющей также философский характер — «энциклопедией права» считалась чрезвычайно важной, поскольку давала

¹ Коркунов Н.М. История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 2.

студентам общие (философские) знания, представления о природе, системе причинных связей, принципах и механизмах политической и правовой жизни общества, и базировалось на понимании таких главенствующих понятий, как «государство», «власть», «политика», «право», «гражданин». В других университетских курсах (гражданское право и гражданское судопроизводство, уголовное право и уголовное судопроизводство, финансовое право, международное право и др.) на теоретической базе истории философии права и энциклопедии права изучались уже конкретные законодательные системы, правовые институты и процедуры. Таким образом, история философии права вместе с энциклопедией права закладывали универсальный, метафизический базис юридического образования, тогда как конкретные правоведческие курсы давали лишь практические знания.

Такая система университетского образования (во всяком случае, на юридических факультетах) просуществовала в России до конца 1918 — начала 1919 года¹. После этого само понятие «история философии права» надолго исчезало из университетской и академической жизни.

Только почти через три десятилетия, в 40-е годы XX века, для нужд юридического образования уже в новых социалистических условиях начинают разрабатываться курсы под названием «история политических и правовых учений». Сравнительный анализ текстов показывает, что эти «новые» курсы представляли собой, нечто иное, как переделанные на новый лад старые, дореволюционные курсы истории философии права.

Конечно, практически никаких ссылок на прежние курсы не делалось. Преемственная нить научного процесса по идеологическим соображениям умышленно прерывалась. Богатейшее теоретическое наследие российских историков философии права XIX — начала XX века выводилось из поля новых научных исследований. Об этом наследии тогда, в 40-е годы прошлого века, предпочли просто забыть. Таким же забытым, малоизученным и не востребованным для

¹ В декабре 1918 года было принято постановление Народного Комиссариата Просвещения об упразднении в университетах юридических факультетов. В марте 1919 года этим же органом было принято решение о закрытии и историко-филологических факультетов и вместо упраздненных прежних гуманитарных факультетов постановлялось создание в университетах нового факультета общественных наук (ФОНа) в составе трех отделений: политико-юридического, экономического и исторического. Деятельность ФОНов началась в середине 1919 года. С ликвидацией юридических факультетов были закрыты и просуществовавшие 34 года кафедры энциклопедии права и истории философии права.

науки и образования это наследие оставалось на всем протяжении советской истории нашего общества¹.

Об этом свидетельствует и тот факт, что из многих десятков источников данного периода, упомянутых в настоящей книге, их современные переиздания можно пересчитать по пальцам, а практически все остальные — труднодоступные издания или библиографические редкости². Поэтому и многие выдающиеся исследования в области истории философии права прошлых периодов совершенно не используются в современном образовательном и научном процессе.

Получается, что многочисленные современные учебники и учебные пособия по истории политических (и правовых) знаний, в том числе и многократно переиздававшиеся, появились якобы на пустом месте и не опираются на глубокую историческую традицию отечественных исследований.

Как уже указывалось выше, причины такого интеллектуального разрыва, конечно, следует искать в нашей истории XX века. С началом установления советской власти практически вся гуманитарная наука предшествующих периодов (особенно XIX века) была признана идеологически вредной для развития новой социалистической науки и культуры.

Кардинально было перестроено гуманитарное образование, из которого исключили все ранее действующие программы и курсы. Из университетов и институтов уволены многие профессора и преподаватели старой школы. Большая их часть впоследствии погибла в годы революционного перелома либо оказалась в эмиграции. Были закрыты многие университетские кафедры, практически все научные периодические издания, в которых публиковались исследования и материалы по социально-политической и юридической проблематике.

¹ Этот мощный пласт отечественной философской мысли специально еще никем не исследовался. Отдельные положения о развитии истории философии права в России можно найти в некоторых трудах, посвященных истории философии в России. См., напр.: *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX и XX веков. М., 2001; *История русской философии*. Под ред. проф. Маслина М.А. М., 2001; *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.

² Для примера можно привести труды выдающегося российского государственоведа Н.М. Коркунова (1853–1904). Так, его «Русское государственное право» в период с 1893 по 1913 год выдержало 8 изданий, «Лекции по общей теории права» в 1894–1914 гг. — 9 изданий, а «История философии права» в 1896–1915 гг. — 6 изданий. Но в современных, в том числе и столичных, библиотеках книги Коркунова содержатся лишь в единичных экземплярах и до сих пор ждут своего переиздания.

К 80–90-м годам прошлого века, когда в нашей стране стали появляться условия для более или менее объективных исследований в области социальных и политических наук, книжное и журнальное наследие дореволюционной эпохи в библиотечных фондах прошло через многочисленные чистки и изъятия. С остатками этого наследия можно было познакомиться только в немногих спецхранах столичных библиотек, но для этого нужно знать, что искать. А знали об этом очень немногие.

Понимая все эти исторические обстоятельства, автор настоящей книги поставил перед собой задачу возвращения из забвения имен многих блестящих отечественных ученых, их выдающихся книг и идей, связанных прежде всего с развитием в России на протяжении столетия самостоятельной учебной и научной дисциплины — истории философии права.

Думается, что сделать это нужно, по меньшей мере, по трем причинам.

Во-первых, необходимо восстановить непрерывность интеллектуального процесса, историческую нить творческой преемственности, без которой невозможно плодотворное развитие современного научного знания, в том числе и в области истории философии права (истории политических учений).

Во-вторых, анализ научного наследия отечественных историков философии права XIX — начала XX века нужен для того, чтобы современные исследователи могли познать и использовать в своей работе те немалые (без преувеличения — выдающиеся) научные результаты, которые были достигнуты в этой области уже более столетия тому назад. Это особенно важно потому, что большинство историко-политологических исследований того периода выходили не только за рамки описания, изложения и даже систематизации философско-политических и правовых учений разных эпох и народов, а ставило и решало сложные научные задачи о предмете науки, ее методологии, законах и тенденциях исторического развития философско-политической мысли и т.д.

В-третьих, любая наука, научная теория на каждом этапе своего развития не просто решает определенные задачи, достигает в своем поиске конкретных результатов, но и ставит вопросы, формулирует нерешенные научные проблемы, которые в силу разных обстоятельств решить пока нельзя. Это ориентиры для будущих исследований. Революционный разлом 1917 года не позволил услышать и тем более решить эти задачи непосредственным преемникам научных школ отечественного государствоведения конца XIX — начала XX века. Но может быть это нужно сделать нам, уже в начале XXI века?

Отдельные фрагменты данной книги ранее были опубликованы в Вестнике Московского университета. Сер. 12. Политические науки (2005, № 1; 2006, № 4; 2008, № 6 и 2009, № 1), в сборнике научных статей философского факультета МГУ «Философия политики и права», вып. 1. М., 2010. Автор данных публикаций ранее по ним не получал от читателей замечаний и дополнений. Вместе с тем, представленный в книге материал содержит большое количество фактологических данных, и поэтому погрешности возможны. Автор этой работы был бы крайне признателен читателям, которые бы о них сообщили.

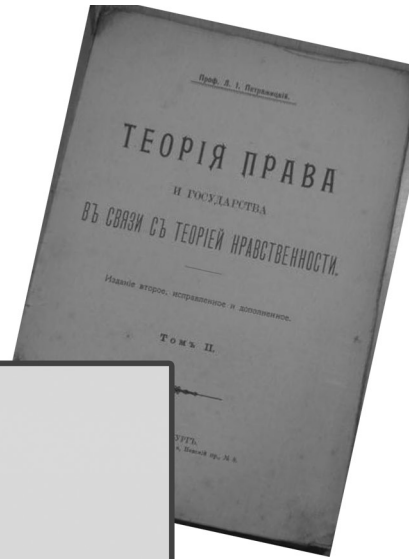
Разумеется, что поставленные задачи в рамках настоящей небольшой книги автору удалось решить лишь частично.

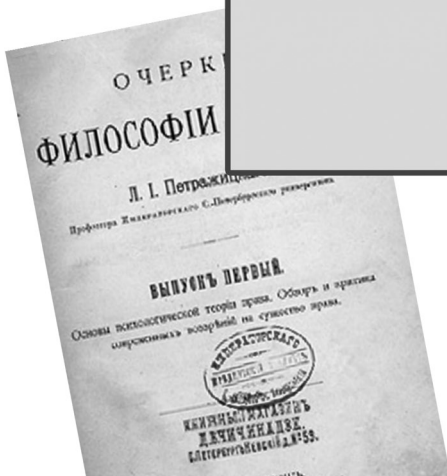
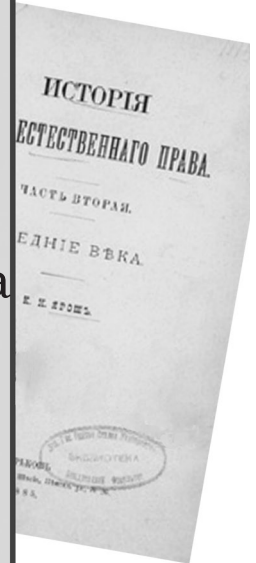
ИДЕЯ ПРАВА ВЪ ФИЛОСОФИИ
ВЪ С. СОЛОВЬЕВА.

Съ введением и комментариемъ автора
Иванъ Шмидтъ въ связи съ С. Соловьевъ въ связи
съ 1902.

Глава 1

Этапы становления истории философии права как университетской дисциплины

В начале XIX века в Российской империи начинает формироваться система университетского образования. Наряду с Московским университетом, основанным в 1755 году, в 1804–1805 гг. открываются еще два университета — Казанский и Харьковский.

В 1804 году учреждается первый Университетский устав, в котором изначально устанавливается единая для всех российских университетов структура факультетов, кафедр и основных учебных курсов.

Одной из ключевых гуманитарных дисциплин российского университетского образования с самых основ ее формирования следует признать историю философии права, которая на протяжении 100 лет (с начала XIX века по 1918–1919 годы) в своем развитии проходит целый ряд этапов.

Изначально становление и развитие указанной дисциплины (как в России, так и за рубежом) происходило на основе интеграции понятийно-концептуального и методологического аппарата нескольких гуманитарных наук, и прежде всего — философии, истории, права и политической науки. Поэтому проследить и правильно понять развитие истории философии права в российских университетах XIX века можно только на основе сравнительного анализа становления и развития основных философских, правовых и политических (административных) университетских дисциплин.

1.1.

Истоки и предпосылки изучения истории философии права в России

Предпосылки для формирования и развития истории философии права, как одной из составляющих юридического и политического образования, в российских университетах закладывались уже с начала XVIII века. С этого времени в России происходит развитие двух взаимосвязанных процессов. Первый — процесс приобретения

и осмысления российскими учеными теоретических знаний о политике, государстве, власти, которые на протяжении многих веков были получены как в Европе, так и в самой России. Свидетельство тому — переводы зарубежных политических трактатов на русский язык, издание собственных трудов, проведение научных диспутов. Второй процесс состоял в накоплении опыта преподавания учебных курсов, содержащих философское осмысление правовых и политических проблем. Уже тогда в эти курсы включались обзоры (иногда весьма обширные) исторического развития важнейших политико-философских и правовых идей и понятий.

Оба этих процесса слились в единый поток в период петровских реформ. Одним из важнейших направлений в общественных преобразованиях, задуманных Петром I в начале XVIII века, было развитие в России науки и образования. По указанию царя, в Европе производилась закупка больших партий научных книг, которые затем переправлялись в Россию в специально созданную Петром I библиотеку¹.

На этой основе начинает развиваться интенсивная переводческая деятельность. В числе других переводятся книги таких видных западных авторов по государственному праву как Г. Гроций (1583–1645) и С. Пуфендорф (1632–1694)².

Не в последнюю очередь интерес к юридическим наукам в период правления Петра I обуславливается необычайно активной законодательной деятельностью, которую развил самодержец-реформатор. По авторитетному мнению профессора Санкт-Петербургского университета А.П. Куницына, высказанном им в 1821 году «начало теоретического правоведения в России должно относиться к царствованию Петра Великого»³. Важно заметить, что Куницын делает акцент не на практическом, а на теоретическом правоведении.

Перевод и изучение западноевропейских философских и политико-правовых трактатов продолжается и во второй половине XVIII века. В 1766 году, например, появился русский перевод книги Ф.К. Мозера «Государь и слуга», которая вышла в свет во Франкфурте всего за семь лет до этого — в 1759 году. В 1775 году, в России был переведен

¹ См.: *Грбарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 39.

² См.: Там же. С. 41–42. См. также: *Томсинов В.А.* Формирование основ научной юриспруденции в России (первая половина XVIII в.) // Труды юридического факультета. М., 2008 (Моск. гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова, юрид. ф-т: кн. 9). С. 23–29.

³ Цит. по: *Томсинов В.А.* Формирование основ научной юриспруденции в России (первая половина XVIII в.) // Труды юридического факультета. М., 2008 (Моск. гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова, юрид. ф-т: кн. 9). С. 22.

«Дух законов» Монтескье, в 1790 году — ряд статей политического содержания из Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера¹.

Вообще о масштабах развития издательского дела в XVIII веке в России свидетельствуют следующие факты: всего в течение этого столетия в стране были открыты 84 типографии (33 — в Петербурге, 19 — в Москве, 32 — в провинции). В 1793 году вышел указ, разрешающий типографскую деятельность частным лицам². Важным для распространения научных знаний было и то, что с 1708 года книги в России начинают печатать новым, упрощенным и более доступным, так называемым «гражданским» шрифтом³.

Значительный импульс издательская деятельность получила с образованием в 1755 году Московского университета и созданной при нем типографии, где только на протяжении 10 лет (1779–1789) Новиковым было издано свыше 700 книг. Среди них труды Вольтера, Дидро, Руссо, Д'Аламбера, Бэкона, Локка, Амоса Каминского, Эразма Роттердамского и других⁴. Здесь же, в Московском университете, с 80-х годов XVIII века начинают выходить и научные периодические издания, в которых большое место занимают философско-политические и религиозно-нравственные вопросы. Это — «Прибавления к Московским ведомостям» и «Политический журнал»⁵.

Следует отметить, что освоение и систематизация западных теорий с самого начала в России сопровождалась их критическим пе-

¹ См.: Там же. С. 105, 106, 109. Множество аналогичных фактов приводит Н.М. Коркунов в своей книге «История философии права», в которой содержится специальный раздел — «Научная разработка права в России» — См. *Коркунов Н.М.* История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 261333.

² См.: *Поплавская А.В.* Образование в России: история и традиции. М., 2003. С. 125.

³ См.: Там же. С. 37. Конечно, переводы и издания зарубежных научных трудов осуществлялись в России и раньше. Правда, один из знатоков этого вопроса — А.И. Соболевский в этой связи высказал следующее замечание: «Числа книг по политическим наукам мы не можем определить, так как большая часть имеющихся у нас переводов дошла в списках XVIII века; следовательно, возможно, что они были переведены у нас в этом последнем столетии [XVIII — М.Е.], а не в XVII веке» — *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 48.

⁴ См.: История Московского университета. В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 61, 62.

⁵ См.: Там же. С. 62, 64. По поводу последнего издания один из историков Московского университета С.П. Шевырев делает следующее замечание: «Политический журнал был одним из журналов, самых постоянных в университете» — *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998. [Репринт. изд. М., 1855]. С. 265.

реосмыслением. Об этом свидетельствует, например, речь С.Е. Десницкого в Московском университете 30 июня 1768 года, в которой он анализирует идеи ряда западных мыслителей и подвергает критике некоторые из них, в частности, концепцию естественного права Пуфендорфа¹.

Выдающийся российский ученый XVIII века В.К. Тредиаковский (1703–1768) одним из первых в отечественной мысли стал трактовать политику как философскую науку. В.К. Тредиаковский подразделял научное знание на «практические и деятельные учения». В последние он включал «философию нравственную» и «философию гражданскую, или политику». Нравственная философия, в свою очередь, вобрала в себя естественное право и этику, тогда как гражданская философия (политика) «есть Учение, как по правилам Правды Город учредить, и учрежденным править». Тем самым, политика, по Тредиаковскому, есть учение о правилах общежития людей и правилах правления в этом общежитии².

Во второй половине XVIII века в России появляются и первые философско-политические трактаты, в которых дается обзор (иногда критический) западных философско-политических и правовых идей и концепций, т.е. закладываются основы исторического изложения и осмысления этих идей. В числе таких трактатов следует отметить книги В.Т. Золотницкого «Сокращение Естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества Владимиром Золотницким» (1764) и В.Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне» (1798).

В XVIII веке закладываются основы преподавания в университетах дисциплин философско-политологической проблематики. Еще с 1726 года немецкими профессорами в созданном по указу Петра I Академическом университете начинается чтение курса естественного права. Один из этих профессоров — Ф.Г. Штрубе де Пирман имел титул профессора «юриспруденции и политики»³. Как известно, преподавание в этом университете с момента его создания и на протяжении всего XVIII века складывалось не вполне благополучно, что позволило историку этого университета Д.А. Толстому оценить его деятельность очень негативно. Свою позицию он выразил слова-

¹ См.: Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 200–207.

² См.: Тредиаковский В.К. Слово о премудрости, благоразумии и добродетели // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. III. Политическая мысль России. X — первая половина XIX в. М., 1997. С. 482–483.

³ См.: Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 71.

ми М.В. Ломоносова: «Нельзя не согласиться с Ломоносовым, что «при Академии Наук не токмо настоящего университета не бывало, но и еще ни образа, ни подобия университетского не видно»»¹.

По существу, история университетского образования в России начинается с открытия Московского университета. В проекте об учреждении Московского университета от 12 января 1755 года предполагалось создание трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Структуру этих факультетов определял состав профессоров, каждый из которых возглавлял отдельные направления (и предметы) образования. В этой системе уже в середине XVIII века закреплялись дисциплины, которые, по сути, останутся базовыми для всего последующего университетского образования в России, конечно, видоизменяясь и модернизируясь на разных исторических этапах. Важным принципом этой системы было сочетание и взаимное дополнение таких наук, как философия, юриспруденция, политика и история.

Так, на юридическом факультете требовались три профессора (предметов, или кафедр): «Всея юриспруденции», «Юриспруденции Российской», «Политики». На философском факультете — четыре профессора: «Философии», «Физики», «Красноречия», «Истории»².

Подобная же система преподавания философских и юридических наук содержалась и в проектах уставов Московского университета, которые уже после его открытия составлялись и обсуждались в 70–80-е годы XVIII века.

Как известно, проекты этих уставов второй половины XVIII века так и не были узаконены. Но существует множество исторических свидетельств, что реальная деятельность Московского университета в течение ряда десятилетий реализовывала данную модель преподавания гуманитарных наук. Важнейшей характеристикой этой модели было преподавание философских и юридических дисциплин в ретроспективном и критическом изложении, в сочетании правовых и философских курсов³.

В этой связи, для примера, можно указать на ряд курсов, которые читали в Московском университете в 80-е годы XVIII века немецкие профессора: профессор Баузе «Энциклопедия истории и метод наук и художеств», профессор Пургольд «Ученая история права естественного, римского и российского», профессор Шаден «История всех нравственных наук» и «Политика или наука госу-

¹ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 47.

² Уставы Московского университета. 17552005. М., 2005. С. 76.

³ См.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 145–148.

дарственного правления» и другие¹. Традиция чтения подобных курсов сохранилась. Она получила свое развитие в Московском университете и в первой четверти XIX века, она поддерживалась в то время как немецкими (И.Т. Буле, Х.А. Шлецер), так и русскими профессорами (Н.А. Бекетов, Н.С. Васильев, А.И. Чивилев, Л.А. Цветаев)².

В 1804 году в России был учрежден первый Университетский устав. В соответствии с этим уставом в университетах России (Московском, Казанском, Харьковском³) было образовано отделение (факультет) нравственных и политических наук. В состав этого отделения входили семь профессоров (кафедр). Кроме двух профессоров по церковно-богословским предметам, устанавливали ставки профессора «Умозрительной и Практической Философии» и трех профессоров «Прав»: Естественного, Политического и Народного» и профессора «Дипломатии и Политической Экономии»⁴.

Проблематика истории философско-политических и правовых идей, как в преподавании, так и в научных исследованиях, в период действия устава 1804 года (1804–1835) фрагментарно была представлена в различных дисциплинах. Например, в курсах истории за-

¹ См.: *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998. [Репринт. изд. М., 1855]. С. 226–228. Большой исторический материал содержался и в курсах по естественному праву, которые в Московском университете в то время читали В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер. — См.: *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 71–72, 95–96.

² См.: *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 165–169. Следует отметить, что первыми русскими профессорами юриспруденции в Московском университете еще в 60-е годы XVIII века стали Третьяков и Десницкий. Притоку русских преподавателей в университет способствовал и указ Екатерины II (1767) о чтении лекций на юридическом и медицинском факультетах в основном на русском языке. — См.: *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998. [Репринт. изд. М., 1855]. С. 140–141.

³ Кроме этих университетов в начале XIX века в прибалтийских окраинах Российской империи существовало еще два университета — Дерптский (с 1802 года в городе Дерпт, с 1893 года данный город получил свое старинное название — Юрьев и, соответственно, университет стал называться Юрьевским; современный город Тарту, Эстония) и Виленский (с 1803 по 1832 год в городе Вильна, современный город Вильнюс, Литва).

⁴ См.: Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 268, а также: *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М., 2002. С. 281–282; *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 164; История Московского университета. В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 110.

конодательства и права российского и зарубежного, которые читали Василевский, Малов, Васильев¹. В целом же автор исследования по истории Московского университета С.П. Шевырѐв не высоко оценивал это отделение, отмечая, что «состав преподавателей на этом отделении был наиболее слабый»².

Вместе с тем, следует отметить, что в 10–20-е годы XIX века (период действия устава 1804 года) интерес к политическим наукам в научных кругах России был очень высок. Достаточно указать на работы двух ученых, которые занимали важное место в интеллектуальной жизни России того времени — А.П. Куницына и Н.И. Тургенева. Так, например, по «Тетрадям Горчакова» до нас дошли две работы Куницына (1818–1820), названия которых говорят сами за себя — «Право государственное» и «Изображение системы политических наук»³. А вот две работы другого мыслителя — Тургенева имеют еще более характерные названия: «Программа журнала «Архив политических наук и российской словесности»» (1819) и «Политика» (1819–1820), причем введение к последней работе озаглавлено «Нечто о главных основаниях Теории Политики»⁴. Все это, безусловно, свидетельствовало не только о большом интересе в тот период в России к политическим наукам, но и о серьезных, может быть, до конца и не реализованных намерениях по их развитию.

Устав 1804 года также предусматривал определенный порядок присуждения ученых степеней — кандидата, магистра и доктора (Глава IX) по соответствующему отделению⁵. И тем самым в системе высшего образования России с 1804 года вводились ученые степени кандидата, магистра и доктора нравственно-политических наук.

В 1819 году Министерством народного просвещения вводится специальное «Положение о производстве в ученые степени». В соответствии с этим положением науки в университетах распределялись уже не по отделениям, а по факультетам. Вместо отделения нравственных и политических наук в состав университетов, по этому положению, уже как отдельные, входили философский и юридиче-

¹ См.: *Шевырѐв С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755/1855. М., 1998. [Репринт. изд. М., 1855]. С. 545–546.

² См.: Там же. С. 110–111.

³ См.: *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.* Т. I. М., 1951. С. 591–654.

⁴ См.: *Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: Антология / Под общ. ред. В.В. Мухачева.* М., 2008. С. 182–192.

⁵ См.: *Сборник Постановлений по Министерству Народного просвещения.* Т. 1. СПб., 1864. Стб. 283.

ский факультеты¹. Желающие получить ученые степени (кандидата, магистра, доктора) должны были пройти испытания по соответствующему набору научных дисциплин.

По Университетскому уставу 1835 года упразднение отделений было окончательно узаконено. Как и в 1755 году в Московском университете, во всех российских университетах² создаются три факультета — философский, юридический и медицинский. На философском факультете главный предмет определялся как «Теоретическая и Практическая Философия», за этим же факультетом закреплялся предмет — «Политическая Экономия и Статистика». На юридическом факультете основным предметом становилась «Энциклопедия или общее обозрение системы законовещения; российские государственные законы, т.е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения». А вместо прежнего предмета «Права: Естественные, Политические, Народные», утверждался предмет — «Права: Естественное, частное, публичное и народное»³. Легко заметить, что из названия предмета исчезло слово «политический».

По новому уставу философия и юриспруденция (о политике уже не упоминается) относятся к разным факультетам. Но связь в преподавании этих дисциплин, тем не менее, сохраняется. Это проявилось в том, что учебный процесс на юридическом факультете предполагал изучение исторической эволюции «систем и концепций законовещения», что впоследствии станет основой для курсов истории философии права.

Другое свидетельство взаимосвязи двух названных дисциплин заключалось в том, что в новом Положении об ученых степенях (1837) особая степень магистра по разряду политических наук была отне-

¹ См.: Уставы Московского университета. 1755–2005. М., 2005. С. 141–142.

² К моменту введения в действие Устава 1835 года в России существовало семь университетов — Московский (1755), Дерптский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Гельсингфорский (Александровский) (1827), Киевский (Св. Владимира) (1834). В первые десятилетия XIX века в России был основан также ряд лицеев — высших учебных заведений, в которых преподавались юридические (и политические) науки и образование в которых приравнивалось к университетскому. Наиболее известные среди них: Ярославское (Демидовское) высших наук училище (1803; с 1833 года — лицей); Царскосельский лицей (1810); Решельевский лицей в Одессе (1817; с 1865 года — Новороссийский университет); Нежинская гимназия высших наук кн. Безбородько (1820; с 1832 года — лицей), а также Императорское училище правоведения в Петербурге (1835).

³ См.: Уставы Московского университета. 1755–2005. М., 2005. С. 151–152; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 3. М., 2003. С. 314–321.

сена к философскому факультету¹. В качестве «главного предмета» для испытания на степень магистра по данному разряду определялась политическая экономия, статистика и новейшая история, а «предмета, состоящего с главным в ближайшей связи» — общенародное правоповедение и дипломатия².

В «Положении о производстве в ученые степени» 1844 года звание магистра политических наук в рамках философского факультета было заменено на магистра политической экономии и статистики. Но в этом же положении по юридическому факультету вводилась степень магистра законоведения по 4-м разрядам: гражданского права, уголовного права, государственного права и общенародного права. Примечательно, что такой предмет, как общественное правоповедение и дипломатия остался в числе предметов испытания как для магистров политической экономии и статистики (по философскому факультету), так и для магистров законоведения (по юридическому факультету). Только в первом случае он является вспомогательным, а во втором — главным предметом³.

Кроме того, в положении 1844 года на юридическом факультете (отделении), наряду со степенью доктора юридических наук, устанавливалась степень доктора политических наук⁴. Важно обратить внимание и на перечень предметов испытаний. Для докторов юридических наук такими предметами были: 1) Гражданские законы (общие и особенно местные) и судопроизводство гражданское; 2) Уголовные и полицейские законы и уголовное судопроизводство; 3) Римское право; 4) Энциклопедия законоведения. Для докторов же политической науки предлагался уже другой состав предметов: 1) Государственные законы Российской империи и важнейших европейских государств, общенародное правоповедение и дипломатия; 2) Законы о финансах и законы благоустройства и благочиния; 3) Энциклопедия законоведения; 4) Политическая экономия и статистика⁵. Даже при беглом сравнении составов предметов видно, что при испытании на степень доктора политических наук акцент делался на научные дисциплины, имеющие теоретический и исторический характер, в которых обобщался исторический опыт общественно-политической теории и практики различных государств.

¹ См.: Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1864. С. 46.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 31–32.

⁴ См.: Там же. С. 33.

⁵ См.: Там же.

Новые правила и порядок присуждения ученых степеней указывали на наметившееся в то время в правительственной политике в сфере образования и науки стремление придать политическим наукам относительно самостоятельный характер. Это стремление было, в частности, отмечено известным государствоведом того времени — Н.К. Нелидовым. «Положение 1844 г. ... —, писал он, — представляет до некоторой степени первую попытку к отделению политических наук от юридических, по крайней мере, в высших сферах изучения»¹.

Надо только отметить, что на протяжении всего XIX века политические науки так и не станут самостоятельной областью университетского образования. Для этого будут существовать определенные причины, связанные с особенностями развития российского государственного порядка. Об этих причинах речь пойдет ниже. Главным же является то, что учебный план юридических факультетов российских университетов (а именно там, говоря современным языком, предусматривалась политологическая специализация), начиная с середины XIX века, наряду с большим циклом юридических дисциплин, также предусматривал и весьма солидную философскую подготовку. Важнейшую роль в реализации данной задачи станет играть курс истории философии права.

¹ См.: *Нелидов Н.К.* Наука о государстве как предмет высшего специального образования // *Временник Демидовского юридического училища.* Книга третья. Ярославль, 1872. С. 189.

1.2.

Первые университетские курсы истории философии права

На начальных этапах становления истории философии права в российских университетах содержание учебных курсов во многом опиралось на труды западноевропейских (главным образом — германских) авторов.

Существует подробный обзор мировой литературы по истории философии права, который составил выдающийся государствовед XIX века — П.Г. Редкин. Из этого обзора следует, что первые сочинения, в которых, — по мнению П.Г. Редкина, — «зарождается история философии права», появляются в самом конце XVII — в первые десятилетия XVIII века. Немного позднее в европейских университетах в рамках юридического образования начинают читаться и отдельные курсы истории философии права.

Авторами этих сочинений были Буддей, Людовици, Томазий, Вернгер, Рейнгард, Барбейрак, Глазер. Во второй половине XVIII — начале XIX века Редкин выделяет сочинения Шауссена, Гебауэра, Гюбнера, Гарран-де-Жулоне, Кондорсе, Велькерома. Особо Редкин оценил сочинение берлинского профессора Раумера «Историческое развитие понятий права, государства и политики», которое вышло двумя изданиями в 1826 и 1832 году. Кроме того, отмечаются работы Штала «Философия права через исторический взгляд» (1838) и Вернкёнига «История философии права, начиная с Гуго Гроция» (1839). Как «самое основательное сочинение» Редкиным отмечается трехтомная книга Бусса и Геппа «История и система государственной науки» (1839), а также вышедшее в 1842 году сочинение Росбаха «Периоды истории философии права»¹.

В конце своего обзора в виде небольшого списка П.Г. Редкин называет «главнейшие строго-систематические сочинения по истории философии права». Примечательно, что третьим в этом списке (после Штала и Варнкёнига) он указывает труды русского ученого Неволлина².

¹ См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 325–335.

² См.: Там же. С. 334–335.

Действительно, уже во второй половине 30-х годов XIX века в университете Святого Владимира в Киеве профессор К.А. Неволин первым в России составил и прочитал курс по истории философии права. В 1839–1840 годах в Киеве¹ этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения».

Для нас наиболее интересен второй том этого труда — «История философии законодательства». Здесь К.А. Неволин систематизирует в рамках очень продолжительного исторического контекста от Древнего мира до начала XIX века, многочисленные идеи и концепции в области права и политики. Он считает их в совокупности самостоятельной наукой под названием — «философия законодательства». Далее профессор приходит к выводу о том, что эта наука должна нам дать «правила, из которых можно было бы объяснить каждое явление в области законодательства и по которым бы мы могли даже предначертать все возможные виды законодательств»².

В методологическую основу своего труда К.А. Неволин закладывает два принципиально важных и определяющих для последующего развития отечественной историко-политической науки тезиса: 1) развитие идей или систем имеет закономерный характер — «следует одна из другой в необходимом порядке, ... истинное сохраняется неизменно в течение веков и при этом каждая философская система включает в себе истину — основные начала всех предшествующих»; 2) развитие «начал законодательства» связано с развитием философии (отсюда и название — «философия законодательства»), т.е. с наиболее общим и теоретическим контекстом интеллектуальной деятельности человечества, ибо, по мнению Неволина, «там, где вообще не представляется нужных условий для философии, мы не найдем и умозрений о законах»³.

В соответствии с принятой в то время периодизацией мировой истории на древнюю и новую, К.А. Неволин и историю философии законодательства подразделяет на два аналогичных этапа. В первом этапе (древний) он выделяет три периода: от Фалеса до Сократа, Сократ и его школа (включая Платона и Аристотеля), греческая философия между римлянами и восточными народами; во второй этап (новый) включаются следующие периоды: со времени восстановления наук на Западе Европы до Бэкона и Декарта, от Бэкона и Декарта до Канта, философия новейшего времени, начиная с Канта (Фихте, Шеллинг, Гегель). Рассматривая новую историю филосо-

¹ Второе издание сочинения К.А. Неволина вышло в свет в Петербурге в 1857 году. Современное переиздание этого труда вышло в Петербурге в 1997 году.

² Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб., 1997. С. 389.

³ Там же. С. 112.

фии законодательства, К.А. Неволину удается систематизировать и изложить (местами кратко) практически все основные концепции и школы английской, немецкой и французской философии, в которых рассматривались политико-правовые вопросы. Реализация такого масштабного замысла давала ему полное основание в предисловии к своему труду написать следующее: «Издавая на отечественном языке сочинение, которому, во всем его объеме, наша литература и, смею сказать, даже иностранная, доселе не представляют подобного, я надеюсь, что оно будет принято моими соотечественниками с вниманием, приличном предмету, в нем излагаемому»¹.

В Петербурге в конце 30-х — начале 40-х годов курс с изложением исторической эволюции философско-политических и правовых идей читает П.Д. Калмыков. В 1845 году этот курс лекций издан (в рукописном виде) под названием «Историческая часть энциклопедии законоведения».

П.Д. Калмыков первым из русских ученых дает толкование роли и места исторического изучения философско-политических идей («общих истин права») в государственноведческих науках. По его мнению, «историческое развитие общих истин права — это есть ряд перемен в степени развития сознания, взгляда на общие, основные, коренные, неизменные, вечные истины права. Так как это обнаружение общих истин права есть ничто иное, как выражение степени сознания их членами того или другого государства, то оно ... будет находиться под влиянием местности, климата, разных политических происшествий и других случайных обстоятельств, образования вообще, и состояния философии, в особенности»². Далее П.Д. Калмыков историю законоведения (или историческую часть энциклопедии законоведения) разбивает на два направления. Первое (практическое), по его представлениям, находит свое отражение «в положительных законах и учреждениях», второе (теоретическое) — «в литературных сочинениях мыслителей»³.

П.Д. Калмыков отмечает, что предметом его курса является, прежде всего, второе, теоретическое направление, которое в немецкой традиции называется историей философии права. Но разделяя два направления исторических исследований права, он, тем не менее, отмечает их необходимую связь: «Предметом нашего курса должна

¹ Там же. С. 22. В.П. Мецкерский, вспоминая преподавательскую деятельность К.А. Неволына в училище правоведения в 1855–1857 годах, пишет: «Он преподавал нам историю законодательства и энциклопедию законоведения, для которой изданная им книга славилась в Германии чуть ли не более, чем у нас» — *Мецкерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 32.

² *Калмыков П.Д.* Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845. С. 23.

³ См.: Там же. С. 3.

быть только история философии права, история сознания мыслителей. Но так как она тесно связана с историей положительного права, то, следовательно, и ее последнюю нельзя оставить без внимания, без того многое из истории философии права будет непонятно»¹.

Курс Калмыкова по временным рамкам исторического обзора ограничен только периодом Античности (у Неволлина этот обзор доводится до Канта, включительно). Вместе с тем, в курсе Калмыкова появляются новые разделы, посвященные, в частности, политическим и правовым идеям Древнего Востока (Индия, Китай, Египет, Финикия, Иудея, Персия).

Другим важным достижением в области истории философии права в России этого периода следует считать лекции Н.И. Пилянкевича, которые читались им в Киевском университете во второй половине 40-х годов XIX века², но опубликованы были только в 1870 году (хотя первая неудачная попытка их опубликования относится к 1849 году). Несмотря на то, что этот курс был во многом построен на заимствованиях из немецких и французских сочинений конца 20-х — начала 40-х годов XIX века, он признается достаточно полной и удачной систематизацией политических учений от Древности до Нового времени, от Платона и Аристотеля до Гегеля, содержащей анализ основных европейских школ и течений.

Пилянкевич дает своему курсу название «История философии права». Как мы увидим из дальнейшего изложения, именно это название и станет в XIX веке в российских университетах наиболее распространенным для обозначения учебных и научных занятий в области истории идей по проблемам государства, политики, власти. В книге Н.И. Пилянкевича нет обобщающих и даже вводных разделов, но по некоторым общим замечаниям, которыми предваряется, например, период древней философии права, можно сделать вывод о том, что курс Н.И. Пилянкевича — это не механическое соединение сведений о тех или иных фигурах и школах философии права, а изложение эволюции идей, в основе которой лежит некая закономерность. «В истории каждой науки, — пишет он, — элементы ее первоначально находятся в слиянии; в позднейших периодах развития они разделяются и образуют противоположности, которые примиряются постепенно в окончательном периоде зрелости. Такой ход мы замечаем и в истории философии права...»³.

¹ См.: *Калмыков П.Д.* Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845. С. 45.

² В 1844 году К.А. Неволлин был переведен в Петербургский университет и оставшуюся после этого вакантной кафедру юридической энциклопедии университета Святого Владимира в 1846 году занял Н.И. Пилянкевич.

³ *Пилянкевич Н.И.* История философии права. Киев, 1870. С. 54.

В печатном виде курс Н.И. Пилянкевича вышел в свет в 1870 году, т.е. в то время, когда были опубликованы и другие, более зрелые труды по данной проблематике, но для слушателей Университета Святого Владимира они прозвучали, а значит и включились в интеллектуальную жизнь — уже во второй половине 40-х годов¹. Поэтому в контексте творческой эволюции философско-политических идей в России XIX века курс Пилянкевича должен быть поставлен сразу вслед за курсами Неволлина и Калмыкова.

В 1835 году в Московском университете начинает свою преподавательскую деятельность выдающийся государствовед П.Г. Редкин, который читает курс под названием «Энциклопедия и методология законоведения» (после Редкина, с 1847 года данный курс продолжали читать проф. Лешков и Орнатский)².

Позднее, уже в 60-е годы в Петербургском университете Редкин создаст и будет читать многие годы подробный и систематизированный курс истории философии права.

В числе первых отечественных исследований по истории философии права следует назвать оригинальный (и достаточно объемный) труд профессора Харьковского университета А. Стоянова «Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия» (1862). Автор данного труда подробно анализирует формирование и применение в юриспруденции различных методологических приемов и подходов. На этой стороне исследования А. Стоянова мы подробнее остановимся позже — в третьем разделе. Сейчас же для нас важно подчеркнуть, что для реализации своей научной задачи автор предпринимает достаточно подробный и солидный обзор множества учений и направлений в юридической и политической науке Западной Европы в период с XII по XVIII века (от глоссаторов до Савиньи). Книга имеет четыре главы. В первой анализируются политические учения глоссаторов, схоластиков и ранних гуманистов. Три другие главы посвящены юристам и политическим мыслителям Франции (французская школа), Голландии (голландская школа) и Германии (германская школа). Поскольку исследование Стоянова содержит большое количество ссылок на многие малоизвестные и редкие произведения зарубежных авторов

¹ Это первый университетский курс на русском языке, который получил название «История философии права». Он, правда, не был опубликован в 40-х годах, но здесь уместно сослаться на одну любопытную реплику Н.М. Коркунова: «Развитию науки способствуют не одни печатные труды, но в равной, а у нас пожалуй еще в большей степени и университетские курсы» — Сборник государственных знаний. Т. III. СПб., 1877. С. 23.

² См.: Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1998. [Репринт. изд. М., 1855]. С. 561.

(особенно XVI–XVIII веков), то для начала 60-х годов XIX века его следует считать очень ценным научно-учебным пособием, вводящим в русскоязычную литературу, вслед за книгой Неволлина, широкий пласт новых сведений и фактов о развитии европейских политических учений в предшествующие столетия¹.

Существенным дополнением и развитием уже существующих в 30-50-е годы XIX века университетских курсов по истории философии права, следует считать две книги Д.И. Каченовского² — «Взгляд на историю политических наук в Европе» (М., 1859) и «О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России» (Харьков, 1862), в которых на основе хронологического описания политико-правовых школ и учений проводится их сравнительный анализ, выявляется их место в системе гуманитарного знания.

В своей первой книге, содержание которой, по замечанию самого автора, состоит из четырех статей, опубликованных в журнале «Русский вестник» в 1857 году, Д.И. Каченовский делает обзор политических учений (или государственных наук), начиная с эпох Возрождения и Реформации и до середины XIX века, охватывая при этом все основные европейские школы и направления.

Приступая к данному обзору, автор делает следующее важное замечание: «История государственных наук в их целостности и взаимной связи не была разработана до сих пор... Общий ход политических наук не был объяснен никем»³. Поэтому он ставит перед собой задачу в содержании различных политических учений найти эту «целостность» и эти «взаимные связи» и берет на себя смелость прямо утверждать, что его книга может «до времени и в некоторой степени пополнить чувствительный пробел в нашей литературе»⁴.

¹ Сразу же после выхода книги А. Стоянова в некрасовском журнале «Современник» Ю. Жуковским был составлен и опубликован ее подробный реферат (Т. ХСVI. СПб., 1863. С. 285–310), что позволило сделать этот труд доступным широкому кругу читателей.

² Д.И. Каченовский в марте 1855 года выдержал экзамен на степень доктора политических наук и защитил диссертацию в Московском университете. В 1858–1859 годах и в 1861 году он находился в заграничных командировках, где им и был собран обширный новейший материал для своих книг.

³ *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 27.

⁴ Там же. С. I. Каченовский в этой связи упоминает только два труда западноевропейских авторов, вышедших в свет в неоконченном виде в 50-х годах: Blakey (Блеки). *History of political literature.* (История политической литературы). London. 1855 и R. Mohl (Моль). *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften.* Erlangen. (История и литература государственных наук). 1855/1856. По мнению А.С. Алексеева, «теории государства в их исторической последовательности стали изучаться лишь в тридцатых годах нашего века...» — (Алексеев А.С. Задача и метода истории политических

Вторая книга Каченовского, по замечанию самого автора, стала продолжением первой. Каковы важнейшие характеристики данного труда? Главное его достоинство состоит (говоря современным языком) в том, что это фактически первое произведение по теоретической политологии в России. Наряду с историческими обзорами политических учений, начиная с Платона и Аристотеля, Каченовский анализирует здесь такие важные и для современной политологии проблемы, как происхождение науки о государстве (или политической науки — для Каченовского эти два понятия тождественны); отношение юриспруденции к политическим наукам; о разделении политических наук, состав и содержание отдельных политических наук. Другое важное достоинство книги Каченовского видится в том, что в нее включен специальный раздел, который посвящен обзору политических наук в России («со времен Петра» до середины XIX века). Такой обзор следует считать первым в отечественной литературе опытом ретроспективного анализа политических учений в России.

В этом разделе Каченовский не только и не столько анализирует идеи отдельных мыслителей, сколько говорит об общих особенностях и проблемах развития политических наук в России, о необходимости серьезного политического воспитания и образования. Он выступает за образование «политических отделений в университетах». Деятельность таких отделений, по мнению Каченовского, «будет полезна не только потому, что приготовит людей к государственной службе, но и потому, что положит в России основание общественных наук и здоровой, серьезной журналистики»¹.

Каченовский также считал, что целесообразно было бы создание и отдельных научных учреждений по политическим наукам по типу Академий нравственных и политических наук в Париже и Мадриде². Необходимо отметить, что идею об учреждении в России академии политических наук («Staats-Academie») высказывали еще в середине XVIII века некоторые российские академики-иностранцы³.

Суждения и выводы Д.И. Каченовского во многом способствовали раскрытию теоретического потенциала политических наук, позволили глубже понять их неразрывную связь с другими науками, и прежде всего, с философией.

теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 465), т.е. отечественные исследования в данной области фактически не отставали от западных, по крайней мере, по времени.

¹ Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862. С. 145.

² См.: Там же. С. 166–167.

³ См. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М. 1958. С. 153.

1.3.

Развитие истории философии права после принятия Университетского устава 1863 года

В 1850 году Императорским указом производятся кардинальные изменения в деятельности университетов. Ликвидируются философские факультеты (воссозданы они будут почти через сто лет, в начале 40-х годов XX века), а курсы этого факультета передаются на новый, историко-филологический факультет¹.

Новый Университетский устав 1863 года, спустя 13 лет, лишь подтвердил проведенные изменения². По этому уставу начинают действовать две кафедры, имеющие философские курсы: кафедра философии на историко-филологическом факультете (за ней закреплялись три направления — а) логика; б) психология; и в) история философии) и кафедра энциклопедии права на юридическом факультете, в задачу которой входило чтение двух основных курсов: 1) энциклопедия юридических и политических наук и 2) истории философии права³. При этом нужно иметь в виду, что не только история философии права, но и энциклопедия права имела серьезное философское содержание. В тот период было общепринятым квалифицировать энциклопедию права как «философское введение в курс юридических наук, читаемое на первом курсе юридического факультета»⁴.

Согласно уставу 1863 года по ходатайству университетов на юридических факультетах могли вводиться два отделения (или разряда) — отделение чисто-юридических наук и отделение государственных (или административных) наук. Под последним отделением (разрядом) понимались, прежде всего, науки политические. Н.К. Нелидов, например, оценивая роль устава 1863 года, пишет следующее:

¹ См. подробнее: Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002. С. 25–26.

² По данному уставу в составе университетов образовывались четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Отд. 1. Т. 38. С. 623.

⁴ Малый энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 4. М., 1994. Стб. 2150 (Репринт. изд. СПб., 1909).

«Новый университетский устав является самым ясным выражением изменившихся воззрений на цели и задачи юридического и политического воспитания»¹.

Один из ведущих университетских профессоров-государствоведов того времени — П.Г. Редкин, подчеркивая прогрессивный сдвиг, который произошел в политическом образовании с введением устава 1863 года, резко критиковал предшествующий период. «Науки политические, — пишет он, — тогда были признаваемы нашим правительством весьма опасными для спокойствия государств... В такое время изучение политических наук казалось излишним. Правительству нужны были только юристы и администраторы»². С уставом 1863 года, по мнению Редкина, все принципиально меняется: «Сам закон теперь признает у нас опять науки политические, как предметы университетского образования ...»³.

Но на самом деле положение дел с университетским образованием было гораздо сложнее, чем это могло показаться⁴. Н.К. Нелидов приводит распределение предметов преподавания на разрядах юридических и государственных наук по трем университетам: Киевскому, Харьковскому и Казанскому (1864). Сравнительный анализ этих предметов показывает, что их состав по разрядам мало чем отличается друг от друга. На разряде государственных наук лишь более полно представлено государственное право. Специальные политологические дисциплины отсутствуют⁵.

¹ *Нелидов Н.К.* Наука о государстве как предмет высшего специального образования // *Временник Демидовского юридического училища.* Книга третья. Ярославль, 1872. С. 205.

² *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 10.

³ Там же. С. 11. Можно привести и еще одно высказывание П.Г. Редкина из его вступительной лекции 1863/1864 acad. г. в Петербургском университете: «По новому уставу (имеется в виду Университетский устав 1863 года — М.Е.) энциклопедия права составляет: 1) из энциклопедии не только юридических наук, как было прежде, но и наук политических, и 2) истории философии права». — *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 2.

⁴ Хотя нужно отметить, что эйфория от устава 1863 года не проходила довольно долго. Даже через 10 лет А.Д. Градовский, например, все еще считал, что устав дал необходимые «средства политического образования, которые должно удовлетворяться потребностям русской общественной жизни» — *Градовский А.Д.* О современном состоянии государственных наук. Речь, произнесенная на годовичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 г. // *Градовский А.Д.* Сочинения. СПб., 2001. С. 29.

⁵ См.: *Нелидов Н.К.* Наука о государстве как предмет высшего специального образования // *Временник Демидовского юридического училища.* Книга третья. Ярославль, 1872. С. 207–209.

Непоследовательность в проведении правительственной политики в университетском образовании проявилась и в новом положении о присуждении ученых степеней 1864 года. Несмотря на разделение юридического факультета на два отделения, для кандидатов, магистров и докторов этим положением определялись 7 разрядов, преимущественно юридического характера: гражданского права, уголовного права, государственного права, полицейского права, финансового права, международного права и политической экономии, которые (за исключением последней) включали в себя сугубо правовые научные дисциплины¹.

Не исключено, что противоречивый характер правительственной политики в области гуманитарного образования способствовал существенному развитию такой дисциплины как история философии права, которая в своем содержании объединяла философию, право и политическую науку. Поэтому не случайно, что именно на начальные периоды действия устава 1863 года приходится формирование и чтение наиболее фундаментальных курсов по истории философии права — курсы Б.Н. Чичерина (в Московском университете) и П.Г. Редкина (в Петербургском университете).

В 1869 году выходит в свет первый том (впоследствии пятитомной) «Истории политических учений» Б.Н. Чичерина. В основу этого издания были положены лекции ученого, которые он читал в начале 60-х годов в Московском университете. До 1877 года вышло в свет четыре тома, в которых Чичериным проводится подробный анализ политико-правовых учений от первых мыслителей Античности до немецких идеалистов XIX века.

В первый том (или часть) (1869) включены два раздела — Древность и Средние века, каждый из которых имеет периоды. Древность Чичерин подразделяет на три периода: 1) древнейшие греческие философы; 2) софисты, Сократ и его школа; 3) Платон, Аристотель, стоики и эпикурейцы, Полибий и Цицерон. Средние века, в свою очередь, имеют также три периода: 1) патристика — Златоуст и Амвросий, разделение властей; 2) Борьба светской власти с духовной — теория двух мечей, теория нравственного закона, Фома Аквинский и его школа, Пьер Дюбуа и Иоанн Парижский, Данте, Марсилиус Падуанский, Оккам, Сон в саду, Иоанн Жерсон, Пий II и Григорий Геймбургский; 3) Возрождение и Реформация — Томас Мор и Макиавелли, реформаторы и католики (лютеране, кальвинисты, иезуиты, Кампанелла), Боден.

Две последующие части (тома) труда Чичерина (вторые вышли в свет в 1872 году, третья в 1874 году) посвящены Новому време-

¹ См.: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3., СПб., 1867. С. 109 (штаты и приложения).

ни и подразделяются на следующие периоды: Гуго Гроций, Гоббс, английские демократы XVII века, Кумберланд, Боссюэт, Спиноза; 2) нравственные учения — Пуфендорф, Кокцен, Лейбниц, Томазий, Вольф, Вико; 3) индивидуализм — Локк, Монтескье (на этом часть вторая заканчивается и изложение третьего периода продолжается уже в третьем томе (или части) труда Чичерина) — Гучисон и Фергюсон, Гельвеций и Гольбах, Томас Пэн, Руссо, Мабли; 4) утилитаризм — Юм, Борк, Бентам; 5) идеализм. Идеализм в Германии — субъективный идеализм (Кант, Вильгельм Гумбольдт, Фихте).

Таким образом, заключительный раздел третьей части (или тома) Чичерина отводится началу изложения идеализма в Германии. Этой теме целиком посвящена и четвертая часть «Истории политических учений» Чичерина (вышла в свет в 1877 году). Здесь автор наряду с уже рассмотренным в предыдущей части субъективным идеализмом в Германии, выделяет следующие его течения — натуралистический идеализм (Шеллинг, натурфилософы, Краузе и его школа), нравственный идеализм (позднейшее учение Фихте, богословская школа, Шлейермахер), индивидуалистический идеализм (Фрис, Гербарт, Гуго, Савинья, Пухта, Ансильон, Круг, Роттек, Аретин, Велькер, Цахариэ). В заключение данного тома Чичерин приступает к рассмотрению абсолютного идеализма и излагает систему Гегеля.

Изучение этого направления немецкого идеализма Чичерин продолжает в заключительном пятом томе, который выходит в свет только в 1902 году, т.е. спустя 25 лет после опубликования предыдущего, четвертого. В рамках абсолютного идеализма Чичерин рассматривает гегельянцев Мишле и Эрдмана, Шмиттгеннера, Лоренца Штейна. И, наконец, далее анализируется направление утопического идеализма (социалисты) — Родбертус, Лассаль, Карл Маркс. Вторая половина данного тома посвящена идеализму во Франции. Здесь выделяются следующие течения: клерикалы (Де-Местр, Бональд, Балланш, Ламеннэ), либералы (Бенжамен Констан, Дестютт де-Траси, Шарль Конт, Сисмонди) и доктринеры (Гизо, Гелло, Росси).

Оценивая в целом труд Чичерина, который он создавал на протяжении нескольких десятилетий, мы с полным основанием можем констатировать, что по широте охвата персоналий (больше 70) и направлений политической мысли эта очень значимая работа стала, несомненно, наиболее солидной и фундаментальной не только для второй половины XIX века, но и для всей дореволюционной политической науки как в России, так и за рубежом¹.

Практически в те же годы, в Петербургском университете аналогичный лекционный курс начинает читать П.Г. Редкин. В 1866 году

¹ При этом в современном формате на сегодняшний день весь труд Чичерина еще не переиздан.

его слушателями было составлено и выпущено рукописное издание «История философии права», в котором кратко излагались основные разделы курса лектора. Позднее в 1889–1891 годах начальные главы этих лекций (политическая мысль Античности) в развернутом виде опубликованы в многотомном издании под названием «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще».

Эта часть лекций Редкина посвящена «истории древней философии права в связи с историей древней философии вообще» и делится на ряд отделов. Отдел 1-й — Предтечи философов, теологи — поэты эпические, лирические и драматические (т. I). Отдел 2-й посвящен физикам или физиологам, т.е. натурфилософам: ионисты — гилозоисты (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен); пифагорейцы; элейцы или элеаты (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский); переходные физики или физиологи (Гераклит, Эмпедокл, Левкипп и Демокрит, Анаксагор). Отдел 3-й — софисты, Сократ и односторонние сократики: Софисты (конец II тома и далее — III том); Сократ; Односторонние сократики (Ксенофонт, киники или циники, киреники или киренаики, мегарики. Отдел 4-й — Платон: изложение ряда его диалогов (у Редкина — «разговоров»). Том IV целиком и часть V-го тома посвящены продолжению изложения диалогов Платона (среди них — Политик и Государство).

Вторая часть тома V, целиком том VI и начало тома VII излагают учение Аристотеля. Остаток тома VII отводится анализу философских взглядов стоиков, эпикурейцев, скептиков, эклектиков и синкретиков. На седьмом томе, который вышел в свет уже после смерти автора, издание труда Редкина прерывается¹.

Изучение исторической эволюции идей и концепций о государстве, власти, политике и праве в 60–70-е годы становится отдельным учебным и научным предметом. Появляются разные названия этого предмета, среди них наиболее принятые — история философии права и история политических учений. Эти названия, в частности, и нашли свое отражение в двух наиболее выдающихся курсах этого периода — курсах Редкина и Чичерина.

Различие в названиях по сути одного и того же курса было связано не столько с тем, что содержательно или даже концептуально они отличались друг от друга, сколько с влиянием на эту ситуацию правительственной политики в области образования. Суть ее состояла в стремлении самодержавного правительства исключить понятия «политика», «политическое» из названий учебных курсов и кафедр, за чем скры-

¹ Редкин планировал это издание в составе 14-ти томов, но в свет вышло только семь. Издатели седьмого тома в предисловии упоминают о том, что лекции Редкина по средневековью, новой и новейшей истории философии права сохранились и готовы к опубликованию. Но осуществить издание этих томов ни тогда, ни позднее так и не удалось.

валось более серьезное намерение подменить анализ и преподавание существующих многоплановых политических явлений и процессов изучением статичных правовых форм или философских конструкций. Не случайно именно курс Чичерина называется «История политических учений»¹, поскольку в период написания и издания 1-го тома этого труда его автор был в опале, не преподавал в университете и в этом смысле достаточно свободен. Более того — проявлял желание в пику правительственной политике выдвинуть на передний план именно опальный политический аспект. Редкин же, — действующий университетский профессор, — не мог игнорировать официальные формулировки, да и, по сути, считал название «История философия права» наиболее адекватным для содержания своего курса.

И в дальнейшем курсы «История политических учений» и «История философия права» и по содержанию, и по предмету мало отличались друг от друга. Чередование этих названий скорее было связано с реакцией различных университетских кругов на правительственные установки в области образования.

Да и для Чичерина названия для его исследований в области истории политико-правовой мысли имели условный характер. Так, уже через много лет после опубликования первого тома своей «Истории», Чичерин, вспоминая свою теорию о циклическом чередовании четырех школ в общественной мысли, и совершенно определенно имея в виду свою «Историю политических учений», говорит уже об «истории философия права»².

Примечателен в этом плане опыт Демидовского юридического лица в Ярославле. С 1872 по 1874 год в составе энциклопедии права здесь читался курс истории философия права (П.Е. Астафьев). Устав

¹ Есть все основания полагать, что именно Чичерин ввел в 1869 году в научное обращение (не только в России, но и на Западе) сам термин «история политических учений» наряду с доминирующим в то время термином «история философия права». Во всяком случае, в подробнейшем обзоре мировой литературы по истории философия права и государствоведению, который составил Редкин в 1-м томе «Из лекций по истории философия права в связи с историей философия вообще» (а в его компетентности в этом вопросе вряд ли можно сомневаться), в названиях указанных трудов такого термина нет. Наряду с наиболее распространенными словосочетаниями «история философия права» и «история наук о государстве», встречаются, например, такие — «историческое развитие понятий о праве, государстве и политике» (Раумер, 1826), «история политической литературы» (Блэки, 1855) (См.: *Редкин П.Г. Из лекций по истории философия права в связи с историей философия вообще*. Т. I. СПб., 1889. С. 316–351.). Понятия «история политических учений», «история политических теорий», «история политических идей» стали появляться в названиях работ западных авторов только в конце XIX века (Ф. Поллок, Г. Кох, А. Мишель).

² Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

училища 1874 года эту дисциплину из числа изучаемых исключил. Но в 1886 году она опять была восстановлена, но уже под названием «История политических учений» (читал Е.Н. Трубецкой). В начале XX века дисциплине было возвращено название «История философии права» (читали Ф.В. Тарановский и Б.А. Кистяковский)¹.

Употребление различных названий относительно рассматриваемой нами дисциплины было, безусловно, общепринятым в университетской среде того времени. Так, например, во вступительной главе учебного пособия профессора Харьковского университета А.Н. Фатеева, названного им «Историей общих учений о праве и государстве», мы встречаем следующее характерное положение: «История общих учений о праве и государстве, иначе называемая историей философии права или историей политических учений, ...»².

В 60-е годы проблематика истории философии права начинает разрабатываться не только в специальных курсах, но и в общей государствоведческой и исторической литературе.

В это время становится общепринятым включать достаточно обширные исторические обзоры теорий о государстве и власти в курсы (и исследования) по государственному (в том числе и русскому) праву, которое в то время начало читаться на юридических факультетах российских университетов. Так, например, в курсе по русскому государственному праву И.Е. Андреевского (СПб.-М., 1866) истории политических учений отводится большой раздел, в нем дается исторический обзор теорий государства, разбивая их на две категории: «теории, объясняющие государство посредством объяснения его цели» и «теории, стремящиеся объяснить существо государства посредством объяснения его происхождения»³. В числе авторов первой категории теорий Андреевский называет античных классиков Платона и Аристотеля, английских мыслителей Бэкона и Бентама, немецких мыслителей Канта и Гегеля, а также Гербарта и Краузе⁴. К авторам второй категории теорий Андреевский относит: в древности — софистов, в новейшей для него истории — Гуго Гроция, Гоббса, Локка, Пуфендорфа, Томазия, Вольфа, Руссо⁵.

Начиная с 70-х годов XIX века, в отечественной научной литературе формируется и еще одна линия историко-политологических

¹ См.: Имени Демидова. Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995. С. 121.

² Фатеев А.Н. История общих учений о праве и государстве. Вып. I. Изд. 2-е. Харьков, 1909. С. 3.

³ См.: Андреевский И. Русское государственное право. Т. 1. СПб.-М., 1866. С. 40–80.

⁴ См.: Там же. С. 43–66.

⁵ См.: Там же. С. 67–80.

исследований. Эта линия состояла в том, что проблематику истории политических учений рассматривали в связи с другими течениями общественной мысли.

Так, например, Д.Ф. Щеглов в своей книге «История социальных систем от древности до наших дней» Т. 1. (СПб., 1870) рассматривает наиболее выдающиеся социальные проекты в истории общественной мысли. Понятие «социальный» у Щеглова фактически тождественно понятию «социалистический» и трактуется им очень широко. «Социальный, — пишет Д.Ф. Щеглов, — значит, собственно, общественный, и по этимологии социализм есть ничто иное, как занятие общественными вопросами, служение общественному делу. И в этом смысле всякая книга, занимающаяся вопросами политики, права, политической экономии, есть социальная»¹. Исходя из такого понимания социального (или социалистического), Щеглов в первом томе своего сочинения анализирует учения Платона, Сен-Симона и сенсимонистов и Оуэна². Сочинение Щеглова имело очень оригинальную конструкцию: каждая глава включала не только обзорно-аналитическую часть по определенному мыслителю, но и приложение с публикацией обширных выдержек из произведений этого мыслителя.

Другой автор — Ю.Г. Жуковский уже самим названием своей книги — «История политической литературы XIX-го столетия» (Т. 1, СПб., 1871) вводит в научный оборот новое понятие — «история политической литературы», которая, по его мнению, «... должна поневоле заниматься общей философской стороной всех отделов государственной науки..., т.е. быть историей литературы государственно-философской»³. Содержание первого тома свидетельствует о том, что проблематику такой литературы Жуковский понимает достаточно широко, поскольку включает в нее не только мыслителей-философов (Руссо, Бэкона, Локка, Канта), но и экономистов (Адама Смита, Рикардо и др.).

Отдельно следует отметить труд В.И. Сергеевича «Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы» (М., 1871), в котором впервые в отечественной мысли осуществляется не просто хронологическое изложение западноевропейских политических учений, а дается обобщенный аналити-

¹ См.: Щеглов Д.Ф. История социальных систем от древности до наших дней. Т. 1. СПб., 1870. С. VII.

² Второй том книги Д.Ф. Щеглова увидел свет только в 1889 году, хотя, по признанию автора, основное его содержание было готово уже к 1870 году, но по разным причинам тогда этот том напечатан не был. В этом томе Щеглов анализирует учения и идеи Фурье, Кабе, Л. Блана, Лемене, Леру, Бюше, Отта, Конта и Литтре.

³ Жуковский Ю.Г. История политической литературы XIX-го столетия. Т. 1. СПб., 1871. С. 1.

ческий обзор немецких, английских и французских политических теорий, в основном XIX века, по двум важнейшим проблемам: суть и задачи «науки о государстве» в контексте гуманитарного знания и методы исследования, применяемые в рамках этой науки.

В своей работе Сергеевич развивает, по-видимому, первым в русской научной литературе, подход в изучении и анализе научного (в данном случае, государствоведческого) материала, суть которого состоит в персонификации идей и концепций. Такая персонификация важна для него не только при историческом обзоре, но и при изложении новейших достижений науки, при обобщенном анализе различных научных проблем и аспектов. Термин «политическая литература», который употребляет Сергеевич в названии своей книги, как раз и подчеркивает, что для него история политических (государствоведческих) учений — это не просто совокупность идей, а совокупность идей конкретных ученых, изложенных ими в конкретных трудах. «Основательное знакомство с такими почтенными трудами, — пишет в этой связи Сергеевич, — как выше приведенные сочинения Роттека, Захарии, Шмиттенена, Аренса, Шталя, Вайца, Дальмана, Моля, Блюнчи, Эшера, Штейна и Гольцендорфа, безусловно, необходимо для каждого, кто желает посвятить свои силы разработке вопросов государственной организации»¹.

В этот же период еще один автор — А.Н. Пыпин в своей книге «Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки» (СПб., 1873–1874), составленной, по его собственному замечанию, из статей, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1872–1873 годах, анализирует политические идеи в контексте литературного процесса в России в период конца XVIII — первой половины XIX века (Жуковский, Крылов, Пушкин, Гоголь и др.). «Историю литературного развития» Пыпин понимает как «выражение и средство умственной жизни народа»², и поэтому через литературу можно понять все стороны и условия жизни народа, нации, в том числе и его нравственно-политические начала.

Государствоведческие и исторические труды указанных авторов существенно расширили и обогатили проблематику историко-политологических исследований и создали базу для разработки систематизированных курсов по истории политических учений (истории философии права), которые с середины 80-х годов на регулярной основе стали читаться в российских университетах.

¹ Сергеевич В.И. Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 231.

² См.: Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки. СПб., 1873–1874. С. 4.

1.4. Положение истории философии права после 1884 года.

В 1884 году выходит новый (и последний в дореволюционной истории) Университетский устав. В соответствии с ним на юридических факультетах университетов¹ образуется 12 кафедр, среди них кафедра энциклопедии права и истории философии права². Понятие «политическая наука» из прежних названий кафедр или курсов окончательно исчезает, что приводит к закреплению преподавания историко-политологической проблематики исключительно в рамках юриспруденции. И тем самым тенденция свертывания самостоятельного изучения политической науки, ее истории, начавшаяся в 60-е годы, вопреки немалым достижениям в этой области в предшествующие десятилетия, приходит к своему логическому завершению³.

¹ В конце XIX века в Российской империи было 10 университетов — Московский (1755), Юрьевский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Гельсингфорский (Александровский) (1827), Киевский (Св. Владимира) (1834), Варшавский (русский, 1862–1915), Новороссийский в Одессе (1865) и Томский (1878–1888). До 1917 года было открыто еще три университета: Саратовский (1909), Ростовский (1915 — на базе переведенного из Варшавы русского университета) и Пермский (май 1917, на базе эвакуированного Юрьевского университета; в 1915–1917 годах работал как филиал Петроградского университета). Состав факультетов по новому уставу 1884 года остался прежним — четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Кафедра философии по-прежнему находилась в структуре историко-филологического факультета.

² См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 92. 29 августа 1884 г. С. 1704. По Уставу 1884 года из перечня ученых степеней исключалась степень кандидата и оставлялись (кроме медицинского факультета) только две степени — магистра и доктора, которые, как указывалось в Уставе, «приобретаются последовательно, одна за другою» — См.: Там же. С. 1708.

³ Не трудно заметить, что зигзаги правительственной политики в области образования, в частности, преподавания в университетах государствоведческих (политических) наук, совпадают с периодами «реформа-контрреформа» в политической истории России XIX века. Два относительно прогрессивных той эпохи Университетских устава 1803 и 1863 годов появляются в свет в начальной фазе относительно либеральных реформ, тогда как два достаточно реакционных устава 1835 и 1884 годов вступают в действие в ходе развертывания контрреформ.

История философии права становится важным обязательным предметом университетского образования. Причем, ее значимость и объем преподавания со временем только возрастает. Так, например, в Казанском университете в 1883–1885 уч. годах проф. Загоскин еженедельно читает лекции из цикла «Энциклопедия и история философии права» на 1 курсе юридического факультета в объеме 2-х часов, то в 1885–1887 уч. годах данный курс у этого профессора составляет уже 5 часов. А в 1891–1892 уч. году доцент Елизаров составил уже материалы по данной теме в объеме 10 часов. Это было сопоставимо такими базовыми для подготовки юристов предметами как «уголовное право и уголовное судопроизводство» или «гражданское право и гражданское судопроизводство»¹.

Следует также заметить, что университетские кафедры энциклопедии и истории философии права всегда собирали в своем составе государствоведов, имеющих солидный философский потенциал. В начале XX века эту кафедру в Московском университете возглавляли такие ученые, как П.И. Новгородцев и Е.Н. Трубецкой. Преподавателями кафедры в тот период были Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев и др. Например, Вышеславцев в 1914 году защитил магистерскую диссертацию с названием: «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии», а Ильин представил на защиту в 1918 г. свою двухтомную монографию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»².

Окончательное официальное закрепление истории философии права, как самостоятельной университетской учебной дисциплины, и возрастание объемов ее преподавания в университетах обуславливают необходимость разработки в конце XIX — начале XX века достаточно большой серии учебников и учебных пособий с одноименным названием.

¹ См.: *Залесский В.Ф.* Сводная таблица расположения лекций на юридическом факультете Казанского Императорского университета за время с 14 февраля 1805 по 1 мая 1903 года. Казань, 1903. С. 124, 129, 130, 132, 135.

² См.: *Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории.* М., 2002. С. 43–44. Следует также заметить, что с 1906 г. на историко-филологических факультетах существенно расширяется преподавание философии. И что примечательно: в рамках одной из трех секций группы философских наук — секции истории философии — предписывается преподавание дисциплины «История политических учений», а в секции систематической философии — дисциплины «Общая теория права». Тем самым организаторы учебного процесса того времени начинают на практике реализовывать принципы универсальности образования, основанного, в частности, на взаимном дополнении и пересечении гуманитарных дисциплин. — См.: Там же. С. 38–39.

Учебные курсы и труды по истории философии права, появившиеся в конце XIX — начале XX века, можно разделить на три категории: первая — это общие учебные пособия, охватывающие эволюцию политических идей от античности до современности; вторая — учебные пособия, рамки, материал которых охватывал эпоху нового времени, т.е. период, когда и разрабатываются наиболее фундаментальные идеи и концепции политической науки; и третья категория — это труды, посвященные анализу политических идей определенного исторического периода или конкретных персоналий.

К первой категории относятся следующие издания (в хронологическом порядке):

- «Краткий очерк истории философии права» Н. Потапова (Киев, 1890) — небольшое учебное пособие («применительно к программе университетского курса»), которое кратко излагает политико-правовые идеи ключевых мыслителей — Сократа, Платона, Аристотеля, эпикурейцев, стоиков, скептиков, Цицерона, римских юристов, Гуго Гроция, Монтескье и Савиньи.
- «Очерки истории философии права» С.А. Бершадского (СПб., 1892). Задумывался как общий курс, но вышел в свет только 1-й выпуск, в который вошли политические учения мыслителей Древней Греции до Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков, эпикурейцев, скептиков. Затем рассматривались схоластика, идеи и концепции Декарта, Спинозы, Гуго Гроция, Гоббса, Локка, Монтескье.
- В 1896 г. вышла в свет «История философии права» Н.М. Коркунова, впоследствии неоднократно переиздававшаяся¹. Это одно из наиболее солидных и по объему, и по содержанию исследований в указанной серии. Труд Коркунова состоит из 4-х частей. Первая — Древность — включает учения греков и римлян; вторая — Средние века — учения Августина и Фомы Аквинского, средневековых юристов; третья — Новое время — эпоха Возрождения, Семнадцатый, Восемнадцатый века, научная разработка права в России; четвертая — новейшее время — историческая школа и Берка, Гегеля, и гегельянцев (включая и русского гегельянца Чичерина), французских философов начала XX столетия, позитивизм и утилитаризм.
- Сокращенный вариант вышедших к тому времени 4-х томов «Истории политических учений» Б.Н. Чичерина под названием «Политические мыслители древнего и нового мира» (М., 1897). В это издание Чичерин включил около полутора десятков персоналий, разбив материал на 4 раздела: Древность — Платон и Ари-

¹ В 1915 году вышло 6-е издание данного труда Н.М. Коркунова, но современного его издания, к сожалению, до сих пор нет.

стотель; Средние века — Фома Аквинский и его школа, Данте, Марсилий Падуанский; Эпоха Возрождения — Томас Мор, Макиавелли и Боден; Новое время — Гуго Гроций, Гоббс, Мильтон, Кумберланд, Локк, Монтескье и Руссо.

- «Лекции истории философии права» В.Ф. Залесского (Казань, 1902) состояли из двух частей. Первая часть — «Философия права в Древней Греции и Риме» — вобрала в себя древнюю ионийскую, пифагорейскую, элейскую и новую ионийскую школы, софистов, Сократа, Платона, Аристотеля, циников, стоиков, киренаиков, эпикурейцев, скептиков, Цицерона, римских юристов и неоплатоников. Вторая часть — «Философия права в Новое время» — отцов церкви и схоластиков, глоссаторов и постглоссаторов, предшественников и самого Гуго Гроция, французскую историческую и голландскую школы, Бэкона, Декарта, Спинозу, Гоббса, Локка, Пуфендорфа, Томазия и Вольфа, Канта, Монтескье, Геттингенскую школу, Иеринга, утилитаристов.
- «История философии права» Г.Ф. Шершеневича, которая вышла в 4-х выпусках, сначала в Казани в 1904–1905 гг., а затем в 1907 году в Петербурге. Данный труд, наряду с книгой Коркунова, относился к числу наиболее популярных университетских учебников конца XIX — начала XX века. всю историю философии права Шершеневич разбивает на три раздела — Греко-римская философия, Средневековая философия, Новая философия. В первый раздел включены софисты, Сократ, Платон, Аристотель, римские философы и юристы, Цицерон. Во второй — схоластики, Фома Аквинский, Марсилий Падуанский, средневековые юристы. Третий раздел разбит на два этапа. Первый этап новой философии — борьба за религиозную свободу — это Макиавелли, Томас Мор, Жан Боден, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Спиноза, Пуфендорф, Томазий и Лейбниц. Второй этап — борьба за политическую свободу — связаны с именами Локка, Монтескье, Руссо, Канта, Фихте и Гегеля.
- Вышедший в Харькове в 1907 году «Курс истории философии права» К.Н. Яроша, по сути, обзорный анализ политической и правовой мысли в период Античности, в Средние века, Новое время до эпохи Возрождения и Реформации, включительно.
- В 1908–1912 годах в Харькове в нескольких выпусках (некоторые из них имели повторные издания) вышло в свет учебное пособие А.Н. Фатеева под названием «История общих учений о праве и государстве». Пособие разделено на две части. Первая часть (выпуски I и II) имеет сквозную нумерацию глав. Глава I — методологическая, вводная. Глава II — зачатки этико-политических учений в Элладе: Пифагор, софисты, Сократ, циники

и киренаики, Платон. Глава III посвящена Аристотелю. Глава IV — переход от античного этатизма к средневековому теократизму. Глава V — политические и правовые учения IV-XIV веков (Фома Аквинский, Данте Алигьери и др.). Глава VI — эпоха Возрождения и Реформации. Глава VII (с нее начинается выпуск II) посвящена доктрине естественного права (Бекон и Декарт, Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк). Глава VIII — только Montesquieu. Выпуск III состоит из двух частей. Вторая часть¹ включает 4 главы. Глава I посвящена просвещенному абсолютизму; Глава II — Ж.Ж. Руссо; Глава III — общему учению о праве и государстве в северо-американской и французской Декларациях прав человека и гражданина; Глава IV — общему учению о праве и государстве в Германии в XVII и XVIII столетиях (Пуфендорф, Томазий, Вольф, Кант, Вильгельм Гумбольдт), кратко говорится и о теориях XIX века.

- Следует также отметить, что на основе крупных работ по общей истории философии права, создаются конспективные учебно-методические пособия. В 1900 году студентом Петербургского университета П.Я. Лефевром был составлен и издан «Повторительный курс истории философии права (По работам профессоров Н.М. Коркунова, С.А. Бершадского, Зверева, Гейера и др.)»; в 1908 году в Петербурге выходит пособие Владимирова Е. «Существенные черты истории философии права. Составлено по университетской программе, преимущественно, по курсу проф. Н. Коркунова»; в 1910 году в Одессе — учебное пособие Н.Д. Яворского «История философии права. Краткий курс, составленный применительно к университетской программе». Выходили и другие подобные пособия².

Ко второй категории историко-политологических работ российских ученых конца XIX — начала XX века следует отнести ряд учебных пособий по истории философии права, которые охватывали не весь исторический контекст от древности до современности,

¹ Часть I выпуска III учебного пособия Фатеева в библиотеках Москвы и Петербурга в настоящее время найти не удалось.

² Дореволюционную традицию истории философии права (истории политических учений) продолжил ряд авторов, которым удалось после 1917 года выпустить в свет несколько книг: *Спекторский Е.В.* Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918; *Ладыженский А.М.* Общественно-политические идеалы древнего мира, средних веков и нового времени. Харьков, 1919; *Бошко В.И.* Очерки развития правовой мысли. М., 1925; *Рейснер М.А.* История политических учений. Т. 1. М., 1929. На этом серьезные исследования в данной области в нашей стране прерываются на два десятилетия, пока в 40-е годы прошлого века для нужд юридического образования не стал разрабатываться курс «История политических и правовых учений».

а только период Нового времени. В их числе следует выделить следующие:

- Курс по истории философии права Нового времени Е.Н. Трубецкого (первая часть впервые была опубликована в Киеве в 1893 году¹). Курс охватывает наиболее крупные фигуры этого периода — Макиавелли, Томаса Мора, Гоббса, Гуго Гроция, Декарта, Спинозу, Локка, Лейбница, Монтескье и Руссо.
- Лекции по истории философии права П.И. Новгородцева, которые включали учения нового времени (XVI–XIX века). Впервые этот курс литографическим способом был издан в 1897 году в Москве, затем переиздавался под другими названиями в различных составах. Наиболее полный его вариант (1908–1910 годы) состоит из 15 глав, которые вобрали в себя зарождение новой философии права, Макиавелли, философию права эпохи Реформации, Бодена и Боссюэта, политические учения Англии XVI–XVII веков, Гоббса и Фильмера, Сиднея и Локка, Гуго Гроция, Пуфендорфа, французские учения XVIII века, Канта, Бентама, Констана и Токвиля, Гегеля, Лоренца Штейна; дается также общий обзор политической мысли во второй половине XIX века.
- Курс лекций по истории политических учений Нового времени М.М. Ковалевского (СПб., 1911, литографическое издание), построен не столько на анализе взглядов отдельных персоналий, сколько на обобщенном изложении отдельных течений (главным образом либеральных) политической мысли в Западной Европе в XVII–XVIII веков.

К третьей категории работ российских историков политических учений следует отнести исследования, посвященные анализу политических учений определенного исторического периода (страны) или конкретной персоналии.

Подобные работы начали появляться еще в 60-е годы. Достаточно в этой связи назвать книгу Ю.Г. Жуковского «Политические и общественные теории XVI века». (СПб., 1866). XVI век Жуковский определяет как «век ... общего перелома в науке и жизни», поэтому, по его мнению, данное столетие, «полное интереса для реальной философии права, которое выработало все почти материальное содержание для последующих систем, и которое ускользало до сих пор почти вовсе от внимания философии права...»². В этой книге Жуковский

¹ Данный курс Е.Н. Трубецкой начал читать в Демидовском юридическом лицее в 1886 году, затем продолжил в Университете Св. Владимира в Киеве и в Московском университете. Лекции публиковались частями в 1893–1899 годах.

² *Жуковский Ю.Г.* Политические и общественные теории XVI века. СПб., 1866. С. 23, 24.

развивает очень важный и плодотворный для последующей истории политической мысли подход, который состоит в рассмотрении политических теорий в контексте юридических, экономических и социальных идей.

Среди трудов историко-политологического характера необходимо выделить одну оригинальную работу, посвященную анализу политических воззрений конкретного мыслителя. Речь идет о монографии А.С. Алексеева «Макиавелли как политический мыслитель» (1880). В ней, наряду с многогранным анализом взглядов Макиавелли, дается по существу научная модель изучения и интерпретации творчества отдельных политических мыслителей и политических школ. Данная модель включает в себя три ступени анализа: 1) сначала дается систематическое изложение политического учения мыслителя путем последовательного выделения его наиболее важных положений и выводов; 2) затем раскрываются политические и социальные условия, при которых складываются воззрения рассматриваемого ученого; 3) и, наконец, показывается место ученого в истории политических учений, для чего анализируется система взаимовлияний его идей, а также предшественников (современников), и последователей.

Уже на примере двух рассмотренных работ, видно, что данные исследования отличались от общих учебных курсов по истории философии права более широким и углубленным применением различных сравнительных и аналитических подходов. Эти подходы были развиты и в других работах. Для примера можно выделить большой очерк А.С. Яценко под названием «Политические учения в Англии в XVIII веке и в начале XIX века» (М., 1912) и книгу Кузнецова К.А. «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.)» (Владивосток, 1913).

Таким образом, представленный краткий обзор учебных курсов по истории философии права (истории политических учений) свидетельствует о том, что к концу XIX века в России сформировался ряд университетских школ по данной учебно-научной дисциплине: Московского университета (М.М. Ковалевский, П.Н. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич), Петербургского университета (С.А. Бершадский, Н.М. Коркунов), Казанского университета (В.Ф. Залесский), Харьковского университета (К.Н. Ярош, А.Н. Фатеев).

К этому необходимо добавить, что столь же активно преподавание истории философии права, как отдельно, так и в рамках курса государственного права, в конце XIX века проводилось в Варшавском университете (А.Л. Блок), в Новороссийском университете в Одессе

(К.А. Кузнецов), в Демидовском (Ярославском) юридическом лицее (Е.Н. Трубецкой, Б.А. Кистяковский)¹.

Кроме специальных трудов (и учебных курсов) существовало достаточно большое число научных исследований, в которых проблематика истории философии права имела подчиненный характер. Вместе с тем, в этих исследованиях мы находим ряд интересных обобщений и аналитических материалов.

Так, например, большая глава под названием «Историческое развитие понятия власти», в которой дается обзор концепций власти от Античности до современности, содержится в книге «Указ и закон» (1894) Н.М. Коркунова². Этот обзор Коркунов предваряет важным положением о значении исторического изучения теоретического материала: «Сознательное отношение к общепринятым, установившимся научным теориям требует непременно возможно точного выяснения их генезиса, выяснения условий их возникновения, развития, распространения... Надо проследить общепринятую теорию до момента ее первоначального зарождения, надо определить причины, ее породившие. Только выяснив таким образом первоначальное основание исследуемой теории, можно сознательно оценить ее внутреннее достоинство и научное значение»³. Видно, что в этих замечаниях Коркунова заложена целая программа историко-политологических исследований, которая впоследствии станет методологической основой его знаменитого курса истории философии права, вышедшего в свет первым изданием через два года — в 1896 году.

Другой автор — А.С. Алексеев в своем курсе русского государственного права (1897) много места отводит не только изложению европейских политических учений (Макиавелли, Боден, Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Руссо, Монтескье, Констан, Штейн и др.), но и включает четыре главы, посвященные политическим учениям и проектам российских ученых и публицистов XVII–XIX веков⁴.

В начале XX века был издан ряд солидных исследований, в которых история политических учений анализируется через призму какой-либо определенной идеи или концепции.

Среди таких исследований следует выделить солидный труд Н.Н. Палиенко «Суверенитет. Историческое развитие идеи сувере-

¹ Более подробный персональный состав университетских школ государственного права в XIX — начале XX века в России см.: Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. М., 1915. С. 12.

² См.: Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 45–130.

³ Там же. С. 45.

⁴ См.: Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 41–161, 163–192.

нитета и ее правовое значение» (Ярославль, 1903). Эта работа посвящена хронологическому изложению идеи и концепций суверенитета в истории политической мысли от Античности до XIX века. Особенно подробно автор останавливается на развитии идеи суверенитета в Новое время, анализируя политические учения основных мыслителей этого периода (Ж. Боден, Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Констан, Шталь и др.).

Специфическим образом анализирует историю политических учений на протяжении всех веков ее развития А.Н. Фатеев в своей книге «Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства. (Идея политического индивида». В 2-х частях. Харьков, 1904–1907)¹. Автор подробно показывает развитие идей и концепций соотношения государства и индивида, считая его сущностным для понимания природы политического. Две части этой книги включают 9 глав. Глава I — Господство абсолютного этатизма и зародыши этико-политического индивидуализма; Глава II — Элементы политического индивидуализма, внесенные христианской доктриной; Глава III — Теократизм и значение средневековой философии для политического индивидуализма; Глава IV — Значение индивидуализма Возрождения и Реформации для индивидуалистического направления в истории философии государства и зародыши политического индивидуализма; Глава V — Основания политического индивидуализма в методологической философии XVII столетия; Глава VI — Элементы индивидуализма в этико-религиозной философии конца 16-го и в 17 веке; влияние на политический индивидуализм дальнейшего развития религиозной реформации; Глава VII — Доктрина отечественного права, ее рациональные основания и отношение к политическому индивидуализму; Глава VIII — Философия Просвещения, ее отношение к политическому индивидуализму и формы, принимаемые этим направлением в политической философии XVIII век; Глава IX — Основания политического индивидуализма в эмпирической и эволюционной философии государства XIX столетия.

Следует выделить также две работы П.И. Новгородцева — «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1902) и «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909). В первой работе, основное содержание которой посвящено политическим и правовым идеям Канта и Гегеля, в отдельной (первой) главе рассматривается развитие немецкой философии права от Пуфендор-

¹ Данный труд предваряется другой работой А.Н. Фатеева «Развитие индивидуализма в истории политических учений. Очерк введения и главнейшая библиография». (Харьков, 1904).

фа до Канта. Вторая работа Новгородцева посвящена историческому анализу политических идей XVIII–XIX веков по двум проблемам: кризис теории правового государства и кризис теории индивидуализма.

Другой известный государствовед того периода — Ф.Ф. Кокошкин большую часть своих лекций по общему государственному праву (1908 г.) посвящает анализу семи теорий происхождения и оснований государственной власти (теократической, патриархальной, договорной, органической, материалистической, теории завоевания и теории экономического материализма)¹.

Здесь следует также упомянуть и оригинальную работу М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884). В этом труде охватывается не только вся история русской мысли от Древности до XIX века, но и привлекается широкий круг исторических, философских, этнографических и прочих научных источников и материалов. Делается это для того, чтобы показать основные направления и коллизии развития русской мысли как синтеза социальных, политических, идеологических идей и концепций.

В книге Е.В. Спекторского «Очерки по философии общественных наук. Вып. I. Общественные науки и теоретическая философия» (Варшава, 1907) политическая и этическая проблематика раскрывается в историческом контексте развития важнейших общественно-научных идей и концепций от Древней Греции до марксизма. Позже этот автор издает 2-х томный оригинальный труд «Проблемы социальной физики в XVII столетии» (Т. 1 — Варшава, 1910; Т. 2 — Киев, 1917), в котором через призму понятий «статика» и «динамика» прослеживается историческая эволюция ключевых проблем социологии и политологии.

Существовали также солидные исследования, в которых история политических учений анализировалась в контексте развития исторического процесса в целом, как специфическая рефлексия этого процесса.

К числу таких исследований следует отнести книгу Р.Ю. Виппера «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе» (СПб., 1900); в ней политические идеи и концепции просветителей и утопистов рас-

¹ См.: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912. С. 9–79. В некоторые курсы государственного права включались краткие обзоры истории политических учений в России. См.: Куплеваский Н.О. Русское государственное право. Т. I. Харьков, 1894. С. 24–38; Коркунов Н.М. История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 261–333; Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. М., 1915. С. 7–13.

считаются как отражение сложного общественного процесса в странах Западной Европы в XVIII–XIX веках. Виппер в этой книге прослеживает взаимодействие идей и «условий», в которых эти идеи возникли.

В таком же ключе написана и солидная (трехтомная) книга М.М. Ковалевского «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений» (М., 1906). Оригинальность исследования Ковалевского обозначается уже в самом названии. В предисловии к своему труду М.М. Ковалевский пишет: «Ряд писателей (мне достаточно припомнить в настоящее время имена Поля Жанэ, Франка и Б.Н. Чичерина) задался уже мыслью изобразить общий ход развития политических теорий... Ни один не счел нужным показать более тесную зависимость политической мысли от политической жизни...»¹. Восполняя данный пробел, автор рассматривает появление и развитие политических идей и учений в контексте политической истории. В 1-м томе он, например, анализирует античные политические учения о народовластии во взаимодействии с развитием политических порядков греческого и римского античного мира; средневековые схоластические теории и эволюцию различных монархических форм XIV–XVI веков. Под этим же углом зрения рассматривается, в частности, и политическое учение Макиавелли. 2-й том посвящен XVII веку. Здесь раскрывается взаимосвязь политических доктрин и политических процессов во Франции, Нидерландах и Англии. Отдельно анализируется политическая доктрина Спинозы. И, наконец, 3-й том посвящается политическим теориям эпохи Просвещения в контексте политических коллизий XVIII века (в основном, во Франции).

Указанные выше исследования российских авторов в области истории философии права в XIX веке, теснейшим образом были связаны с европейской наукой. В России хорошо знали и активно использовали в университетском образовании наиболее известные труды европейских ученых в области истории политических идей. Но к концу XIX века отечественные исследования по истории политических учений по своему уровню нисколько не отставали от аналогичных зарубежных работ, а в определенных аспектах и превосходили их. Об этом свидетельствует состав авторов в рекомендательных списках литературы, которые составлялись для университетских студентов, изучающих государственное устройство. В этих списках учитывалась вся мировая литература в этой области, как переведенная на русский

¹ См.: Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений. Т. I. М., 1906. С. III.

язык, так и в оригинале¹, поскольку знание основных европейских языков для студентов российских университетов конца XIX века, как правило, не являлось проблемой.

Так, в качестве приложения к книге Ф. Поллока «История политических учений» (1897) издатели «для более подробного ознакомления с историей политических учений» составили список литературы. Из 12 наименований этого списка 9 — это книги российских авторов (А.С. Алексеев, С.А. Бершадский, Н.М. Коркунов, К.А. Неволин, П.Г. Редкин, В.И. Сергеевич, Б.Н. Чичерин — 2 книги, Д.Ф. Щеглов)².

Можно привести, по меньшей мере, еще два таких списка, в которых производился отбор авторов пособий по истории политических учений, а значит устанавливался определенный (хотя и субъективный) рейтинг этих авторов в мировой науке.

Во-первых, это список, составленный Шершеневичем, во втором издании «Истории философии права» (СПб., 1907). Шершеневич предваряет его характерным замечанием, согласно которому, сравнительно с зарубежными источниками, «русская литература по истории философии права представляется довольно богатой»³.

¹ Речь идет прежде всего о трудах немецких ученых Фридриха Штала («Geschichte der Rechtsphilosophie» («История философии права»), 1830) и Роберта фон Моля («Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften in Monographien dargestellt» («История и литература государственных наук, представленная в монографиях»). Bd. I–III, 1855–1858), англичанина Роберта Блэки («The History of Political Literature from the Earliest Times», 1855), француза Поля Жане («Histoire de la science politique dans les rapports avec la morale». I–II, 1872). Как мы отмечали выше, книги Моля и Блэки, как наиболее выдающиеся, отметил в своей работе Д.И. Каченовский. Два тома труда Поля Жане были переведены и опубликованы в Петербурге в 1876 году. Кроме этого существовали русские переводы и других европейских авторов. Еще в 1886 году был переведен «Краткий очерк истории философии права» А. Гейера. Позже были переведены: И. Блунчли («История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время», СПб., 1874); Г. Кох («Очерки по истории политических идей и государственного управления». 1892); Ф. Поллок («История политических учений», СПб., 1897), Л. Штейн («Социальный вопрос с философской точки зрения». М., 1899); А. Лассон («Система философии права. Краткий очерк истории философии права», Ярославль, 1902); А. Мишель («Идея государства. Критический очерк истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции», СПб., 1903); Р. Трейман («Тираноборцы». СПб., 1906) и др.

² См.: Поллок Ф. История политических учений. Пер. с англ. СПб., 1897. С. 125–128.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 26. Здесь и далее мы делаем ссылки на первоначальные издания анализируемых трудов, хотя целый ряд из них имеет и современные (вполне научные) переиздания.

В этот список Шершеневич включает 8 имен российских ученых (предваряет этот перечень также 8 произведений западных авторов):

- К.А. Неволин. История философии законодательства (1839).
- Н.И. Пилянкевич. История философии права (1870).
- Б.Н. Чичерин. История политических учений. Т. 1 (1869).
- С.А. Бершадский. Очерки по истории философии права. Вып. 1 (1892).
- Н.М. Коркунов. История философии права (1895).
- В.Ф. Залесский. Лекции по истории философии права (1900).
- П.Н. Новгородцев. Из лекций по истории философии права. Учения нового времени XVI–XVIII вв. (1904).
- М.М. Ковалевский. От прямого народовластия — к представительному; от патриархальной монархии — к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений. В 3-х т. (1906)¹.

Более обширный список (27 позиций) составил А.Н. Фатеев («Главнейшие литературные указания по истории философии права на русском языке»). 18 позиций в этом списке принадлежат российским авторам — Неволину, Пиленкевичу, Щеглову, Чичерину (пятитомник), Редкину, Коркунову, Залесскому, Бершадскому, Новгородцеву (три работы), Шершеневичу, Палиенко, Потапову, Ковалевскому, (трехтомник), Трубецкому, (две работы), и, наконец, собственная работа Фатеева — Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства. (Идея политического индивида). В 2 ч.²

Из приведенных списков видно, что отечественные авторы в них не только присутствуют, но даже доминируют.

В начале XX века в свет выходят крупные работы, специально посвященные истории отечественной политической мысли, что свидетельствует о повышении интереса научного сообщества к данной проблематике, о стремлении обобщить и проанализировать именно отечественный интеллектуальный опыт.

Так, в 1884 году в Варшаве А.Л. Блоком была опубликована книга «Политическая литература в России и о России (Вступление в курс русского государственного права)», в которой, вслед за Ю.Г. Жуковским и В.И. Сергеевичем, употребляется термин «политическая литература». В круг такой литературы в России XIX века Блок включает произведения и теории славянофилов и западников, характеризуя их как «оригинальные литературно-политические направления»³. Подробному их анализу и посвящена его работа.

¹ См.: Там же. 26–27.

² См.: Фатеев А.Н. История общих учений о праве и государстве. В 3 вып. Вып I., Изд. 2-е. Харьков, 1909. С. 1–2.

³ Блок А.Л. Политическая литература в России и о России (Вступление в курс русского государственного права). Варшава, 1884. С. 4.

В течение многих лет Блок читал в Варшавском университете лекций по русскому государственному праву. В рукописном издании этих лекций (1902–1903) первая часть (170 стр.) под названием «О духовных основах русской государственности» представляет собой очерк русской политической мысли от периода Древней Руси (Феодосий Печерский, Владимир Мономах и др.) до начала XX века (Влад. Соловьёв).

В 1889 году в Петербурге М.А. Дьяконовым была выпущена книга «Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века». В ней была предпринята попытка проанализировать развитие русских политических идей и концепций в тесной связи с ходом политического процесса в первые века становления российской государственности. Об этом свидетельствуют названия глав: — политические темы древнерусской письменности, теория власти московских государей, политические взгляды московского правительства и др.

В 1895–1896 годах в журнале «Мир Божий» печатались «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова¹. Для нашей темы наибольший интерес представляет третий том его труда, в котором он подробно рассматривает эволюцию национальных идеалов в противоборстве с европеизмом, и в этой связи развитие и борьбу различных политических концепций и идеологий в России в период с XV по конец XVIII века.

В 1896 году выходит в свет первое издание «Истории философии права» Н.М. Коркунова, в которое включена большая глава (70 стр.), посвященная историческому обзору отечественных достижений в области научного государствоведения. Глава называется «Научная разработка права в России». В самом начале главы Коркунов, ссылаясь на ряд источников, используемых им в разработке данной темы², делает применительно к России важное замечание о том, что «можно пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»³.

Коркунов выделяет несколько периодов в развитии государствоведческой и политической мысли, считая, что они совпадают с историей российских университетов и с важнейшими политическими поворотами в жизни государства. К начальному периоду он относит первые десятилетия деятельности Академического университета в Петербурге. Второй период приходится на пятьдесят лет Московско-

¹ В переработанном и дополненном виде эти очерки вышли в 1937 году в Париже (первая часть) и в 1964 году в Гааге (вторая часть). Российское издание 1993–1995 годов в 4-х книгах.

² См.: *Коркунов Н.М.* История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 261.

³ Там же. С. 261.

го университета (с 1755 года), что совпадает с преобразовательной деятельностью Екатерины II. Здесь Коркунов подробно останавливается на трудах С. Десницкого. Третий — первые десятилетия XIX века — либеральные начинания Александра I, выразившиеся, в частности, в образовании ряда университетов. В этом разделе Коркунов подробно анализирует взгляды и работы А. Горюшкина, А. Куницына. Далее Коркуновым выделяются (правда, без подробного анализа) такие вехи (или «естественные рубежи») развития русской правовой науки, как университетские уставы 1835 и 1863 годы¹.

В вышедшем в свет в 1897 году курсе «Русское государственное право» А.С. Алексеева дан небольшой очерк исторического становления основных взглядов и понятий о праве и государстве в русской науке. Сначала Алексеев анализирует работы российских ученых до Свода государственных законов (1833), затем отмечает основные достижения отечественного государствоведения в 30–50-е годы XIX века и в период реформ Александра II. Применительно к последнему периоду Алексеев пишет: «...Всеобщее оживление не могло не коснуться русской науки... И это оживление научной деятельности должно было сказаться в области общественных и политических наук, исследующих те именно вопросы и проблемы, которые были поставлены на очередь новыми правительственными реформами, которыми всего более интересовалось русское общество. Сообразно с тем значением, которое приобрели политические науки для русского общества, правительство указало им и соответствующее место в системе университетского преподавания»². По мнению Алексеева, все это создало необходимые благоприятные условия для появления в 60–90-е годы целого ряда капитальных трудов в области политических наук. В их числе Алексеев перечисляет книги Б.Н. Чичерина, М.М. Ковалевского, А.Д. Градовского и других³.

В книге С.Г. Сватикова «Общественное движение в России (1700–1895)» (Ростов-на-Дону, 1905) ставится задача «сделать общую сводку всего материала по вопросу о проектах и попытках изменения государственного строя в России»⁴. Автор подробно анализирует многочисленные конституционные и преобразовательные проекты XVIII–XIX веков в России в контексте сложных перипетий отечественной политической истории этого периода.

¹ См.: История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 265–333.

² Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897. С. 187.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905. С. 3.

Исследование по истории политических идей в России в XVII–XVIII веках предпринял и А.С. Лаппо-Данилевский. В 1900–1912 годах им была написана рукопись, известная современникам под названием «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики»¹. В этой работе исследуется вопрос о влиянии западноевропейской культуры и философии на развитие русской мысли в области морали и политики в XVIII веке. Концептуальная база данной рукописи была изложена в докладе А.С. Лаппо-Данилевского на Международном историческом конгрессе 1913 года, который был опубликован в издании «Голос минувшего». СПб., 1914. № 12 под названием «Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований».

В двух трудах — в трехтомнике Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (М., 1906) и в неоконченной работе Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1906–1916; три тома), политические учения рассматриваются в связи с широким кругом других гуманитарных идей и концепций.

В вышедшем в 1916 году в Петрограде исследовании В.Э. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» предпринимается попытка подробного и систематизированного изложения и анализа политических учений в России на протяжении первых семи веков.

Труды последних трех авторов написаны с разных идейных и методологических позиций, но хронологически как бы дополняют друг друга. Трехтомник Иванова-Разумника охватывает, в основном, проблематику XIX века. В трех томах работы Плеханова, которая задумывалась в соответствии с разработанным общим планом как многотомное, доводящее изложение материала до начала XX века произведение, автору удалось написать и опубликовать только первые части: Очерк развития русских общественных отношений (Введение, часть I); Движение общественной мысли в допетровской Руси (часть II); Движение русской общественной мысли после Петровской реформы (часть III). Эта часть, а значит, все реально опубликованное произведение, заканчивается А.П. Радищевым; и тем самым хронологические рамки этого произведения — середина-конец XVII — конец XVIII века.

¹ В более или менее полном виде эта рукопись увидела свет только в наше время — См.: *Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVIII–XVIII вв.* М., 1990. Более полное издание данной рукописи — *Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики.* Köln. Weimar. Wien; Böhlau Verlag GmbH & Co., 2005.

А вот труд Вальденберга в качестве объекта своего анализа избирает как раз политические идеи и учения в России в период с древнейших времен до конца XVII века. Примечательно одно замечание, которое делает Вальденберг во введении к своей книге: «История русских политических учений, как отдельная наука, еще не признана. Но необходимость в такой науке давно уже чувствуется, и автор своей книгой хотел бы, между прочим, содействовать ее признанию»¹.

Задача, поставленная Вальденбергом перед отечественными историко-политологическими исследованиями за год до революции, разумеется, в дальнейшем не была реализована². Вновь злободневной она стала только в наши дни³.

Существенным дополнением к исследованиям по истории отечественной политической науки в начале XX века становятся фундаментальные труды по истории русской литературы. Вообще в тот период понятие «литература», «литературное произведение» было значительно шире, чем современное. Под ним понимались не только художественные произведения (проза, поэзия и т.д.), но и книги, посвященные гуманитарной (в т.ч. и политической) проблематике. Да и сами художественные произведения крупнейших русских пи-

¹ См.: *Вальденбер В.Э.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Петроград, 1916. С. III.

² О серьезных намерениях государствоведов предреволюционной эпохи развивать историю отечественных политических учений как самостоятельную дисциплину свидетельствует и тот факт, что в этот период начинают выходить работы, посвященные анализу теоретического наследия отдельных российских историков политических учений. См., например — *Боголепов А.А.* М.М. Ковалевский, как историк политической мысли. Пг., 1916.

³ В этой связи следует отметить, что по решению ученого совета философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с 1 сентября 2004 года для студентов-политологов философского факультета (с конца 2008 года — нового факультета политологии) кафедрой истории социально-политических учений читается отдельный четырех семестровый курс «История политических учений России». Программа данного курса (под общей редакцией проф. Моцелкова Е.Н.) см.: Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 5. Специальных учебных пособий (и тем более научных исследований) по данной проблематике существует немного. Среди них: *Исаев И.А.*, *Золотухина Н.М.* История политических и правовых учений России. М., 1995, 2003; *Ватыль В.Н.*, *Ермашов Д.В.*, *Ширинянец А.А.* Социально-политическая и правовая мысль России XIX — начала XX века (Очерки истории и теории). Ч. 1. Гродно, 1997; *Бочкарев Н.И.*, *Ватыль В.Н.*, *Ермашов Д.В.*, *Ширинянец А.А.* Социально-политическая и правовая мысль России XIX — начала XX века (Очерки истории и теории). Ч. 2. Гродно, 1998; *Тонких В.А.*, *Ярецкий Ю.Л.* История политической и правовой мысли России. М., 1999; *Азаркин Н.М.* История юридической мысли России. М., 1999; *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003 и др.

сателей XIX века содержали солидные фрагменты с философским и социально-политическим содержанием.

В конце XIX века издается четырехтомник А.Н. Пыпина «История русской литературы». В предисловии к нему (1897) Пыпин пишет: «...Тесная связь литературы с национальной жизнью, которая так или иначе в ней отражалась, расширила объем истории литературы до столь обширных размеров, каких она никогда раньше не имела»¹. Такой вывод вызывает у Пыпина важный вопрос: «...Как обособить историю литературы от целого ряда соседних изучений, с которыми она иногда совершенно сливалась, как, например, первобытная мифология и этнография, история культуры, просвещения, нравов, художественного развития, наконец, история политическая?»². На этот вопрос нет ответа, и весь труд А.Н. Пыпина демонстрирует не «обособление», а «слияние» истории литературы с историей других сфер научного творчества. 1-й том посвящен анализу истории русской литературы с зарождения древнерусской письменности до XV века; 2-й — период с XV до конца XVII века, до начала петровских преобразований; 3-й — эпоха Петра I; 4-й — период правления Екатерины II — первые десятилетия XIX века.

Изучение труда Пыпина показывает, что основной метод автора заключается в раскрытии идейной многогранности важнейших произведений русской литературы, в которых художественные сюжеты и образы органично переплетались с глубокими социально-политическими идеями и обобщениями.

При этом нельзя не упомянуть тот факт, что Пыпин еще в 60-е годы перевел на русский язык трехтомный труд немецкого ученого Г. Геттнера «История всеобщей литературы XVIII века», который впоследствии в России неоднократно переиздавался. В этой работе Геттнер под литературой понимает не только прозу и поэзию, но и науку, в которую включает прежде всего философские и политические произведения. Такой подход был позднее развит Пыпиным, который завершает свой труд анализом литературного процесса 30–40-х годах XIX века (Пушкин, Гоголь). Последующие этапы этого процесса в XIX веке подробно и основательно анализируются в пятитомном издании «Истории русской литературы XIX в.» под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского (М., 1909–1911).

Обширные сведения о политических идеях и учениях в России в конце XVIII–XIX века содержатся и в «Истории русской критики» Ив. Иванова, вышедшей в 4-х частях в Петербурге в 1898–1900 годах.

Фундаментальным исследованием интеллектуальной истории России стала трехтомная «История русской словесности с древней-

¹ См.: Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. I. СПб., 1902. С. III.

² См.: Там же. С. IV.

ших времен до наших дней» П.Н. Полевого (1899, 2-е изд. — 1903). В этом труде фундаментально исследуется все многообразие идейного наследия российских мыслителей. Отталкиваясь от мысли литератора и общественного деятеля 30-х годов XIX века. Н. Надеждина о том, что «словесность есть не что иное, как шнуровая книга современного капитала идей и знаний», Полевой главную цель своего труда формулирует следующим образом: «... В общедоступной форме изложения дать возможно полную картину умственной и духовной жизни русского народа, ... начиная с древнейших произведений народной словесности, ... до совершеннейших творений наших классических писателей и поэтов, ученых и публицистов»¹.

Исследования, посвященные историческому развитию русской литературы, в силу существовавших в XIX веке расширительных толкований литературного процесса, являлись существенным дополнением для изучения истории политических идей и концепций в России.

Подытоживая исторический обзор становления истории философии права в России в XIX — начале XX века, можно выделить три основных этапа:

Первый: 30-е годы XIX века — 1863 (Университетский устав). Появление первых отдельных курсов и трудов по истории философии права (истории философии законодательства), начало преподавания этой дисциплины или отдельных ее фрагментов в университетах.

Второй: 1863 — конец XIX века. История философии права преподается как обязательная дисциплина на юридических факультетах университетов; это понятие включается в название одной из кафедр. Выходят фундаментальные учебники по данной дисциплине (Чичерин, Коркунов), а также ряд научных исследований по ее различным аспектам и проблемам. У «истории философии права» появляются и другие названия («история политических учений», «история философия государства» и др.).

Третий: конец XIX века — 1917 год. Из общей проблематики мировой (в основном, европейской) истории философии права (истории политических учений или идей) выделяется история отечественной политической мысли как самостоятельная научная (и в перспективе образовательная) дисциплина.

Приведенный выше обзор научных трудов российских ученых свидетельствует о многообразии формулировок, которые использовались в названиях учебных курсов и научных исследований, посвященных проблематике истории философии права. Кроме основного, употреблялись и такие формулировки:

¹ Полевой П.Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. 2-е стереотип. изд. В 3 т. Т. I. СПб., 1903. С. VII.

- «История философии законодательства» (Неволин, 1839) или «Историческая часть энциклопедии законоведения» (Калмыков, 1845).
- «История политических наук» (Каченовский, 1857).
- «Политические теории» (Жуковский, 1866).
- «История политических учений» (Чичерин, 1869; Фатеев, 1904; Ковалевский, 1906; Яценко, 1908, 1912; Сперанский, 1913, Рейснер, 1929).
- «История политических идей» (Дьяконов, 1889; Кузнецов, 1913).
- «История политической литературы» (Сергеевич, 1871; Жуковский, 1871; Блок, 1884; Вальденберг, 1916).
- «История общих учений о праве и государстве» и «История философии государства» (Фатеев, 1904–1907, 1909).
- «Философские учения о праве и государстве» (Камбуров, 1900).

Это многообразие показывает широкий диапазон подходов и направлений в изучении исторической эволюции политических учений, который складывается в российской политической науке к началу XX века и направленный на изучение примерно одного массива философско-политических идей (см. на стр. 65-67 сравнительную таблицу оглавлений некоторых изданий по истории философии права, имеющих разные названия).

Вместе с тем, за этим многообразием названий скрывались не только этимологические предпочтения авторов научных трудов по истории философии права, но и две важнейшие содержательные проблемы, которые встают перед каждым историком теоретической мысли. Первая — это главная проблема (или задача) всякого историка — отбор материала. Для историка философии права — это задача отбора текстов (персоналий, школ, направлений). Вторая — это проблема интерпретации (критики) отобранных текстов.

История философии права относится к той области исторических знаний, где подбор (или отбор) фактов, — в данном случае ими являются тексты (персоналии) — исходная и очень важная задача исследования. Этот отбор не может не иметь отпечаток субъективных предпочтений автора, но, тем не менее, в его основе должны быть объективные критерии значимости тех или иных текстов (персоналий) для развития данной области знания, как применительно к конкретной эпохе, так и в исторической перспективе.

К числу таких критериев следует отнести два основных: 1) получение новых научных результатов (обобщений, концепций, подходов и методов анализа и т.д.), которые лучше и точнее объясняют явления и процессы в политической сфере общества; 2) степень влияния этих результатов на дальнейшее развитие самой политической нау-

ки (появление научной школы, последователей, использование этих результатов в других теориях и т.д.).

Именно использование этих критериев при формировании любого исторического обзора философско-политических и правовых учений и определяло содержательную сущность большинства учебных курсов и трудов по истории философии права (истории политических учений) в России в XIX — начале XX века. Они определяли также и обязательный минимум текстов (персоналий), без которого этот обзор не может быть признан научным, так как он не даст правильного представления об основных исторических вехах и достижениях в развитии философско-политических наук.

Для выявления этого минимума (ограничимся при этом только зарубежной политической мыслью до конца XVIII века) проведем сравнительный анализ четырех источников, которые отражают подходы к данному вопросу в различных университетских центрах (научных школах) России конца XIX — начала XX века: 1) Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1897 (Книга являлась выжимкой из вышедших к тому времени четырех томов «Истории политических учений»); 2) Лефевр П.Я. Повторительный курс истории философии права. По курсам профессоров Н.М. Коркунова, С.А. Бершадского, Зверева, Гайера и др. СПб., 1900; Шершеневич Г.Ф. История философии права. В 4-х вып. Казань, 1904–1905; Яворский Н.Д. История философия права. Краткий курс, составленный применительно к университетским программам. Одесса, 1910 (Автор указывает, что в основу пособия положен обзор 15 источников — как отечественных, так и зарубежных авторов — по истории политических учений и истории философии).

Итак, каков же этот минимум персоналий зарубежной политической мысли в представлении отечественных историков политических учений конца XIX — начала XX века? Он состоит из 10 основных, которые включены во все 4 источника и 5 дополнительных, включенных в 3 из 4-х источников — обозначены курсивом: Платон, Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский, Томас Мор, Макиавелли, Боден, Гуго Гроций, Гоббс, Пуфендорф, Спиноза, Лейбниц, Локк, Монтескье, Руссо.

Подбор этого ряда персоналий содержит в себе два важнейших обстоятельства. Во-первых, эти 15 персоналий символизируют наиболее важные и перспективные идеи и концепции в мировой истории философских и политических учений, а во-вторых, именно они в своей совокупности создают непрерывную преемственную нить философско-политической мысли на протяжении двух тысячелетий человеческой истории.

Сравнительная таблица главлений некоторых изданий по истории философии права (1869–1912)

<p>Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. М., 1869–1902</p>	<p>Коржунов Н.М. История философии права. СПб., 1896</p>	<p>Шершеневич Г.Ф. История философии права. В 4 вып. Казань, 1904–1905</p>	<p>Фатеев А.Н. История общих учений о праве и государстве. В 3 ч. Харьков, 1909–1912</p>
<p><u>Древность</u> (Софисты, Сократ, Платон, Аристотель, стоики, Полибий, Цицерон)</p> <p>Средние века (Патристика, Августин; Борьба светской власти с духовной. Ф. Аквинский, Данте, Оккам. Возрождение и Реформация. Т. Мор, Макиавелли, Боден) — Т. 1. (1869)</p>	<p><u>Древность</u> (Софисты, Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель, стоики, Цицерон, римские юристы)</p> <p>Средние века (Августин, Ф. Аквинский, средневековые юристы)</p>	<p><u>Греко-римская философия</u> (Софисты, Сократ, Платон, Аристотель, римские юристы, Цицерон)</p> <p><u>Средневековая философия</u> (Схоластика, Ф. Аквинский, средневековые юристы и т.д.)</p>	<p><u>Зачатки этико-политических учений в Элладе</u> (Пифагор, софисты, Сократ, Платон). Аристотель</p> <p>Теократизм (Политические и правовые учения средневековья — Ф. Аквинский, Д. Алигьери, схоластики) Ч. I.</p>
<p><u>Новое время</u> <u>Рационализм</u> (Гроций, Гоббс, английские демократы XVII века, Кумберланд, Боссуэт, Спиноза) <u>Нравственные учения</u> (Пуфендорф, Кокцеи, Лейбниц, Томасий, Вольф, Вико)</p>	<p><u>Новое время</u> (Макиавелли, Боден, Гроций, Гоббс, Локк, Декарт, Пуфендорф, Томазий, Спиноза, Лейбниц, Вольф, Монтегье, Руссо, Кант)</p> <p>Научная разработка права в России (Десницкий, Горюшкин, Куницын)</p>	<p><u>Новая философия</u> Борьба за религиозную свободу (Макиавелли, Т. Мор, Боден, Гроций, Гоббс, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц) Борьба за политическую свободу (Локк, Монтегье, Руссо, Кант, Фихте, Гегель)</p>	<p><u>Эпоха Возрождения</u> и Реформации (XV–XVI вв.). Индивидуализм. (Тираноборцы, Макиавелли, Ж. Бодэн, Т. Мор) Доктрина естественного права (Бэкон, Декарт, Г. Гроций, Т. Гоббс, Спиноза, Локк, Монтегье) Ч. II.</p>

<p><i>Индивидуализм</i> (Локк, Монтескье, Гельвеций, Гольбах, Т. Пэн, Руссо, Мабли)</p> <p><i>Утилитаризм</i> (Юм, Борк, Бентам)</p> <p><i>Идеализм</i> (Кант, В. Гумбольд, Фихте, Шеллинг, натурфилософы, Краузе и его школа, Шопенгауэр, позднейшие учения Фихте, богословская школа, Шлейермахер, Фрис, Герbart, Савиньи, Пухта, Гегель) Т. 2–4 (1872, 1874, 1877)</p>			<p>Просвещенный абсолютизм. Руссо. Общее учение о правe и государстве в Северо-американских штатах, Франции и Германии XVII–XVIII ст. Ч. III.</p>
<p><u>Абсолютный идеализм.</u> (Гегельянцы, Шмиттгеннер, Л. Штейн)</p> <p>Утопический идеализм. Социалисты (Родбертус, Лассаль, Карл Маркс).</p> <p>Идеализм во Франции (Деместр, Бональд, Балланш, Ламеннэ, Б. Констан, де-Трасси, Шарль Конт, Сисмонди, Гизо, Гелло, Росси). Т. 5 (1902).</p>	<p><u>Новейшее время</u> (Историческая школа, Бёрк, Гегель и гегельянцы, Чичерин, французские философы начала XIX ст., позитивизм, Конт, Иеринг, Муромцев, утилитаризм, Бентам)</p>		

Другой важной проблемой научного анализа историко-политологического процесса является критика (интерпретация) текстов (источников). М. Хайдеггер писал: «Естественно-научному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников»¹.

Действительно, как для научного исследования, так и для создания учебных курсов в области истории философии права (истории политических учений), простого изложения (пересказа) в хронологическом порядке содержания политических идей и концепций явно недостаточно. Автор такого изложения сам придерживается, как правило, определенных научных и мировоззренческих позиций и поэтому с необходимостью экспериментирует с текстами, интерпретирует со своих позиций, критикует их отдельные положения.

Такая интерпретация включает в себя различные варианты исторической периодизации историко-политологического процесса, группировку текстов и теорий по направлениям и школам, выделение в них главных и второстепенных моментов, оценки и констатации влияния тех или иных теорий на внешнюю среду и т.д. Все это вместе создает в каждом серьезном научном исследовании определенную схему или модель историко-политологического процесса, корни которого, как правило, уходят в соответствующие философские и правовые основания. Б.Н. Чичерин называл это «законом исторического развития политической мысли»².

Факт состоит в том, что разные историки исходили в своих исследованиях из разных «законов», и для понимания их исходных посылок необходим анализ многообразных подходов к вопросам объекта, предмета и метода истории философии права, которые складываются в российском университетском образовании и науке в XIX — начале XX века.

¹ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 45.

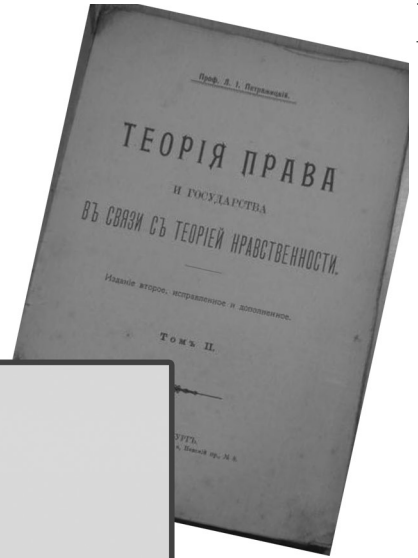
² Чичерин Б.Н. *История политических учений*. Т. 1. СПб., 2006. С. 34.

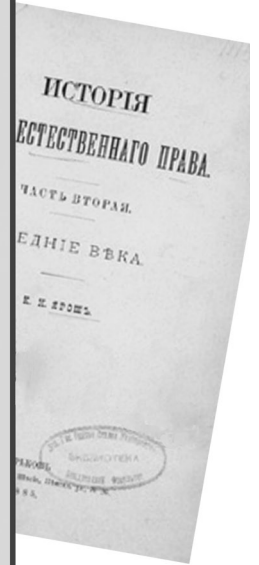

ИДЕЯ ПРАВА ВЪ ФИЛОСОФИИ
ВЪ С. СОЛОВЬЕВА.

Съ введением и послесловием автора Николая Николаевича Штанге и предис. В. С. Соловьева (въ 1902 г.)

Глава 2
«Объект-предмет»
истории философии
права

Определение объекта и предмета любой научной дисциплины имеет решающее значение для ее становления и развития. В этом плане не является исключением и история философии права. Как было доказано выше, она занимала важнейшее место в университетском образовании дореволюционной России.

Прежде чем мы приступим к анализу подходов и трактовок предмета истории философии права российскими философами и государствоведами XIX — начала XX века, целесообразно посмотреть рассмотрение этого вопроса в современной литературе по истории политических и правовых учений, т.е. в рамках того учебного курса, который в советских (да и в современных) университетах и институтах фактически продолжил (часто без подчеркивания преемственной связи) интеллектуальную традицию российских университетских школ истории философии права.

2.1.

Современные подходы к определению предмета истории политических (и правовых) учений

У нас в стране на эту проблему обратили внимание в 40–50-е годы XX века, когда начало возрождаться университетское юридическое образование и его организаторы поняли, что без предмета, который в дореволюционный период назывался «история философии права» такое образование будет неполным. К дореволюционному названию возвращаться, конечно, не стали. Тем более, что существовало было более распространенное (придуманное еще Чичериним) — история политических учений. Добавили только — правовых. Получилась — «история политических и правовых учений»¹.

В 70-е годы XX века прошла специальная научная дискуссия² по данному предмету.

¹ У названия этой дисциплины потом появятся и другие варианты — «история политико-правовых учений», «история политических учений» (для подготовки политологов с конца 1980-х годов), «история социально-политических учений» и др.

² См. статьи в журналах «Правоведение», «Советское государство и право» за 1972 и последующие годы.

Несмотря на достаточно большую активность ученых, к заметным результатам и тем более к общепринятым позициям в поднятом вопросе прийти не удалось. В 1978 году в тезисах сектора истории государства, права и политических учений института государства и права АН СССР, фактически подводящих итоги дискуссии и ориентирующих ученых на будущее, в числе «фундаментальных вопросов», нуждающихся «в прояснении и конкретизации», в качестве первостепенного был назван «предмет политических и правовых учений». Это предопределило и необходимость разработки предмета истории этой научной дисциплины¹. Позже, правда, по искомой проблеме специальных научных дискуссий уже не проводилось, но она стала закономерно попадать в поле зрения авторов многочисленных учебников по истории политических (и правовых) учений.

Возьмем, к примеру, определение предмета истории политических и правовых учений из двух наиболее известных современных учебников:

1) «Предметом истории политических и правовых учений является теоретически оформленные в доктрину (учение) взгляды на государство, право, политику»²;

2) Предметом истории политических и правовых учений является «история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве»³.

В первом случае (вариант Лейста) предмет искомой науки определяется через формулу «теоретически оформленные в доктрину (учение) взгляды». По сути, она идентична содержанию понятия «учение», которое дается в большинстве русских толковых словарей («совокупность теоретических положений» или «система воззрений, взглядов»)⁴. Во втором случае (вариант Нерсеянца) этот предмет определяется через обобщенное понятие «теоретическое знание».

Авторы указанных учебников определяют историю политических и правовых учений как юридическую дисциплину⁵, но вместе с тем, как бы сомневаясь в данной категорической посылке, отме-

¹ Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978. С. 139.

² История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2002. С. 2. В некоторых других учебниках эта формулировка повторяется практически дословно: «Предметом истории политико-правовых учений является история теоретически оформленных в доктрину взглядов на государство, право, политику» // История политико-правовых учений / Под ред. А.Н. Хорошилова. М., 2002. С. 3.

³ История политическ Под общ. ред. В.С. Нерсеянца. М., 2003. С. 1.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 777; Словарь русского языка. В 4 т. Т. IV. М., 1984. Т. IV. С. 542; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1404.

⁵ См.: История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсеянца. М., 2003. С. 5.

чают, что трактовать предмет, особенно содержание курса можно двояко: с точки зрения «юридического подхода» и «с позиций политологии (или политической науки)»¹.

«Юридический подход» в этом случае раскрывается следующим образом: исследуются «политические явления в их необходимой взаимосвязи и взаимодействии с правом, в правовой форме их выражения, их существования в рамках определенного правопорядка»².

Политологический подход, по мнению авторов учебника «История политических и правовых учений», это нечто другое. «История такой политологически ориентированной мысли будет определенной политологической ретроспекцией, за рамками предмета которой останется история правовых учений — если не вся целиком, то в своей основной части»³. К сожалению, разъяснение данной, очень замысловатой фразы далее не дается.

Может быть поэтому авторы другого учебника, хотя во многих моментах и солидаризируясь с Нерсеянцем и Лейстом, все-таки делают следующее заключение: «Существенный недостаток наименования „История политических и правовых учений“ состоит в том, что оно способно породить иллюзию, будто это особый предмет, отличный от истории политических учений, которая входит в курс политологии. Из одной научной дисциплины искусственно создавались две»⁴.

На этом краткий обзор современных подходов к проблеме предмета истории политических учений можно и завершить. Остается только добавить, что ничего кроме неопределенности и путаницы в этот вопрос данные подходы не привносят. Более того, складывается парадоксальное впечатление, что современные историки политических учений забыли историю политических учений и, прежде всего, богатейшее оригинальное наследие отечественных государствоведов и философов дореволюционного периода.

На самом же деле любой заинтересованный исследователь периода XIX — начала XX века может легко обнаружить весьма богатую литературу по данному вопросу.

¹ Там же. С. 2. Один из авторов считает, что указанный курс в учебном процессе вообще может иметь поливариантное содержание: «В зависимости от того, какой кафедре конкретного вуза делегируется право преподавать этот курс, история политических и правовых учений подается в юридическом, философско-правовом либо политологическом ключе. Надо ли говорить, что в таком случае один и тот же фактический материал (источники и персоналии) оказываются предметом существенно разных дисциплин?» — *Малахов В.П.* История политических и правовых учений. М., 2003. С. 5.

² История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсеянца. М., 2003. С. 3.

³ Там же. М., 2003. С. 2.

⁴ История политических и правовых учений / Под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2004. С. 10–11.

2.2.

Соотношение предметов науки права и науки политики как исходная база для определения предмета истории философии права

Знакомство с произведениями российских государствоведов и историков XIX — начала XX века показывает, что у абсолютного большинства наших предшественников не было сомнения в необходимости научного определения предмета истории философии права (истории политических учений), как, впрочем, и предмета любой научной дисциплины¹. Представителей противоположного подхода высмеял в своем метафорическом пассаже В.М. Гессен: «Современные юристы нередко напоминают «астронома», который, решив изучать строение звезд, не знал, что такое звезда, направил свой телескоп не на небо, а на увешанную «звездами» грудь сановных особ»².

Эта метафора касается, конечно, только некоторых ученых того времени. Многие из них хорошо понимали, что научное опреде-

¹ Во избежание путаницы следует отметить, что современное содержание понятия «предмет науки» (понимание и объяснение природы определенной совокупности явлений, их взаимосвязей) в литературе второй половины XIX — начале XX века многие обозначили через понятие «задача науки». Тогда как содержание также употребляемого понятия «предмет» в то время фактически отождествлялось с современным содержанием понятия «объект науки» (определенная совокупность явлений, изучаемых данной наукой). См. напр.: *Кареев Н.И.* Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. I. Историки. Изд. 2-е. Петроград, 1916. С. 23. И даже те авторы, которые для обозначения определенной совокупности явлений, изучаемых конкретной наукой, употребляли понятия «объект», все равно для обозначения познавательной-интеграционной функции научной дисциплины использовали термин «задачи науки». См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 762. Далее в данном разделе понятия «объект» и «предмет» будут употребляться в современном значении.

² *Гессен В.М.* О науке права // Введение в изучение социальных наук: Сб. статей. СПб., 1903. С. 112.

ление, например, предмета истории философии права (истории политических учений), обусловлено пониманием природы данной дисциплины, в которой синтезируются предметные поля различных наук, и прежде всего теоретического правоведения (философии права) и теоретической политики (политической науки, политологии).

Разумеется, что при таком подходе исходным моментом стала классификация гуманитарных дисциплин, которой в государственноведческой литературе XIX — начала XX века уделяется важное место. В этой литературе мы находим два основных варианта такой классификации.

В соответствии с первым вариантом понятия «наука о государстве», «государственные науки (или наука)» и «политические науки» употреблялись как тождественные¹. Предмет научной дисциплины, обозначаемый этими понятиями, Н.К. Нелидов, например, определял следующим образом: «Изучение свойств, которыми отличается организация этого [государственного — Авт.] начала и его деятельность, раскрытие посредством этого изучения законов, которые управляют ходом государственной жизни вообще, и исключений из них, вызываемых местными, временными и национальными особенностями, — вот задачи и содержание науки о государстве в ее целостности»².

Наука о государстве (политическая наука), по Нелидову, это более общая наука, чем право. Поэтому, по его мнению, «государственные науки, относительно юридических, должны занимать не только равное, но даже первенствующее значение»³. В системе государственных наук, считал Нелидов, наука о государстве распадается на два больших отдела: науку государственного устройства и науку государственного управления, а последняя, в свою очередь, — на науку права и науку внутреннего управления⁴.

Гессен усиливал подобную трактовку понимания роли и статуса политической науки в системе наук, изучающих государство. Он полагал, что «задачей» данной науки «является не изучение того, что есть, а выяснение того, что должно быть»⁵. Поэтому и статус полити-

¹ См., например: *Нелидов Н.К.* Наука о государстве как предмет высшего образования // *Временник Демидовского юридического лицея.* Кн. III. Ярославль, 1872. С. 116, 129 и др.; *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 18–19; и др.

² См.: *Нелидов Н.К.* Указ. соч. С. 210–211.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 211–212; *Он же.* Система курса общего государственного права. Казань, 1874. С. 17.

⁵ *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 4–5.

ческой науки, с его точки зрения, во многом определяется конкретно-историческими потребностями общественного развития. С конца XVIII века, по мнению Гессена, различные философские (правовые), социальные и прикладные направления изучения государства образуют «в слитном и не дифференцированном виде энциклопедическую науку о государстве, именуемую „Политикой“ в классическом (т.е. как у Платона и Аристотеля) смысле этого слова»¹.

Изложенная выше точка зрения имела давнюю традицию. Еще в 1868 году М. Капустин, относя политику к догматическому праву, разделял функции и предназначения права и политики. «Право, — писал он, — не есть только отвлеченная идея; его цель — постоянное приложение ... Учение о таком приложении составляет содержание политики. В ней наука о праве достигает своего высшего жизненного выражения. Опираясь на догму и историю, политика предлагает наилучшее направление тем потребностям и силам, которые возникают в данный момент»². Таким образом, политика, по Капустину, не только призвана выбрать наилучшие способы и направления решения реальных общественных проблем, но и стать регулятором противоречий и разрушительных тенденций в обществе³.

Характеризуя данный подход в целом, можно отметить, что определение основополагающего статуса политических наук совмещается с размытостью объект-предметного поля собственно научной политической проблематики, включением в это поле различных правовых, политэкономических, управленческих вопросов.

Забегая вперед, следует отметить, что более или менее ясные представления о функциональном различии правовых и политических знаний по отношению к государству, государственной жизни появляются у российских ученых только в начале XX века. Так, в 1915 году И.А. Ильин публикует работу, в которой выделяет два вида «исследований». Одно «такое исследование, — по его убеждению, — должно установить и доказать единую, высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей»⁴. Не трудно догадаться, что под этим «исследованием» Ильин понимает философию права как метафизическое осмысление взаимосвязи сущего и должного. Но вслед за этим, по мнению Ильина, должно идти исследование, которое ставит своей целью рассмотреть «каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности

¹ Гессен В.М. *Общее учение о государстве*. СПб., 1912. С. 12–13.

² Капустин М. *Теория права. Общая догматика*. М., 1868. С. 9.

³ См.: Там же. С. 9–10.

⁴ Ильин И.А. *Общее учение о праве и государстве [1915]* // Ильин И.А. *Теория права и государства*. М., 2003. С. 154.

и негодности», чтобы дать «указание и советы мудрому правителю. Такое исследование должно называться политикой права»¹.

В соответствии со вторым вариантом государство рассматривалось как объект и предмет исследования политических и юридических наук, являющихся двумя самостоятельными и равноценными отраслями гуманитарного знания, которые изучали государство, исходя из своих научных целей и принципов².

Наиболее четко такой подход выражен у М.И. Свешникова. По его мнению, существует объект — государство, разные аспекты которого становятся сферой исследования для нескольких наук (по меньшей мере для трех: наук политических, наук общественных, наук юридических).

«Государство, этот обширный вид соединения людей, — пишет М.И. Свешников, — может быть изучаемо с самых различных точек зрения. Те науки, которые изучают отношение власти к населению, могут быть названы науками политическими. Те науки, которые изучают отношения, происходящие внутри государства между различными индивидами и различными общественными группами, войдут в состав наук общественных. Наконец, отношения между различными индивидами, определение их взаимных прав и обязанностей, составит ряд собственно юридических наук. Поэтому для выяснения действительной природы государства необходим успех и развитие всех остальных отраслей знания, т. е. успех наук юридических, социальных и политических»³.

Истоки этого подхода прослеживаются в теории немецкого государствоведа Ф. Блюнчли. В рецензии на трехтомный труд Блюнчли

¹ Там же. Надо отметить, что понимание политики (политической науки) как сугубо практического, прикладного знания стало для начала XX века общепринятым. Не случайно, у В. Даля мы находим следующее определение: «Политика — наука государственного управления»; «Политик — умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель» — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М., 1908. С. 656.

² В.Э. Вальденберг трактовал два выделенных выше подхода как отражение исторического процесса дифференциации развивающегося гуманитарного знания. В период от Античности до Нового времени, по его мнению, «существовала всего одна наука, в которой государство рассматривалось со всех точек зрения, и эта наука называлась политикой», а в XIX в. «сначала миноходом, а потом все чаще и сознательнее высказывается мысль о том, что должны существовать две государственные науки. Одна — общее учение о государстве...; другая наука — политика». См. *Вальденберг В.Э.* История политических учений как наука // *Право.* 1901. № 9. Стб. 464. В целом принимая такую трактовку исторической эволюции государствоведения, отметим, что в ряде моментов она упрощает действительную ситуацию.

³ *Свешников М.И.* Очерк общей теории государственного права. СПб. 1896. С. 111–112.

«Die Lehre vom modernen Staat» (Учение о современном государстве), вышедшем в Штутгарте в 1875–1876 годах, один из российских авторов того времени О. Эйхельман так характеризовал взгляд немецкого ученого на данную проблему: «Государственное право и политика имеют предметом своего исследования один общий объект: оба они изучают государство в его общем составе (um Grossen und Ganzen), по каждой из этих научных отраслей изучая его со своей точки зрения и со своей особой целью. Государство само по себе в его правовом порядке это государственное право; государственная жизнь и практика — политика»¹. У Блюнчли эти две основные науки, изучающие государство (государственное право и политика), должна увенчивать другая, более общая наука — общее учение о государстве. В соответствии с такой систематикой и построен трехтомник Блюнчли: т. I — Общее учение о государстве, т. II — Общее государственное право, т. III — Политика, или учение о государственном искусстве.

Приведем лишь одну выдержку из классического труда Блюнчли «Общее государственное право», изданного в русском переводе в 1865 году: «Наука государственного права рассматривает государство в установившемся состоянии. Оно изображает организацию, правила его существования, доказывает необходимость его отношений... Напротив, наука политики рассматривает государство в его жизни и развитии, указывает на цели, к которым направляются общественные стремления, и на пути, ведущие к этим целям; взвешивает средства, служащие к достижению их... Итак, право относится к политике, как порядок к свободе... Государственное право и политика не должны быть абсолютно отделяемы друг от друга. Действительное государство живет, т.е. представляет соединение права и политики...»².

Н.К. Ренненкампф, ссылаясь на ряд зарубежных государствоведов (включая Блюнчли), проводит следующие разграничения между правом (государственным правом) и политикой (политической наукой): «Государственное право рассматривает государство в его организации, установлениях, законах, в его порядке, мире и спокойствии...; политика — в его движении, нуждах, действии; право коренится в прошедшем, политика направляет к настоящему и будущему; высшее развитие государственного права — закон, политики — управление государством на основании нравственности, благоразумия..., государственное право отличается характером отрицательным, определяет принудительные обязанности в государ-

¹ Сборник государственных знаний. СПб., 1878. Т. VI. С. 91.

² Блюнчли Ф. Общее государственное право. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1865. С. 12.

ственных отношениях, политика — характером положительным, развивает высшие предписания общественной морали.

Едва ли, однако же, можно принять политику в смысле науки особой, отличной от науки государственного права. Различные стороны, с которых обе науки рассматривают... один и тот же предмет, неотделимы друг от друга и не имеют отдельной жизни»¹.

Наиболее определенно проблема разграничения предметного поля права и политики была сформулирована В. Сергеевичем, который был знаком со взглядами Блюнчли еще до выхода в свет его трехтомника. В целом соглашаясь с подходом немецкого ученого к вопросу о соотношении различных областей государственного права, Сергеевич, вместе с тем, высказывал мысль о том, что «трудно разграничить науки права от науки политики. Эта трудность несравненно значительнее при выделении общего учения о государстве, ибо общее учение соединяет обе точки зрения, а предмет изучения, в конце концов, то же государство»².

Можно констатировать, что одной из важнейших научных проблем, которые решало отечественное государственное право в последующие 40 с лишним лет (начиная с 1871 года), являлось преодоление трудности, подмеченной Сергеевичем, — это объект-предметное разграничение науки права от науки политики.

Для начала рассмотрим некоторые определения предмета науки политики (политической науки), которые можно обнаружить в работах ученых, рассматривающих эту науку, как самостоятельную дисциплину, наряду с юридической наукой (общим учением о государстве или государственным правом).

В.Э. Вальденберг: «Политика рассматривает с точки зрения общих целей человеческой жизни задачи государства и средства к осуществлению этих задач и определяет с этой стороны отношение государства к другим факторам культурного развития»; или это — «исследование о целях государства и средствах к их осуществлению»³.

В.В. Водовозов: «Политика изучает общие задачи и цели государства и его деятельности»⁴.

Первое определение мы находим во вступительной лекции Вальденберга, прочитанной им в Петербургском университете 18 ян-

¹ *Ренненкампф Н.К.* Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев—СПб. 1898. С. 272–273. Как указывает сам Ренненкампф, его «Юридическая энциклопедия», которая к 1913 году выдержала 4 издания, создана на основе «Очерков юридической энциклопедии», вышедшей в свет в 1868 году.

² *Сергеевич В.* Задача и метода государственных наук. М., 1871. С. 28.

³ *Вальденберг В.Э.* История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стб. 464, 466.

⁴ *Водовозов В.В.* Введение в курс государственного права // Введение в изучение социальных наук. Сб. статей. СПб., 1903. С. 227–228.

варя 1901 года и по своему содержанию носившей явно полемический характер; второе — в статье Водовозова, которая была опубликована в 1903 году в популярном сборнике и имела обобщающий характер.

Оба автора рассматривали определение предмета (задач) политики (политической науки) в сопоставлении с предметом юридических дисциплин. Вальденберг в качестве такой обобщающей дисциплины взял общее учение о государстве, предмет которого определил следующим образом: это учение «дает теоретическое освещение основных понятий о государстве, о суверенитете, о функциях власти и т.п., сводит к единству различные формы государственного устройства и на основании этого выясняет общую природу государственного союза»¹. Водовозов с той же целью выделяет государственное право, которое, по его мнению, исследует «организацию различных государств и его органов»². Он считал, что в государственное право нужно включить и «общую теорию государства», которая пытается исследовать «сущность государства и дать точное определение этому понятию»³.

С.А. Корф также определял предмет политической науки (он называл ее двояко — или политика и право управления, или просто — политика) в сопоставлении с предметом государственного права. «Государственная жизнь народа, — писал он, — может изучаться в статистическом или в динамическом положении; первому посвящено государственное право, второму политика и право управления; последняя исследует либо цели, преследуемые данным народом в его государственной жизни, либо искусство и средства возможно лучшего достижения этих целей». И далее: «Различие же между этими двумя науками заключается в том, что первая, государственное право, имеет в виду познавательные ценности, вторая же, политика, ценности целевые, телеологические; первая изучает настоящее, пользуясь помощью прошлого; вторая стремится установить директивы для будущего, имея своей главной целью усовершенствование государственного общения»⁴.

Таким образом, в соответствии с приведенными выше определениями, предметом политической науки являются задачи и цели

¹ Вальденберг В.Э. История политических учений как наука. Стб. 464.

² Водовозов В.В. Указ. соч. . С. 227–228.

³ Там же.

⁴ Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. М., 1915. С. 34. Лаконичная формулировка с аналогичным смыслом принадлежит Коркунову: «Задача наук политических, не в пример другим отраслям знания, заключается в выставлении идеала» // Сборник государственных знаний. Спб., 1877. Т. III. С. 21.

государства, предметом юридической науки (общее учение о государстве, государственное право¹) — сущность (основное понятие) государства, его структура и механизмы деятельности.

Процитированные выше работы Вальденберга, Водовозова и Корфа носят учебно-популяризаторский характер (лекции для студентов и статья в сборнике, предназначенном для широкого круга читателей). В них авторы пытались дать ясные определения, четко развести понятия и предметы наук и т. д.

В реальной же научной сфере ситуация была значительно сложнее. Ее суть состояла в том, что в связи с правительственной политикой в области образования (и науки также) в государствоведении доминировал юридический подход. Политическая наука как самостоятельное направление гуманитарного знания развивалась очень слабо, и проблематика (и объект-предметное поле) этой науки на практике поглощалась юридическими дисциплинами.

Многочисленные курсы государственного права под разными названиями («общее государственное право», «общая теория права», «общее учение о государстве»² и т.п.) и по структуре, и по содержанию выходили далеко за рамки задач юридических дисциплин и, как правило, включали разделы с анализом общих вопросов государствоведения³ (в том числе «задачи и цели государства»).

Не исключено, что именно этим навеяны следующие слова Гессена: «Невероятный и, тем не менее, действительный факт: вопрос „что такое право“ сплошь и рядом современными представителями науки о нем признается не только неразрешенным, но и неразрешимым».

¹ В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона государственное право определяется как «одна из политических наук». См.: *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: В 82 т. СПб., 1893. Т. IX. С. 398. В малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Государство» дается следующая классификация наук: фактически отождествляя политические и государственные науки, под ними понимается цикл наук, исследующих государство с разных точек зрения. В этот цикл входят: «общее учение о государстве (философская наука о государстве, его природе и происхождении, науки о формах организации государственной власти (государственное право в тесном смысле, конституционное право)...[др. виды права], наука о способах достижения государственных целей (политика)» // *Малый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* СПб., 1908. Т. 2. Вып. 3. С. 1326–1327.

² См., например: *Гессен В.М.* Общее учение о государстве. СПб., 1912; *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1908; *Кокоскин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912; *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. Изд. 8-е. СПб., 1908; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 1. М., 1910; и др.

³ См.: *Гессен В.М.* О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сб. статей. СПб., 1903. С. 114.

мым вообще»¹. И еще одно едкое высказывание Гессена: «Наука государственного права представляет собой... нечто вроде салона, куда собираются философы и историки, цивилисты и политики для того, чтобы отдохнуть от дел и поболтать на досуге»².

Несмотря на категоричность высказываний Гессена, он был далеко не одинок в своих оценках. «Определение существа права, — писал Л.И. Петражицкий, — есть не только первая, но и основная, существенная задача науки права. Исполнена ли она? К сожалению, нет. Она до сих пор остается задачей, нерешенной проблемой, так что наука права до сих пор лишена того прочного фундамента и того животворящего света, о которых мы говорили выше. Попыток ее решения было сделано, конечно, бесчисленное множество. Гениальнейшие представители человеческой мысли, как великие философы, так и корифеи юриспруденции, трудятся над ее решением. Но сфинкс существа права остался и по сей день сфинксом. Ни одно из бесчисленных предложенных определений права не получило санкций науки и не признано общим фундаментом для возведения научного здания. Ни одно из них не сделалось даже «господствующим мнением». И теперь можно сказать: «Юристы еще ищут определения для своего понятия права» (Кант)»³. Мнение Петражицкого разделял и Н.А. Гредескул, который писал: «Всякое сделанное определение [права — Авт.] находит признание только у своего автора и отрицание у всех остальных. Не только не образуется ничего общепризнанного в этой области, но даже не наблюдается сколько-нибудь правильного преемства в самой работе. Всякий начинает ее сызнова и не находит решительно ничего для себя поучительного у тех, кто работал над тем же раньше его. При таких условиях самая задача дать ответ на вопрос — что такое право? — является явно дискредитированной»⁴.

Критическое отношение многих государствоведов XIX — начала XX века к состоянию юриспруденции того времени во многом обусловили повышенное внимание ученых к разработке фундаментальных, философских основ правовых знаний. К числу таких основ, безусловно, относилась история философии права.

¹ Гессен В.М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сб. статей. СПб., 1903. С. 112.

² Там же. С. 132.

³ Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Вып. 1. СПб., 1900. С. 4.

⁴ Гредескул Н.А. Общая теория права. СПб., 1909. С. 11.

2.3.

Соотношение философии права и истории философии права (специфика российских трактовок)

Ситуацию в российском правоведении XIX века еще более запутывала такая дисциплина, как философия права, которая пришла в Россию из Германии, но так и не нашла свою нишу в цикле гуманитарных дисциплин. Вальденберг дал этой дисциплине следующее определение: «Под именем философии права разумеется некоторого рода знание, имеющее отношение к праву. Но как только заходит речь о том, чем должно определяться ее содержание, так тотчас же оказывается великое разнообразие мнений. Это происходит оттого, что большинство философов и юристов отправляются при этом не от какой-нибудь критически обоснованной классификации проблем, но от своего понимания сущности права, выставляя свою теорию права, они хотят, чтобы философия разрабатывала ту или другую часть этой теории»¹.

Следует также отметить, что по вопросу о необходимости «философского элемента» в юриспруденции в научной литературе конца XIX — начала XX века существовали прямо противоположные мнения. В.А. Савальский, например, оговорившись, что «юриспруденция, по признанию самих юристов, представляет из себя величайший хаос мнений и учений»², сделал далее следующее заключение:

¹ Вальденберг В.Э. О задачах философии права // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Ноябрь–декабрь. С. 917. См. оценку современного исследователя: «Как в дореволюционный период, так и в наши дни отмечалось, что объем работ по философии права и истории ее развития сравнительно невелик, причем многие из них освещают скорее всего процесс формирования политических учений» // Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 12. См. там же обзор трактовок и определений философии права в российском дореволюционном правоведении (С. 48–58).

² Савальский В.А. Государственное право общее и русское. Ч. I. Варшава, 1912. С. 2. Ю.С. Гамбаров же считал, что со стороны современной ему юриспруденции существует «полное безразличие к своему собственному содержанию и преобразованию в будущем». См.: Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. СПб., 1907. С. 17.

«И тем не менее, если выход из тех затруднений, перед которыми стоит современная юриспруденция, возможен, то он лежит в направлении философских исканий, в сближении юриспруденции с изысканиями в философии»¹.

Со своей стороны Гессен оценивал ситуацию в совершенно ином ключе: «Из юриспруденции не может и не должен быть удален исторический элемент, но, тем не менее, может и должен быть удален элемент философский»².

У философии права в России вообще особая судьба. Развиваясь в русле западной (в особенности, немецкой) традиции³, система российского университетского образования включала философию права как важнейшую дисциплину общетеоретической подготовки юристов. Философия права здесь — это совокупность общих (философских) знаний о праве. Отсюда и исторический компонент этих знаний называется в официальной формулировке — история философии права, а, скажем, не история правовых учений (или теорий).

Но то, что признавалось нормой в образовательной сфере, не прижилось в научной. Не случайно, и специальные научные труды, которые бы включали в свое название понятие «философия права», в богатом на юридическую литературу XIX веке можно пересчитать по пальцам⁴.

¹ *Савальский В.А.* Государственное право общее и русское. Ч. I. Варшава, 1912. С. 4.

² *Гессен В.М.* О юридическом направлении в государственном праве // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 3. С. 127.

³ Труды немецких государствоведов регулярно переводились и издавались в России на русском языке; были изданы «Энциклопедия государственных наук» Моля (1868), «Энциклопедия права» Пухты (1872), «Общее государственное право» Блюнчли (1865), «Задача и метод истории права» Иеринга (1896), «Общее учение о праве» Регельсбергера (1897), «Новое учение о государстве» Менгера (1905), «Право современного государства. Общее учение о государстве» Еллинека (1908, 2-е изд.), «Общее учение о государстве» Гумпловича (1910), «Введение в науку права» Радбруха (1915) и др. Труды по праву переводились и с других языков: «Общие основания конституционного права» Эсмена (1898), «Конституционное право. Общая теория государства» Дюги (1908) — с французского, «Принципы конституционного права» Орландо (1907) — с итальянского языков и др.

⁴ *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1900; *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права. СПб., 1900; *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. В 4 вып. М., 1909–1912; *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Томск, 1914. Нужно также назвать таких университетских профессоров и ученых как П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, И.А. Ильин, которые в разные годы читали курсы «Философии права» или учебные курсы, включающие в себя проблематику данной дисциплины, но в названиях печатных трудов этих авторов мы практически не встречаем словосочетания «философия права».

Н.М. Коркунов, анализируя общие тенденции развития юриспруденции отмечал, что «философия права, как метафизическое учение об абсолютных началах права, заменяется мало-помалу общей теорией права, опирающейся на изучение положительного, исторического материала»¹. В России этот процесс проходил наиболее заметно.

В России «философия права» имела и другую идейную основу, иные смысловые ориентиры. Здесь, в отличие от Запада, это была не отдельная наука с определенным кругом понятий, принципов и постулатов, а совокупность метафизических размышлений, обобщений, телеологических идей, в которой право органично соединялось с религией и нравственностью.

Авторы предисловия и составители современной антологии с характерным названием «Русская философия права: философия веры и нравственности» пишут: «Обсуждая вопрос об отношении права и нравственности, русская философская и юридическая мысль решали проблему истоков национального права и даже шире — национального бытия»².

П.И. Новгородцев уже в эмиграции писал о том, что «высшие достижения» в области русской философии права «состоят в глубочайших откровениях Достоевского, систематизированных Владимиром Соловьевым, отношением своим к этому центру, к этому солнцу русской мысли освещаются и оцениваются все прочие явления в области русской философии права»³.

Такая эклектика правовой мысли, в которой переплетались западные формализованные конструкции права и метафизические философско-правовые теории отечественных ученых, с одной стороны, обогащала и разнообразила интеллектуальную жизнь России в XIX веке, а с другой — имела некоторые негативные последствия для развития ряда гуманитарных, в частности, политических наук⁴.

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 25.

² Русская философия права: философия веры и нравственности (антология). Составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб., 1997. С. 17.

³ Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 381.

⁴ Надо отметить, что и в современной науке существует не меньший разброс точек зрения в определении предмета философии права. Д.А. Керимов, например, считает, что «предмет философии права можно охарактеризовать как разработку логики, диалектики и теории познания правового бытия» — Керимов Д.А. Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4. По мнению другого автора, К.К. Жюльа — «философия права интересуется прежде всего общими вопросами взаимоотношения личности, общества и государства» — Жюльа К.К. Философия и социология права. М., 2005. С. XXII.

Дело в том, что юридические науки, в поле зрения которых оказался широкий круг общих вопросов о природе государства, власти и т.п., невольно брали на себя научные и методологические функции, им не свойственные, под этими общетеоретическими философскими размышлениями на юридической почве и в юридической терминологии стали понимать и воспринимать саму политическую науку¹. Не случайно, например, у А.Д. Градовского — ученого, взвешивавшего каждое произнесенное или написанное слово, в одной из лекций проскользнуло — «политическая наука, или философия»². А А.Л. Блок в одной из своих лекций, говоря о западноевропейских политических учениях и необходимости их изучения, сетовал на то, что «довольно компетентные люди склонны скорее сомневаться в действительной пользе от всей этой философии»³.

Говоря о судьбе философии права в России, необходимо отметить, что как отдельный и самостоятельный курс данная дисциплина во второй половине XIX века в университетах вообще не преподавалась. Уставами 1863 и 1884 годов предписывалось чтение курсов истории философии права. Один из университетских профессоров-государствоведов — Н.А. Зверев данное обстоятельство объясняет следующим образом: «Философия права... является для каждого данного времени общю гипотезой юридических наук и, оказывая на них решительное влияние, сама в свой черед подвергается изменениям вместе с изменениями в этих науках... Ясно, что при подобном характере предмета нельзя вменить преподавателю в обязанность дать своим слушателям философскую систему правоведения, ибо может случиться, что таковой в данное время не существует. Но для преподавателя

А В.С. Нерсесянц в рамках своей либертарно-юридической концепции определяет предмет философии права как «формальное равенство и формы его проявления» — *Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2006. С. 3.* Все авторы в общем-то сводят предмет философии права к познавательной деятельности, но объект познания у них существенно различается.

¹ «Уже со времени Петра Великого, — писал Коркунов о России, — юридическое образование соединяется с политическим» // *Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 30.*

² *Градовский А.Д.* О современном состоянии государственных наук. Речь, произнесенная на годовичном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1873 г. // *Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 22.*

³ *Блок А.Л.* Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 6. С. 72.* На этом фоне становятся понятны цели и мотивы так называемого юридического направления в Германии 70–80-х годов XIX века (Карл фон Гербер и др.), которое ратовало, как свидетельствовал Гессен, за «исключение всякой философии и всякой политики из области науки государственного права» — *Гессен В.М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сб. статей. СПб., 1903. С. 133.*

всегда возможно другое: ознакомить своих слушателей с прошлыми судьбами философской мысли в применении к правоведению. Именно это имеют в виду уставы, говоря об истории философии права»¹.

Другой ученый-государствовед А.А. Рождественский, солидаризируясь с точкой зрения Зверева, выдвигает дополнительные аргументы для обоснования данной позиции. Он считает, что «философия права ставит своей задачей обоснование юридического мировоззрения», и в силу этого «она необходимо должна быть субъективной». А исходя из субъективного характера философии права, делает далее вывод Рождественский, «одной философии права не может быть». В этом, по мнению Рождественского, и состоит принципиальное отличие философии права от общей теории права, которая является наукой, объективным знанием, и поэтому «возможна лишь одна»².

¹ *Зверев Н.А.* История философии права. М., [1895–1896]. С. 35, 38–39. Под философией права в университетском образовании России XIX века подразумевались не специальная кафедра или учебный курс, а совокупность проблем и тем, которые читались на кафедрах и в курсах с другими названиями. Государствовед и историк В.Ф. Залесский, который оставил обзорное исследование учебного процесса на юридическом факультете Казанского университета пишет: «Кафедра философии права существует в Казанском университете с самого его основания; первоначально она называлась кафедрой естественного права, затем энциклопедией законоведения, а ныне — энциклопедии и истории философии права» — *Залесский В.Ф.* История преподавания философии права в Казанском Императорском Университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. Казань, 1903. С. 219. Залесский составил и подробную таблицу учебных предметов на юридическом факультете Казанского университета с 1805 по 1903 год. Из этой таблицы следует, что дисциплины с названием «философия права» не существовало. Проблематика данной науки в 1805–1829 учеб. годах читалась в курсе «Естественное право», в 1837–1847 учеб. годах — в курсе «Энциклопедия права, государственные учреждения и права состояний», в 1847–1863 учеб. годах — в курсе «Энциклопедия права и русское государственное право», в 1863–1903 (таблица Залесского заканчивается этим годом) учеб. годах — в курсе «Энциклопедия и история философии права» — См.: *Залесский В.Ф.* Сводная таблица расположения лекций на юридическом факультете Казанского Императорского Университета за время с 14 февраля 1805 по 1 мая 1903 года. Казань, 1903. С. 18–19, 26–27, 30–31, 38–39, 44–45; 60–61, 66–67; 74–75, 82–83, 92–93; 96–97, 104–105, 110–111, 116–117, 124–125, 134–135, 142–143, 150–151. Как известно, в соответствии с едиными уставами во всех российских университетах в XIX — начале XX века существовала (за немногими исключениями) унифицированная система факультетов, кафедр и учебных курсов.

² *Рождественский А.А.* Основы общей теории права. М. 1912. С. 6–7. Даже такой горячий сторонник самостоятельного и независимого от историко-философской науки существования юридической догматики — С.В. Пахман, констатирует, что «вопрос о самостоятельности философии права, в отличие от истории права, представляется еще и поныне открытым» — *Пахман С.В.* О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 7–8.

Таким образом, по мнению многих государствоведов второй половины XIX века философия права, по крайней мере будучи учебной дисциплиной возможна лишь как история философии права, т.е. как анализ исторической эволюции философских понятий и концепций о государстве, власти, праве.

Но кроме внешних обстоятельств, была еще одна важная внутренняя научная проблема, затрудняющая реальное объект-предметное размежевание политических и юридических наук, — научная трактовка власти.

Из самого названия общих юридических дисциплин (общая теория государства, общая теория государственного права и т.п.) следовало, что объектом исследования для них является государство. Но государство является объектом изучения и для политических наук. Казалось бы, что объект-предметное размежевание юридических и политических наук должно быть основано на конкретизации аспектов, сторон, функций государства, которые изучаются теми или иными науками. Собственно, в приведенных определениях предмета юридических и политических наук и предпринимаются попытки выделить эти особые, специфические стороны или функции.

Но в чем заключается суть или природа государства? Как раз ответ на этот вопрос и запутывал все дело, поскольку не столько государство как таковое, а его стержневая основа — власть — становилась фактически общим предметом юридической и политической наук.

Рассмотрим некоторые определения власти в контексте ее изучения этими науками.

Градовский так определял суть этого вопроса: «Первым основным неоспоримым элементом каждого государства есть власть и власть не в смысле учреждений, а в смысле могущества, присвоенного государству»¹. Разумеется, подобная трактовка власти одинаково подходит под предмет изучения как юридической, так и политической науки. Такое двойственное толкование применимости понятия власти к предметной сфере разных наук еще более отчетливо проявилось в формулировках М.А. Рейснера. С одной стороны, по Рейснеру, «первым пунктом политической идеологии является... понятие верховной власти, стоящей над человеком, не допускающей с его стороны по принципу никакого сопротивления», а с другой, по мнению этого же автора, предметом общего учения о государстве (дисциплине, в трактовках того времени понимаемой больше юридически, чем политически) является «массовое поведение людей», которые «воспринимают в свое сознание идею власти, которая за-

¹ Градовский А.Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Санкт-Петербургском университете 10 октября 1866 г. // Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т. СПб., 1899. Т. I. С. 7.

ставляет их подчинять свою волю воле других людей, властителей или правителей»¹.

Ф. Коккошкин пытался разрешить эту проблему, используя понятие «юридическое понимание государственной власти». Он писал: «Понятие власти является центральным понятием государственного права. От того или другого юридического понимания государственной власти зависит и вся система нашей науки»². Коркунов для решения этого вопроса нашел еще более замысловатую формулировку: «Наука государственного права может быть определена как учение об юридических отношениях государственного властвования»³.

Данные формулировки претендуют на нечто большее, чем просто расширение объект-предметного поля даже не юридической науки, а одной из ее дисциплин — государственного права — и превращения ее в некую междисциплинарную теорию государства и власти, в которой юридические и политические аспекты переплетаются друг с другом⁴.

¹ Рейснер М.А. Государство. Ч. I. Культурно-исторические формы. М., 1911. С. 12, 16.

² Коккошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912. С. 189.

³ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1893. Т. I. С. 16.

⁴ К сожалению, подходы и дискуссии дореволюционного периода никак не были учтены и использованы в конце прошлого века, когда политология была включена в перечень учебных дисциплин высшей школы и когда вопрос об определении предмета политической науки (политологии) со всей остротой встал перед авторами многочисленных учебников. Даже беглый просмотр этих учебников показывает, во-первых, отождествление объекта и предмета политического знания, что уже само по себе свидетельствует об отсутствии четкого понимания природы этого знания; во-вторых, мозаичность и даже путаницу в определениях объекта и предмета политологии.

Некоторые авторы находили выход из этой ситуации в тавтологическом отождествлении предмета и объекта политологии с политикой, причем во всех ее многообразных проявлениях. Такой подход представляется не только неправильным, но и наивным. Далеко не все аспекты и проявления политики и, тем более, участие в политике имеют отношение к политологии как к науке. Домашние хозяйки ежедневно используют различные химические препараты, но это не означает, что они участвуют в научных исследованиях в области химии.

Приведем одну из типичных формулировок предмета политологии (политической науки): «Политология — это наука о политике и политическом управлении, о развитии политических процессов и систем, поведения и деятельности субъектов политики» // Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. М., 1999. С. 21. В другом известном учебнике авторы хотя и склоняются к аналогичному определению, но все-таки делают следующее характерное замечание: «„Политика“ — это одно из наиболее распространенных и многозначных слов в русском языке, да и во многих других языках мира» // Пугачев В.И., Соловьев А.И. Введение в политологию. 3-е

Трудные поиски объект-предметной идентификации юридической и политической наук в российском государствоведении XIX — начала XX века свое продолжение имели уже в области исследования исторической эволюции этих наук. Истории развития гуманитарных идей всегда отводилось много места и внимания в отечественном общественном знании. Это обуславливалось и тем, что процесс возникновения, становления и развития определенной гуманитарной идеи или концепции, взятых в разных культурно-исторических контекстах, помогает лучше понять не только их сущность, но и их специфическую функцию, объект-предметную идентичность по сравнению с другими подходами и способами анализа.

Коркунов подчеркивал, в частности, что роль и значение истории науки как самостоятельной научной дисциплины в естественных и гуманитарных предметах существенно отличаются. «В науках, изучающих явления природы, — писал он, — история научных теорий выясняет только фактор образования нашего знания о данном предмете. В науках, изучающих явления общественности, история научных теорий выясняет нам вместе с тем и один из соопределяющих факторов развития самих этих явлений общественности. В естественных науках история их развития нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках общественных, кроме того, и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений»¹.

Проведенный анализ подходов к вопросу о предметном поле различных наук приводит нас к определенному выводу: когда мы говорим о философии права, то его общее объект-предметное поле ограничивается (и то в лучшем случае) единым понятийным аппаратом, а на самом деле речь идет об определенной концептуальной модели философии права, которую, как правило, легко идентифицировать с конкретным автором или группой авторов. Данное заключение в

изд. М., 1998. С. 7. Среди российских политологов нашлись и такие, кто к вопросу об определении предмета подошел более конкретно. Два примера: 1) «Политология изучает отношения людей в рамках государства, т.е. по поводу власти» // *Панарин А.С.* Политология. М., 1997. С. 6–7; 2) «В широком смысле политология (как политическая наука) включает в себя все политическое знание, представляя собой комплекс дисциплин, изучающих политику, тогда как в более строгом значении политология (или общая теория политики) связана лишь со специфической группой закономерностей отношений социальных субъектов по поводу власти и влияния, исследуя особый тип механизмов отношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими» // *Дегтярев А.А.* Предмет и структура политической науки // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки.* 1996. № 4. С. 68. Нетрудно заметить, что последние авторы предмет политологии связывают с проблемой власти.

¹ *Коркунов Н.М.* История философии права. Изд. 3-е. СПб., 1903. С. 2.

равной мере относится и к политической науке. Когда же мы говорим об истории философии права (и истории политических учений), то здесь речь идет об исторической эволюции концептуально-различных (иногда до противоположного) моделей философии права (или политической теории). Именно поэтому предмет философии права (и политологии) нельзя прямо переносить (экстраполировать) на предмет истории философии права (истории политических учений), превратив последнюю в историческую или ретроспективную философию права (или политологию).

История философии права в образовательном и научном контексте XIX века у нас в стране решала двоякую задачу: с одной стороны, она снимала непреодолимые противоречия в объект-предметных разграничениях права и политики; во-вторых, она синтезировала на философском уровне подходы юридических и политических наук, показывала всю богатейшую палитру различных (иногда — противоположных) интерпретаций государства, политики и власти.

2.4.

Первые научные формулировки предмета истории философии права

Первые подходы к определению предмета дисциплины, изучающей историческую эволюцию политических и юридических знаний, можно обнаружить в курсах К.А. Неволлина и П.Д. Калмыкова. Если Неволлин обращает внимание на непрерывность и преемственность развития «философских систем»¹, то Калмыков прямо формулирует предмет «исторической энциклопедии законоведения», суть которого есть «изложение постепенного развития общих, коренных истин права, от первого из обнаруженных до настоящего выражения в современных юридических памятниках вообще». В ходе этого изложения показывается, «как эти истины возникли, совершенствовались, развивались и достигли настоящего значения». Калмыков разделяет историческую часть энциклопедии законоведения на две части: практическую (историю политического права) и теоретическую (историю философии права). Последнюю он называл еще «историей сознания мыслителей» и считал именно ее предметом своего курса².

По мере накопления опыта преподавания истории философии права в российских университетах все больше вызревала необходимость в осмыслении и научной формулировке предмета этой дисциплины, определения ее места в системе классических гуманитарных наук, ее роли в обучении студентов.

Первую попытку методологического обоснования предмета политической науки и истории политических учений (истории философии права) предпринял Б.Н. Чичерин. Во введении к «Истории политических учений» он разработал оригинальную теорию вопроса. В этой теории мы находим не только суть истории политических учений как науки, но также и то, что понимается под политическим учением как таковым, т.е. раскрываются внутренняя природа и

¹ См.: *Неволлин К.А.* Энциклопедия законоведения. Спб., 1997. С. 112.

² См.: *Калмыков П.Д.* Историческая часть энциклопедии законоведения. Спб., 1845. С. 1, 4–5.

конкретное содержание политической идеи, политического в его исторической эволюции.

Политическое учение, по Чичерину, это прежде всего учение о государстве¹. Но каковы элементы этого государства, какова его структура? Государство, по мнению Чичерина, состоит из четырех взаимосвязанных элементов: 1) общественная власть («необходимая общественная сила, подчиняющая себе силы частные»; «она дает обществу бытие, ибо без нее нет единства, нет целого, а есть только разрозненные члены»²); 2) свобода (или «свободное лицо») «с его правами, с его интересами...»³; 3) закон («общие правила, истекающие из разума и налагающие на человека нравственное принуждение или обязанность»⁴); 4) общее благо, которое «состоит именно в гармоническом развитии и соглашении противоположных элементов общежития»⁵.

Отражение или осмысление каждого из этих элементов государства в политической мысли и обуславливает, по Чичерину, появление тех или иных политических учений и теорий. Но есть ли какой-либо порядок, закономерность в выдвижении на передний план в различные исторические эпохи определенного политического учения? Чичерин ответил на этот вопрос утвердительно: «Внимательное изучение политических теорий, — писал он, убеждает нас..., что все... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни»⁶. Таким образом, Чичерин пришел к выводу, что «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли. Эти четыре школы можно назвать: общежительную, нравственную, индивидуальную, идеальную»⁷.

Уточняя свою теорию, Чичерин предостерегал от упрощенного ее понимания в смысле буквального циклического повторения политических идей в мировой истории. Как истинный гегельянец, Чичерин представлял этот циклический процесс в виде восходящей спирали. По его мнению, «закон исторического развития политической

¹ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. I. М., 1869. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 8.

мысли» состоит в следующем: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то впоследствии является во всей своей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству»¹. Следует отметить, что формулируя «закон исторического развития политической мысли», Чичерин видел в нем отражение более «общего закона развития вещей», всемирной истории в целом². «Человечество, — писал он, — отправляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии жизни. История политических учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории, а потому — к разрешению главных вопросов, занимающих человечество»³.

Примерно в то же время, когда Чичерин работал над первым томом своей «Истории политических учений», в Петербургском университете читал лекции П.Г. Редкин. Правда, его курс, как мы указывали выше, назывался «История философии права». Как Редкин определял предмет своего курса? Отправным моментом для такого

¹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. I. С. 10. Следует отметить, что примерно за десятилетие до Чичерина к мысли о необходимости выявления универсального в развитии политических наук пришел Д.И. Каченовский. См.: Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 18–21.

² Один из теоретиков истории литературы того времени (дисциплины, по своим задачам во многом родственной и пересекающейся с историей политических учений), В.В. Сиповский так определил предмет своей науки: «Историей литературы мы назовем науку, изучающую ... произведения в их генетической и закономерной последовательности, ... изучающую простые и сложные явления литературной жизни, строящая законы, которыми обусловлено зарождение, создание и судьбы этих явлений» // Сиповский В.В. История литературы как науки. СПб., б. г. С. 60.

³ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. I. М., 1869. С. 11. Здесь нельзя не заметить очевидное совпадение идей двух независимо друг от друга творящих и стоящих по сути на противоположных политических позициях мыслителей XIX века — Б.Н. Чичерина и К.Н. Леонтьева. Идеи о циклическом развитии политической истории Чичерина мы изложили выше. Теперь мысли Леонтьева: «Что такое процесс развития?... Этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны ... три периода: 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесительного упрощения». (Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993, С. 68, 75). Идеи Чичерина опубликованы в 1869 году, а Леонтьева — в 1875 году.

определения была его классификация гуманитарного знания и идея взаимосвязи различных гуманитарных наук. Редкин все гуманитарные науки делил на три категории: 1) науки юридические и правовые, 2) науки социальные и общественные, 3) науки политические или государственные¹.

Все эти три категории, по мнению Редкина, тесно связаны между собой, и поэтому особенно важно определить связь между юридическими и политическими науками. Редкин охарактеризовал ее следующим образом: «Науки политические или государственные могут в некотором, по крайней мере, отношении иметь и такой обширный смысл, что в их состав входят и науки юридические, ибо право, юридическая жизнь, входят в состав жизни государства вообще, есть одна из сторон жизни государственной, политической».

Но никак нельзя сказать и наоборот, чтобы в состав юридических наук входили и политические, ибо в состав юридической жизни не входят все стороны государственной жизни»².

Отсюда и многозначная трактовка Редкиным истории философии права. Эта дисциплина для него есть прежде всего юридическая наука, «хотя и не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая»³. Наиболее точное название своего курса Редкин сформулировал следующим образом: «История философии права есть вместе историческая, философская и юридическая, общественная и политическая специальная наука»⁴. Поэтому «полное и точное название или заглавие наших предстоящих лекций по истории философии права может быть выражено так: История философии права, общества и государства в связи с историей философии вообще»⁵.

Редкин выдвинул идею о том, что историю государственной мысли (теорию государства) можно научно изучать только в единстве социального развития. «Право, — писал он, — необходимо осуществляется в обществе и государстве; немислимо ни право вне общества и государства, ни общество и государство без права»⁶. Тем самым наука под сокращенным и условным названием «история философии права» — это история философских теоретических учений и норм о взаимосвязанном и взаимообусловленном развитии

¹ См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 35–36.

² Там же. С. 8–9.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Там же. С. 309.

правовых, социальных и государственных элементов человеческого бытия.

Чичерин и Редкин в своих трудах определили основные направления интерпретации предмета истории философии права. Эти направления формировались, по сути, вокруг двух главных вопросов.

1) История философии права относится к философским наукам (к истории философии) или к политико-правовым наукам, государствоведению?

2) История философии права — это только история идей, или это история идей в связи с историческими обстоятельствами, в которых они появляются?

Если по первому вопросу в литературе конца XIX — начала XX века высказывались различные точки зрения, формулировки, то вокруг второго завязалась настоящая полемика, которую условно можно назвать «диалог с Чичериным». И этот диалог был спровоцирован самим Чичериным, который в своих рассуждениях о предмете истории философии права как бы вышел за рамки своей гегельянской схемы «идейного циклизма». Так, Чичерин высказывает мысль о том, что в круг задач истории философии права должно входить и исследование действительных политических явлений, которые отразились в политических теориях. «История политических учений, — писал он, — занимает середину между... философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений»¹.

¹ Редкин П.Г. История политических учений. Ч. I. М., 1869. С. 4.

2.5.

Дискуссии о предмете истории философии права в конце XIX — начале XX века

Противоречивость позиции Чичерина стала отправной точкой для его оппонентов. Важной фигурой в дискуссии о предмете истории философии права в начале XX века был профессор Г.Ф. Шершеневич. В своей позиции он отталкивался от трактовки задач философии права. Шершеневич критиковал неопределенность и размытость предмета этой науки, выделял в качестве ее главного недостатка оторванность теории от практической жизни: «Философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы»¹. Философия права (а значит, и история философии права) должна была стать наукой, соединяющей философию правовой и политической жизни с реальными условиями этой жизни, но, по-видимому, так ей и не стала².

Далее Шершеневич дал свое определение предмета истории философии права. Возьмем, к примеру, один из наиболее известных и неоднократно переиздававшихся курсов истории философии права под редакцией Г.Ф. Шершеневича. Предмет этого курса определяется автором следующим образом: «История философии права имеет свою задачу изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале»³. Шершеневич, видимо, сознательно ввел в дефиницию предмета истории философии права такое неопределенное понятие, как «правовой порядок»,

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. М., 1910. С. 1516.

² В отсутствии такой связи составители учебных программ по государствоведению видели существенный недостаток «Истории политических учений» Чичерина. «Сочинение Чичерина, — писали они, — которое приходится положить в основу ознакомления с предметом, при всех своих выдающихся достоинствах в смысле основательного и точного изложения отдельных учений, имеет тот существенный недостаток, что совершенно оставляет невыясненной связь излагаемых идей с жизнью и с историческим развитием» — Сборник программ для чтения по вопросам государственного строя. М., 1906. С. 310.

³ Шершеневич Г.Ф. История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 20.

потому что в него можно, по сути, вместить все многообразие правовых, философско-политических и социальных идей.

Содержание самого курса Шершеневича как раз и свидетельствует о реализации такого замысла. В нем собраны — достаточно полно и всесторонне — не только правовые, но и философско-политические идеи и взгляды всех наиболее крупных мыслителей от древних греков и римлян до Гегеля включительно¹.

В государствоведческой литературе конца XIX — начала XX века встречаются и работы, специально посвященные проблеме предмета истории политических учений. Автор одной из таких работ А.С. Алексеев с критических позиций проанализировал концепцию Чичерина по данному вопросу. Положительным моментом этой концепции, по мнению Алексеева, является то, что она внесла «в изучение истории политической мысли идею закономерного развития»². В соответствии с этой идеей, подчеркивал он, «задача истории политической мысли заключается ...в раскрытии того внутреннего закона, который управляет сменой отдельных политических теорий, и в выяснении той логической нити, которая связывает их между собой»³.

Но у работ Чичерина, считал Алексеев, есть и серьезный недостаток. Он заключается в том, что в рамках его концепции эволюция политической мысли сводится лишь к процессу порождения одной политической теорией другой, и тем самым игнорируются иные факторы, влияющие на развитие политических идей. По оценке Алексеева, правильно будет рассматривать политические идеи не только как результат философского процесса, но и как продукт многосложных исторических причин⁴. Не правильным, полагал Алексеев, является такое положение, когда «политические теории изучались сами по себе, а государственные учреждения сами по себе», когда «ученые, занимавшиеся историей политической мысли, не считали нужным обращать внимание на условия государственного быта, а исследователи государственных учреждений игнорировали политические теории»⁵.

¹ См. содержание по современному изданию: *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 2001.

² *Алексеев А.С.* Задачи и методы истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 470.

³ Там же.

⁴ См.: Там же. С. 472.

⁵ Там же. Примерно в этом же ключе Шершеневич сформулировал задачу, стоящую перед историей философии права: «При изложении воззрений какого-либо мыслителя история философии права обязана обратить внимание на исторические условия, при которых появляется философское учение, на индивидуальность его создателя, на соотношение между новым и предшествующими учениями» — *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 21.

Таким образом, предмет истории политических учений (или теорий) Алексеев определял как совокупность двух таких важнейших компонентов: 1) закономерность, логическая нить исторического развития политической мысли как всемирный процесс; 2) связь политических теорий и политической истории, «теорий государства в их исторической последовательности» с конкретно-историческими условиями «государственного быта», «с нравственным складом народа», «с экономической обстановкой», с «политической атмосферой», т.е. со всей совокупностью объективных условий, в которых появились эти теории¹. Причем, связь эта является двусторонней: влияние политической теории на политические порядки и наоборот.

Близко к трактовке А.С. Алексеева предмета истории политических учений (истории философии права) примыкает позиция Е.В. Спекторского. Он считал, что история философии права, «как составная часть истории этической философии, входит в историю культуры, именно в историю духовной культуры... Она не может давать простой перечень имен и сочинений с кратким пересказом их содержания. Не может она также давать, так сказать, портретную галерею философов, характеристику их личности и творчества, давать портреты философов, оторванные от окружающей их обстановки и от исторических условий, вызвавших их учения. Она не судит философских учений. Она просто старается понять и объяснить, как и почему в известное время возникли именно данные проблемы, и какова была их позднейшая судьба»².

«Гегельянская» традиция в отечественной истории философии права была поддержана другим ученым конца XIX — начала XX века — В. Вальденбергом, который определяя «историю политических учений как такую науку, ставящую своей целью изучить исторический процесс в развитии учений о задачах государства и о средствах к осуществлению этих задач»³, также считал, что для этой науки «идея закономерности», «идея развития по закону причинности» является базовой⁴. Но это исходное положение привело его к выводу прямо противоположному, чем вывод Алексеева. Вальденберг писал: «Предметом политических учений являются чисто теоретические проблемы, в разрешении которых принимают участие не политические партии и общественные классы, но политические

¹ См.: Алексеев А.С. Задачи и методы истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 465, 471, 475.

² Спекторский Е.В. Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918. С. 11.

³ Вальденберг В.Э. История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стб. 466.

⁴ Там же.

направления и философские школы, и которые мы рассматриваем вне их связи с какими бы то ни было исторически сложившимися политическими формами и экономическими организациями»¹. По Вальденбергу получалось, что история политических учений — это поле чисто умозрительного дискурса, в котором закон причинности действует только между идеями и теориями, не связанными с внешними условиями и обстоятельствами и не зависящими от них.

Подтверждением нашего тезиса о содержательном тождестве истории философии права и истории политических учений в контексте государствоведческой науки России XIX — начала XX века является формулировка Вальденберга 1897 года, относящаяся к предмету истории философии права: «Выяснить постепенное развитие философского мышления в сфере права и определить ценность отдельных систем с точки зрения гносеологической есть задача ... истории философии права»².

В начале XX века в противовес «историческому идеализму» формируется целое направление в интерпретации причинных связей философско-политических идей и политико-правовой реальности³.

В этой связи следует обратить внимание на реферат историка Р.Ю. Виппера «Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн», опубликованный в 1896 году в журнале народного просвещения в виде отдельной брошюры, а также реакцию на этот реферат философа и государствоведа П.И. Новгородцева.

В реферате Виппер обосновывает мысль о том, что «понять политические идеи можно лишь в связи со всей обстановкой жизни, среди которой они возникают, что их изучение нельзя ограничивать одной лишь логической связью абстрактных систем...»⁴. Виппер при этом со-

¹ *Вальденберг В.Э.* История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стб. 471.

² *Вальденберг В.Э.* О задачах философии права // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Ноябрь-декабрь. С. 930. Не трудно заметить точное совпадение этой формулировки предмета истории философии права с определением предмета истории политических учений, которое дает Вальденберг в 1901 году.

³ С критикой «гегельянской» схемы истории философии права, как мы отмечали выше, еще в 1880 году выступал А.С. Алексеев. Таких позиций в то время придерживался и профессор Харьковского университета К.Н. Ярош. В вопросе о соотношении идей и реальности, этот автор формулирует два положения: 1) «Всякое философское и политическое учение, как бы, по видимому, оно не было далеко от окружающей действительности, состоит постоянно с нею в ближайшей связи»; 2) «Философские и политические учения, имея корни в действительной жизни, оказывали действие обратное на неё» — *Ярош К.Н.* История идеи естественного права. Ч. 1. «Естественное право» у греков и римлян. СПб., 1881. С. 23–24, 25.

⁴ *Vipper Р.Ю.* Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. СПб., 1896. С. 3.

вершено не отрицает природу политической идеи, как продукта человеческого мышления, как логической абстракции, но считает, что происхождение этой идеи (детерминации) следует искать не только в голове ученого, а представлять ее «как продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности различных данных исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому...»¹. Не трудно заметить, что Виппер не сводит детерминационный базис философско-политической идеи только к институциональным факторам эпохи, а представляет его значительно шире, включая ментально-идеологические основания, традиции и т.п.

П.И. Новгородцев в целом высоко оценивая научную значимость положений Виппера, существенно развивает и уточняет подходы к интерпретации проблемы детерминации политических идей. Он считает, что существует методологическое различие в изучении политической идеи со стороны историка, с одной стороны, и со стороны философа, с другой. По мнению Новгородцева, совершенно очевидно, что историк ставит перед собой задачу «сблизить теорию с окружающей средой и ввести ее в цепь закономерного исторического процесса»², и при этом он, — подчеркивает далее Новгородцев, — «более объясняет действительность с помощью идей, чем идеи с помощью действительности; центр тяжести переносится на общий ход истории»³. Но задача историка тем самым, по мнению Новгородцева, предопределяет некоторые пределы (границы) в интерпретации политической идеи, не позволяющие дать ответ на ряд важных вопросов. Например, почему одну и ту же социальную действительность разные теории могут одновременно объяснять по-разному? Или почему во всемирной истории мы сталкиваемся с поразительной повторяемостью определенных идей, возникающих в различных социально-политических условиях?

Философ, по убеждению Новгородцева, не отбрасывая вывод о безусловной связи идей с историческими условиями, должен изучить внутреннюю (и самостоятельную) природу политической идеи. Для философа, по Новгородцеву, «главная задача состоит в том, чтобы понять идею или доктрину не как отражение своей эпохи, а как важное ... логическое построение»⁴. Идея отражает не только свою эпоху, но содержит в себе генетическую память о предыдущих эпохах.

¹ Там же. С. 5.

² *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902]. СПб., 2000. С. 43.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 64.

Поэтому, по мнению Новгородцева, «логический объем доктрины всегда шире тех конкретных поводов, при которых она возникает»¹.

Итак, существуют два основных подхода к интерпретации происхождения политической идеи — исторический и философский (логический). Но между ними, считает Новгородцев, нет и не может существовать барьеров. «Одна задача, — пишет он, — не исключает другой; это не более как необходимое разделение научной работы, которая затем ожидает своего синтеза»².

Попытку такого синтеза предпринял М.М. Ковалевский, который в 1906 году выпустил в свет обширный трехтомный труд под названием «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму». Роль государства и его отражение в истории политических учений». Главную задачу своего труда Ковалевский формулирует следующим образом: «Моя книга — не история политических учений и еще менее — история учреждений. Это попытка показать, что обе стороны тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой»³. Такая задача важна и злободневна, так как, по мнению Ковалевского, никто из его предшественников «не считал нужным показать более тесную зависимость политической мысли от политической жизни...»⁴. Именно для восполнения данного пробела в своем труде он собирает и анализирует огромный исторический и идейный материал от Античности до Нового времени.

Одной из важнейших обобщающих идей, к которой приходит Ковалевский в своем исследовании, стала идея о постоянной эволюции политических концепций на различных витках человеческой истории, но не как результат имманентного развития самих идей о государстве и государственных системах (Чичерин), а как рефлексия относительно изменений реальных политических условий и учреждений⁵.

Если суммировать размышления ученых конца XIX — начала XX века (Виппер, Новгородцев, Ковалевский) о проблеме детерминаций философско-политических идей, то можно сделать следующие выводы:

¹ *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902]. СПб., 2000. С. 62.

² Там же. С. 53.

³ *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. Т. I. М., 1906. С. III.

⁴ Там же.

⁵ Один из ранних исследователей творчества М.М. Ковалевского — А.А. Боголепов в данном положении отметил «представление о вечном обновлении жизни человечества, в противоположность представлению о постоянстве и повторяемости форм ее...» — *Боголепов А.А.* М.М. Ковалевский как историк политической мысли. Пг., 1916. С. 23.

1. Идея и исторические условия, в которых она существует, внутренне связаны друг с другом.

2. Эволюция идеи есть отражение эволюции условий.

3. Содержание идеи есть совокупность рефлексии конкретных условий и генетической памяти о прошлых эволюционных витках.

К этим трем позициям в качестве четвертого положения можно добавить уже цитируемую выше мысль Яроша (1881) о том, что идея не только зависима от условий, но и оказывает обратное воздействие на условия.

Чрезвычайно важным для понимания детерминаций философско-политических идей был и вопрос о соотношении общемирового и конкретного исторического, специфически локального в развитии политических теорий, а значит, и в понимании предмета истории философии права (истории политических учений). Он имеет целый ряд интересных и глубоких трактовок в российском дореволюционном государствоведении. Суть этих трактовок сводилась к мысли о том, что неправомерно, с научной точки зрения, механически переносить политические теории, выработанные в одних социальных условиях (например, Западной Европы), и применять их при анализе политических явлений и процессов других регионов, например, в России.

Приведем только два высказывания на эту тему.

А.Д. Градовский: «Для нас необходима государственная наука, — и притом не иноземная, а основанная на национальных началах государственной, земской жизни, а, следовательно, и научного государственного права»¹.

А.Л. Блок: «Если бы мы „общее государственное право“ изучали по одним западноевропейским образцам, то здесь нам пришлось бы применять и к славяно-русскому миру понятия, выработанные пока преимущественно лишь для романо-германских народов»².

Вопрос о влиянии одних политических теорий на другие не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Раньше, да и сейчас, была популярной так называемая «теория догоняющего развития». Ее применяли для объяснения процессов в странах (в частности, в России), которые «отставали» в своем социально-экономическом и научно-образовательном развитии от Западной Европы. На примитивность такого объяснения обратил в свое время внимание Г.В. Плеханов: «Влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется

¹ Градовский А.Д. Вступительная лекция по государственному праву в Санкт-Петербургском университете 10 октября 1866 г. С. 3.

² Блок А.Л. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884. С. 1.

нулю. Пример: африканские негры до сих пор не испытали на себе ни малейшего влияния европейских литератур. Это влияние односторонне, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Пример: французская литература прошлого, влияя на русскую литературу, не испытала на себе ни малейшего русского влияния. Наконец, это влияние взаимно, когда вследствие сходства общественного быта, а следовательно, и культурного развития, каждый из двух обменивающихся народов может что-нибудь заимствовать у другого. Пример: французская литература, влияя на английскую, в свою очередь испытывала на себе ее влияние»¹. На основе этого положения в теории литературы существует концепция взаимовлияния национальных литератур. Автор этой концепции — П.Н. Сакулин приводит высказывание Ж. Ренара: идеи — это растения, которые могут переходить из страны в страну и там укрепляться лишь в том случае, если на новом месте они находят благоприятную почву и нужный климат. И заключает: «Влияние всегда явление второго порядка, и историку литературы следует выяснить генезис явления сначала из основных, туземных причин и потом уже анализировать влияния»².

Безусловно, эти концептуальные положения, касающиеся истории литературного процесса, можно целиком применить и к истории политических учений. Необходимо только добавить, что система взаимовлияний «Западная Европа-Россия» значительно сложнее и противоречивее дихотомии «передовое-отсталое». Россия — это самодостаточная и долгоживущая общественная система, в которой, наряду с наличием очевидных внешних (в основном европейских) заимствований, в течение столетий сформировались свои, уникальные, не идентичные европейским матрицы и стереотипы политической и социальной жизни.

¹ Плеханов Г.В. К вопросу о роли монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. I. С. 658.

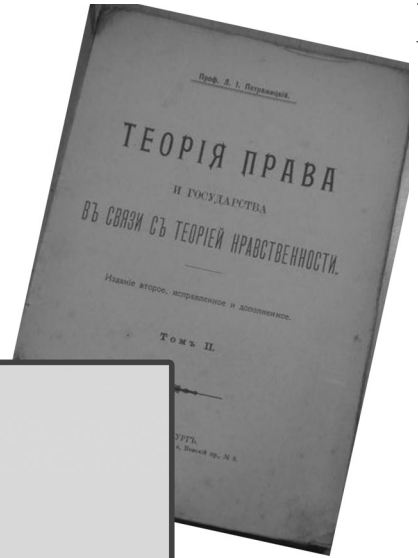
² Сакулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 115.

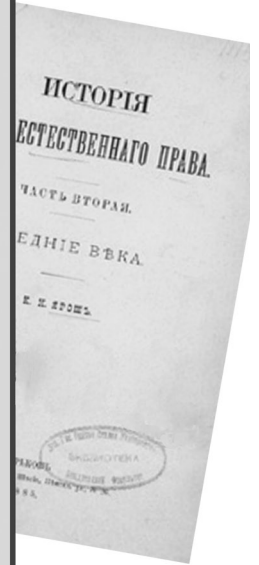

ИДЕЯ ПРАВА ВЪ ФИЛОСОФИИ
ВЪ С. СОЛОВЬЕВА.

Съе, преподаватель въ Императорскомъ университетѣ Санктъ-Петербургскомъ въ 1880-хъ годахъ.

Глава 3
Методология истории
философии права

Разработка методологических вопросов является важной стороной и определенной степенью зрелости в развитии любой области научного знания. Изучение трудов отечественных ученых-гуманитариев второй половины XIX — начала XX века свидетельствует о повышенном и постоянно возрастающем интересе к данному направлению научных исследований¹.

3.1. Разработка проблем методологии как важное направление развития гуманитарного знания

Некоторые ученые на рубеже XIX и XX веков связывали методологические исследования с глубокими и кардинальными переменами в тот период времени в развитии науки. Они затрагивали не только содержательные аспекты научных исследований, но и такие ее стороны, как социальный статус, эвристические и прогностические возможности и т.д.

¹ В начале раздела уместно кратко сказать об исторической эволюции содержания понятия «методология». Оно стало употребляться для обозначения науки о методах (*Methodenlehre*) в германских университетских курсах еще в XVIII веке, но позже (со второй половины XIX века) получило более широкое содержание, синонимичное понятию «теория». Именно в этих двух взаимосвязанных значениях методология чаще всего употреблялась в научных исследованиях и в университетских курсах в России в конце XIX — начале XX века. Появилось еще и третье ее значение: метод как практический прием исследования или методика. Итак, исторически было выработано три значения методологии: 1) методология как теория; 2) методология как совокупность методов и 3) методология как совокупность методических приемов, техника исследования. — См.: *Смоленский Н.И.* Из опыта ведения курса по методологии истории // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 133; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. М., 1979. С. 205. В этих трех значениях понятие «методология» употребляется и в современной науке, хотя существует мнение о том, что «понятия «теория» и «метод» следует ограничить друг от друга» (Н. Конеген, К. Шуберт). — См.: Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение. М., 2004. С. XI.

Так, например, российский ученый А. Горбунов в 1906 году оценивал ситуацию в научной среде следующим образом: «За последнее время в научном мире наблюдается усиленный интерес и внимание к методологическим проблемам. Вряд ли можно назвать такую область обществоведения и государствоведения, которую не затронула бы «переоценка ценностей», и методологические основы которой не подверглись бы и более или менее коренной переработке. Трудно также преувеличить значение этого умственного течения. Достаточно напомнить, что оно выдвинуло, между прочим, проблему должного, которая в той или иной форме, под тем или другим наименованием, проникла в политические, юридические, экономические и социальные дисциплины»¹.

Другой юрист-теоретик того времени — Е.В. Васьковский, подчеркивая факт повышения интереса его современников к методологическим вопросам, указывал также еще и на то, что этот интерес является свидетельством перехода научного знания (в данном случае — правоведения) на более высокую ступень своего развития. «В истории юриспруденции, — пишет он, — повторяется тот наблюдаемый в других науках факт, что применение научных методов исследования предшествует точной формулировке их. В течение целых веков и даже тысячелетий производились построение и классификация юридических понятий, тогда как сущность и значение употребляемых при этом логических приемов сознаны вполне только в недавнее сравнительно время»².

Метод — это не то, что прямо и непосредственно вытекает из задач и содержания науки. Методы создаются учеными на определенном этапе развития науки, когда приходит понимание того, что научное знание далее существовать и тем более развиваться без метода, точнее без научно осмысленного метода, уже не может. В своих лекциях по методологии русской истории (1884/1885 акад. год) В.О. Ключевский указывает на существенный недостаток, «каким отличается изучение нашей истории». «Недостаток этот, — по мнению ученого, — отсутствие метода»³.

Действительно, в последние два-три десятилетия XIX века начинают выходить крупные работы по методологии различных областей гуманитарного знания, переводятся наиболее важные зарубежные работы в этой области⁴.

¹ Горбунов А. Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. I. Часть историческая. Вып. I. М., 1906. С. 1.

² Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 347.

³ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 5.

⁴ См., например: Метод в науках. СПб., 1911; Пуанкаре Г. Наука и метод. Одесса, 1910; Менгер К. Исследование о методах социальных наук и полити-

Уже в то время в разработке методологических вопросов применительно к гуманитарной области начинают формироваться два взаимосвязанных направления (или пласта) подходов и трактовок, по сути — два различных понимания методологии.

Первое — это понимание методологии, как совокупности приемов научного изучения «реальных объектов», общественных институтов и учреждений, общественных процессов и явлений.

Второе — это понимание методологии, как совокупности приемов научного изучения «идеальных объектов», «объектов мысли», различных текстов, произведений, документов и т.п.

Государствоведение — научная и образовательная дисциплина, в рамках которой в то время изучались политические проблемы и процессы, оказалась такой областью гуманитарного знания, где оба указанных выше методологических подхода тесно взаимодействовали и дополняли друг друга. Это обусловливается тем, что объектом государствоведения является само государство, его политическая жизнь, организация и развитие которых происходит в тесной связи и под воздействием политических и правовых учений. Знать государственную жизнь общества — значит знать не только систему государственных учреждений, но и систему права, систему государственных и политических идей и проектов, на которых и основана деятельность учреждений.

Другой особенностью государствоведения — в том, что эта область знания по своей сути является исторической, ретроспективной, поскольку адекватное понимание природы современных государственных отношений невозможно без знания исторической эволюции государственных начал.

В силу этих особенностей изучение в государствоведении действующих правовых форм и учреждений на самых ранних стадиях развития этого знания (как за рубежом, особенно в Германии, так и в России) сопровождается серьезным изучением истории права, эволюции теоретических представлений о государстве, праве, власти.

Одним из первых произведений, где указанная выше характеристика стала непосредственным объектом анализа, следует назвать книгу профессора Харьковского университета А. Стоянова «Методы разработки положительного права¹ и общественное значение юри-

ческой экономики в особенности. Спб., 1894; *Лансон Г.* Метод в истории литературы. М., 1911; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. М., [1908]; *Сеньобос Ш.* Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902; *Фриман Э.* Сравнительная политика и единство истории. Спб., 1880 и др.

¹ В дореволюционном правоведении в понятие «положительное право» включались юридические нормы, выразившиеся в обычаях, судебной практике, законодательстве, в противовес свободно развивающемуся субъективному правосознанию. См: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М., 1914. С. 282.

стов от глоссаторов до конца XVIII столетия» (Харьков, 1862). Можно сказать, что именно с этой книги в российском государственоведении начинается разработка методологических проблем.

В этом труде Стоянов формулирует ряд важнейших положений: 1) о сущности научного метода; 2) об отношении метода науки и предмета науки; 3) о структуре метода права.

Что касается первого положения, то наряду с некоторыми метафорическими определениями научного метода — «оружие науки», «пульс науки»¹, Стоянов высказывает важное положение об объективной обусловленности и необходимости методологической разработки научного знания. «Экономия времени и сил, — пишет он, — составляет едва ли не первое условие для всякой человеческой деятельности. Осуществить такую экономию в научной работе есть назначение метода»².

Но Стоянов понимает, что метод — не просто инструмент, упорядочивающий научное знание. Таким инструментом он становится потому, что тесно связан с самим содержанием этого знания. «Способ разработки научного материала, — пишет ученый, — является естественным последствием основного воззрения на сущность его. Идея метода есть верное зеркало, где обозначается общая идея предмета знания»³. То есть, метод науки (способ разработки научного материала, путь отыскания истины) взаимосвязан с предметом науки (понимание и объяснение природы определенной совокупности явлений, их взаимосвязей).

Метод, по Стоянову, не просто мыслительная логическая конструкция еще и потому, что он обусловлен и определен самим историческим ходом развития этого знания. «Наиболее совершенный метод, — считает он, — есть тот, который разрабатывает положительное право, как органическое целое, образовавшееся путем историческим и состоящее в самой близкой связи с действительной жизнью народа. Другими словами, в понятии совершенного метода должны заключаться элементы: систематический, исторический и практический»⁴.

Основное содержание книги Стоянова посвящено подробному рассмотрению понятий и представлений о методе, которые «проявля-

¹ Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. XIII, 267.

² Там же. С. VI. Метод, по Стоянову — это «ученые приемы, способ разработки научного материала» — Там же. С. XXIII.

³ Там же. С. VII.

⁴ Там же. С. XI. (Из контекста книги Стоянова ясно, что в основе систематического метода им понималась теория исторического метода — связь жизни народа с историей, а практического метода — связь с действительной жизнью).

лись и преемственно развивались между юристами различных школ в западно-европейской науке»¹, или, как сам Стоянов определяет историческую географию своих исследований, — «от средневековой Болоньи до современных нам Марбурга и Геттингена»².

В вышедшей в 1863 году в «Современнике» пространной обзорной рецензии на книгу Стоянова, Ю. Жуковский, прямо, не полемизируя с рецензируемым автором, расставляет все же несколько иные акценты в формулировках сущности метода. «Метод, — пишет Жуковский, — есть тот логический путь, коим известная отрасль знания доходит до открытия простых и постоянных законов, по которым происходят явления, и следовательно, до возможности предсказывать будущие явления... Существенным признаком науки является обладание общими и постоянными законами явлений, а метод означает лишь то отношение, в которое становится ум к предмету, или путь, которым он трудится»³. Жуковский отмечает в методе, прежде всего и главным образом, его логическую, умственную основу, тогда как Стоянов к теоретико-логической прибавляет его историко-практическую функцию. Тем самым уже в 1862–1863 годах Стояновым и Жуковским были обозначены два подхода к методологии знания (и к теории вообще), которые будут проявляться и развиваться в отечественной гуманитарной науке в последующие десятилетия.

Исследование методологических вопросов в государствоведении в начале 70-х годов было продолжено В. Сергеевичем в его вышедшей в 1871 году книге «Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы».

В качестве исходного пункта анализа Сергеевич формулирует свое понимание сути метода: «Под методой, — пишет он, — разумеем мы те приемы, которыми ученые пользуются, устанавливая ту или другую научную истину; иначе, это тот путь, которым надо следовать для решения задачи науки»⁴.

Книга Сергеевича практически полностью посвящена историческому анализу методологических исследований в западно-европейском государствоведении. Примечательно, что данный анализ автор предваряет следующим характерным замечанием: «В немецкой литературе вопрос о методе не получил той обработки, которого первостепенной его важности следовало бы ожидать. Сколько нам извест-

¹ Там же. С. XXIV.

² Там же. С. 266.

³ Современник. Т. XCVI. СПб., 1863. С. 285–286.

⁴ Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 47.

но, немецкая литература не представляет ни одного специального сочинения, посвященного этому предмету»¹.

Сергеевич как бы ставит перед российской наукой задачу восполнить данный пробел. Но сначала, по его замыслу, необходимо рассмотреть те подходы и разработки, которые все же имеются в западно-европейской литературе.

Такой обзор автор начинает с немецкой литературы. Здесь он делает акцент на том, что немецкоязычные авторы активно разрабатывают «чисто философскую методу», которая, в свою очередь, подразделяется на «метод рационалистический» и «метод диалектический». Первый метод Сергеевич связывает прежде всего со школой Канта (Гросс, Роттек и др.), второй — с Гегелем. Оба этих чисто философских метода, основанных на абсолютных посылах идеалистического мышления (категорический императив практического разума Канта или абсолютная идея Гегеля), применялись при изучении государства, или, как уточняет Сергеевич, «к созданию системы идеального государственного права»². По его замечанию, данная методологическая система была ничем иным, как «плодом логического выведения всех отдельных норм из одного высшего начала и без всякого содействия опыта»³.

Другим методологическим подходом в немецкой литературе Сергеевич считает «попытки соединения философской методы с наблюдением», или опытом. Такие попытки он связывает с философскими системами Арена, Шталя и Штейна. Общая оценка этой методы Сергеевичем (он называет ее «соединенной методой») негативна. «... Сама мысль соединенной методы, — считает он, — заключает в себе противоречие: философская дедукция имеет придти к долженствующему быть, наблюдение же может привести только к знанию существующего, которое не всегда совпадает с долженствующим быть. Невозможно примерить результаты этих двух совершенно различных и несоизмеримых между собой приемов разбивает все попытки соединенной методы»⁴.

В немецкой литературе Сергеевич выделяет также сторонников «методы чистого наблюдения в области философского государственного права»⁵. К ним он относит Захарию и Эшера. Но эту методу Сергеевич оценивает как несостоятельную.

¹ *Сергеевич В.И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 47.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же. С. 156.

Свою общую негативную оценку разработки методологических подходов в немецкой литературе Сергеевич оправдывает и подкрепляет тем, что и сами немецкие ученые были неудовлетворены развитием данной научной области. «Мы не впадем в преувеличение, — пишет он, — если скажем, что через всю немецкую литературу проходит сознание неудовлетворительного состояния немецкой литературы. Благодаря отсутствию одной общей методы, всеми признаваемой, почти каждый из новых, вступающий в область политических исследований, заявляет о тщетности усилий своих предшественников, начинает работу сызнова и воздвигает свое собственное здание, к которому его преемники относятся ровно с таким же недоверием, с каким и он отнесся к трудам своих предшественников. Подтверждение этому можно найти в любой истории политических учений»¹.

Совершенно по другому Сергеевич оценивает методологические разработки французских и английских ученых. Выделяя в этой связи труды прежде всего О. Конта, Дж. Ст. Милля и К. Льюиса, Сергеевич считает, что «самый вопрос о методе² обратил здесь на себя гораздо большее внимание и получил более обстоятельную обработку, чем в Германии»³.

Обобщенно методологический прием, который был разработан этими учеными, Сергеевич называл «положительной методой»⁴. В основе ее приоритет опыта («наблюдений»), но не хаотических, произвольных, а только тех, которые «связываются друг с другом как-нибудь, хотя и гипотетическим, законом»⁵. Теории социальной статики и динамики, разработанные учеными, как раз и выявляли такие связующие и системообразующие законы.

Из анализа трудов французских и английских ученых Сергеевич сделал два важнейших методологических вывода:

1) В основе методологии политических наук (научных исследований в области политики) должно лежать выявление закономерной связи между политическими процессами и явлениями при помощи опытных, эмпирических приемов.

2) Не правомерно упрощенное перенесение статистических и динамических закономерностей, отмеченных в живой природе, в области социальных и политических явлений. Здесь Сергеевич обращает внимание и подчеркивает не только различие природной и

¹ Сергеевич В.И. Гитической литературы. М., 1871. С. 171–172.

² Сергеевич здесь под методом подразумевает «приемы исследования в области политики» — См.: Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 178.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 182.

социально-политической сред, но и указывает на нестыковку предметной области естественных и социальных наук. «Наука о государстве, — пишет он, — не может быть названа в строгом смысле наукой точной». И это объясняется не потому, что в социальной среде не действуют «постоянные законы», а «только по причине крайней сложности этих явлений, и проистекающей отсюда невозможности привести в известность все данные, от которых они зависят»¹.

Повышенный интерес отечественных ученых-гуманитариев 60-х-начала 70-х годов XIX века к данной теме свидетельствовал также и об их стремлении упорядочить и систематизировать накопленный к тому времени материал в гуманитарных, в частности, в государствоведческих науках. Они хотели, чтобы гуманитарные науки по форме и по изложению содержания походили на естественные; чтобы они представляли собой не просто наукообразный набор фактов и положений, а некую научную систему, в которой эти факты являлись бы почвой для формулирования научных закономерностей, строгих выводов, постулатов и т.д.

Пожалуй, наиболее открыто данное стремление выразилось в вышедшей еще в конце 60-х годов книге А.И. Стронина «История и метод» (1869). Исходную посылку А. Стронин формулирует следующим образом: «... История, или вообще науки нравственные, должны ожидать своего возрождения от естествознания, ... они должны сблизиться с ним, стать на почву его, ... историк должен быть вместе с естествоиспытателем, ... он должен усвоить приемы естествоиспытания»². Реализовать эту задачу, по Стронину, возможно, используя в полной мере в гуманитарных исследованиях главный метод естествознания, каковым является индукция.

Суть этого метода, считал Стронин, состоит в движении мысли «от множественности к единству, от частных к обобщениям». Этим же путем должен идти и историк. При изучении истории «этот путь предписывает, основываясь на наблюдении фактов, событий, восходить к их закону, обобщению, а не наоборот...»³. Причем, применение индукции к исследованию исторического процесса должно быть нацелено, — по мнению Стронина — на установление всеобщих законов мировой истории. «История как наука, — пишет он, — должна иметь целью не столько отыскание законов то жизни французов, то жизни немцев, то жизни средневековой, то жизни древней, сколь-

¹ *Сергеевич В.И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 216.

² *Стронин А.И.* История и метод. СПб., 1869. С. 20,

³ Там же. С. 21,

ко вообще законов общественной жизни, законов всех времен и всех народов»¹.

Важный вопрос, который встает перед Строниным, — это вопрос о том, в какой степени методы естествознания применимы в общественных науках. Может ли это применение носить прямой, механический характер?

Стронин отвечает на него отрицательно. «Метод естествознания, — пишет он, — далеко не может быть усвоен обществознанием вполне»². Это связано прежде всего с тем, что возникает серьезное сомнение в возможности отождествления законов естественных и социальных. «Остается еще определить, что такое надо понимать ... под ... законом социальным, и точно ли он то же самое, что закон натуральный», — задается вопросом Стронин. По другому, рассуждает он далее, пожалуй, и не может быть, так как «между жизнью природы и жизнью общества есть большое различие: это — постоянная неизменчивость отношений первой и постоянная изменчивость отношений второй»³.

Несмотря на сомнения и оговорки по поводу возможности отождествления законов природы и общества, в достаточно объемной книге Стронин излагает подробную, насыщенную богатым фактологическим материалом механистическую систему применения методов и подходов естествознания к общественным наукам.

Подчеркнем, что идея универсальности естественнонаучной методологии в отечественной гуманитарной науке имела своих (хотя и не многочисленных) сторонников⁴.

Более важное стимулирующее значение для дальнейших методологических исследований в гуманитарных науках имела мысль Стронина о том, что для развития этих наук нужно использовать классическую методологию, в течение многих столетий вырабатывающуюся естествознанием, но это использование не может быть прямым, буквальным, нужна адаптация этих методов в новой, другой научной среде.

¹ Стронин А.И. История и метод. СПб., 1869. С. 31.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 52.

⁴ Отметим только двух авторов: *Алексеев Н.Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. М., 1912; *Спекторский Е.В.* Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава, 1910; Т. 2. Киев, 1917.

3.2.

Методология в государственноведческих науках

С конца 1880-х годов, методология становится обязательным и важным разделом университетского курса государственного права, проблематика которого в то время, как известно, охватывала многие общие вопросы государственноведения и теории политики.

Можно выделить два главных направления в изучении государственноведцами вопросов методологии.

Первое направление. Интерпретации взаимосвязей общенаучных методов и методов государственноведения.

Отправным положением для таких интерпретаций стало признание логической природы всякой методологии. «Наука о путях и средствах исследования, — пишет Б.А. Кистяковский, — называется методологией. Она составляет часть логики. Как основные принципы логики одни и те же для всякого правильного мышления, так и основные принципы методологии одинаковы для всех научных дисциплин»¹. В более поздней работе (1916) Кистяковский, развивая мысль об общелогической природе любого научного знания, выделяет три основные проблемы, с которыми неизбежно сталкивается логика и методология социальных наук. Первая проблема сводится, — по его мнению, — к вопросу о том, «как образовать социально-научные понятия». Вторая «заключается в вопросе о том, насколько применимо причинное объяснение к социальным явлениям». И наконец, третья проблема логики и методологии социальных наук, по Кистяковскому, состоит «в определении роли и значения норм социальной жизни»².

Первые две — проблема понятийного аппарата и проблема детерминации — по мнению Кистяковского, «это проблемы общие для социальных и естественных наук. В каждой из этих научных областей они лишь приобретают особую модификацию. Только третья проб-

¹ Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) [лекционный курс в 1908/1909 акад. году] // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 430.

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 26–27.

лема нуждается в социально-философском рассмотрении»¹. Связано это прежде всего с тем, что здесь недостаточно выявления только причинных связей и зависимостей. По убеждению Кистяковского, важна также «проблема оценок и значения целей для того или иного хода социального процесса»².

Другие авторы, исходя из логической природы методологии, акцентировали внимание на том, как работают в области государственного управления общенаучные методы — анализ (индукция) и синтез (дедукция). Н.К. Ренненкампф, подробно описывая сущность этих методов³, делает вывод: «Анализ и синтез, как всеобщие методы науки, должны действовать и действуют при посредстве наблюдения исследуемых явлений, и в правоведении»⁴.

В современных определениях понятийных пар «анализ-синтез» и «дедукция-индукция» существует большая путаница. Одни авторы и то, и другое называют «методом»⁵, другие — анализ и синтез определяют через понятие «способ»⁶, по мнению третьих, и анализ, и индукция, например, определяются как «процедура»⁷. Получается, что более четкие и ясные формулировки этих понятий мы находим в энциклопедических изданиях вековой давности. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в статье «Метод» ее автор Э. Радлов утверждает, что нужно четко различать «анализ-синтез» как «приемы мысли», — с одной стороны, и «дедукцию-индукцию» как методы познания, — с другой. Это разные понятия, хотя между ними и существует тесная взаимосвязь. «Методом, — пишет Радлов, — следует называть такое видоизменение аналитического или синтетического мышления, которое специально приноровлено к известному объекту»⁸. Радлов считает, что употребление понятия

¹ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 28–29.

² Там же. С. 27.

³ См.: Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 245–251. (Даются такие определения методов: «Анализ (или метод разложения, исследует частные положения, разлагает данное явление на элементы и в каждом стремится найти связь его с последующим и предыдущим) лежит в основе индукции. Синтез (или метод построения, выходит из положений общих, уже существующих или принятых и к ним подводит все зависящие от них положения и факты) лежит в основе дедукции» — См.: там же. С. 245; См. также: Залесский В.Ф. Лекции истории философии права. Казань, 1902. С. 409).

⁴ Там же. С. 251.

⁵ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 27, 117, 176.

⁶ См.: Словарь философских терминов. М., 2004. С. 12, 507

⁷ См.: Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. I. С. 97; Т. II. С. 118.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. XIX. С. 192.

«метод» за рамками пары «дедукция-индукция» вообще не правомерно. Так, он указывает на «часто встречающееся неправильное употребление слова метод; например, говорят об историческом, догматическом, этнографическом методах, имея в виду то видоизменение индукции и дедукции, которое происходит в зависимости от применения их к истории, к положительному богословию, к правоведению, к этнографии»¹. Правда, в вышедшем позже Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона такой подход несколько смягчается. Здесь уже «метод» определяется как «способ и порядок исследования предмета для получения наиболее полного и соответствующего истине результата»².

Таким образом, можно составить следующую схему (таблицу) соотношения содержания понятий «анализ-синтез» и «дедукция-индукция»:

Универсальные приемы мысли, умозрительные операции с различными элементами, объектами	Познавательные (логические) методы, как структурно и содержательно разработанные (построенные) способы, пути открытия истины
АНАЛИЗ (Расчленение единого целого на части, элементы)	ДЕДУКЦИЯ (От «общего» к «частному»)
СИНТЕЗ (Соединение частей, элементов в единое целое, систему)	ИНДУКЦИЯ (От «частного» к «общему»)

Некоторые авторы рисуют более сложную и многоступенчатую логическую схему научного исследования, которой должен руководствоваться государствовед и в которую анализ и синтез включаются как важнейшие и необходимые ступени познания.

Так, например, по схеме А. Рождественского, «юрист должен с несомненностью установить наличность изучаемого им положительного материала, а также произвести его точное и подробное описание». На второй ступени научного исследования ученый как раз и переходит «к анализу, или разложению изучаемого им материала на его составные элементы, производя такое разложение до тех пор, пока не получатся простые части, не допускающие дальнейшего деления». Производя такой анализ, исследователь должен (и это уже третья ступень) «все добытые им результаты расположить в ряды по сходным признакам, или классифицировать результаты этого анализа». И наконец, далее, уже на четвертой ступени исследования необходи-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. XIX. С. 193.

² Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Репринт. изд. 1907 г.]. М., 1994. Т. 3. С. 555.

мо «произвести синтез исследуемого юридического материала, возведя его к общим понятиям»¹.

В работах Е.В. Васьковского логическая схема построения научной теории (имеется в виду прежде всего правоведение) включает семь ступеней: 1) анализ (разложение на составные части, простые элементы); 2) синтез (соединение нескольких элементов в один сложный факт); 3) абстракция (или отвлечение), (выделение из сложного явления одного или нескольких его элементов); 4) детерминация (прибавление к добытым посредством абстракции элементам новых элементов); 5) дефиниция (наречение полученных понятий словесной формой, т.е. изложение их содержания словами); 6) классификация (соединение тех предметов, которые сходны, и отделение тех, которые несходны); 7) терминология и номенклатура (обозначение установленного и точно определенного понятия термином)².

Имея в виду данные ступени логического познания, Е.В. Васьковский разрабатывает методологическую систему применительно к области гражданского права, но в основе опирающуюся на общие подходы к работе с оригинальными текстами («произведениями человеческого духа»). Поэтому, в определенном смысле, эта система является универсальной по отношению к самым разным текстам. Автор выделяет три фазы реализации этой системы: 1) критика («занимается ... проверкой подлинности юридических норм»); 2) толкование или интерпретация («совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их»); эта фаза делится на два разряда — а) «толкование в тесном смысле, или изъяснение» и б) «логическое развитие» и 3) догматика — «когда толкование разъяснило смысл наличных норм, а логическое развитие извлекло из них ряд других, скрытых норм, в результате получается громадная масса материала, в которой трудно разобраться и которую еще труднее удерживать в памяти. Вследствие этого является необходимость упростить, упорядочить и преобразовать этот материал. Эту задачу и преследует догматика»³.

Признавая основополагающий характер общенаучных методов для научных исследований в области государственоведения, ученые XIX — начала XX века понимали, что для этой области науки нужны свои, особые методы. Так, Ренненкампф, который особо подчеркивает методологическое значение анализа и синтеза, как общенаучных методов для правоведения и государственоведения, тем не менее пишет: «Так как каждая отдельная область предметов, независимо от их

¹ *Рожественский А.* Основы общей теории права. М., 1912. С. 151.

² См.: *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 324–329.

³ См.: Там же. С. 1–15, 18, 26–30, 316.

общих условий, представляет свои особые, специальные черты, то всеобщие научные методы, в приложении к правоведению, должны употреблять специальные приемы и способы, соответствующие природе права»¹.

Второе направление. Разработка системы методов изучения государства и права, общих методов государствоведения.

Ряд авторов (Романович-Славатинский, Владимирский-Буданов, Ранненкампф, Шершеневич, Рождественский, Жилин) формирование данной системы начинают с догматического, или систематического метода. Данный метод призван «сгруппировать и комментировать действующее положительное право, насколько оно прикладно и обязательно в данный момент времени» (А.В. Романович-Славатинский)². Этот метод «исследует и обрабатывает всю совокупность права как систему, для чего систематически соединяет отдельные нормы существующего юридического порядка, на основании внутренней их связи и по логическим законам сходства и различия, господства и подчинения, в одно целое ...» (Н.К. Ренненкампф)³.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, задача, которая ставится перед догматическим методом, «достигается посредством довольно сложного процесса, который состоит в описании, обобщении, классификации норм, а также в составлении юридических определений»⁴.

Другой метод выделяемый указанными выше авторами, называется ими историческим, или генетическим. Этот метод, по характеристике А.В. Романовича-Славатинского, исследует, «как генетически наслаивались действующие нормы положительного права, устанавливаясь и развиваясь постепенно, по мере исторического развития народа»⁵. По мнению Н.К. Ренненкампфа, исторический метод «исследует происхождение, развитие и изменение как отдельных институтов, так и всей совокупности права известного государства в связи с общей историей государства, авторитетом которого

¹ Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 251.

² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 6.

³ Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 255.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 768.

⁵ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 6.

водворялся порядок и утверждалось право»¹. Г.Ф. Шершеневич и А.А. Жилин прямо считали этот метод общесоциологическим, т.к. он направлен на изучение законов, по которым «происходят социальные явления»², на изучение «явлений социальной жизни в их историческом развитии»³. Знание законов социальной жизни при применении исторического метода, по мнению Шершеневича, дает возможность предвидеть, «возможность достигать определенных результатов путем сочетания общественных сил по социальным законам»⁴. Основанное на историческом методе изучения явлений в их эволюционном развитии, добавляет Жилин, дает возможность «не только раскрыть генезис явлений, но также и правильно понять их сущность, значение и смысл в настоящем»⁵.

Оба метода — догматический (систематический) и исторический (генетический) взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Такой вывод, в частности, делает А. Рождественский, который обосновывает его на примере изучения юристами отношений собственности. «... Ведь для того, чтобы изучать историческим путем, например, институт собственности, — пишет Рождественский, — нужно сначала знать, что такое собственность; но, с другой стороны, чтобы безошибочно установить это понятие, весьма полезно проследить, какова была собственность в своем зачатке, как она развивалась и какие пережила изменения прежде, чем дошла до своего завершенного в данный исторический момент состояния. То же самое следует сказать и по поводу других юридических институтов»⁶.

Другим важным методом в правоведении (и государствоведении), получившим свою разработку в работах отечественных ученых XIX — начала XX века является сравнительный метод.

Важный толчок к развитию метода дает полемика по этой проблематике, которая произошла между В.И. Сергеевичем и М.М. Ковалевским в 1879–1880 годы. Формальным поводом для нее стала книга Э. Фримана «Сравнительная политика и единство истории», немецкий оригинал которой увидел свет в 1873 году, а его русский перевод в 1880 году.

Фриман, констатируя, что «установление сравнительного метода изучения было величайшим интеллектуальным успехом нашего

¹ Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 255.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 797.

³ Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 10.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 797.

⁵ Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 10.

⁶ Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912. С. 152.

времени»¹, выделяет ряд областей применения этого метода. В числе этих областей он называет и сравнительную политику, или сравнительное государственное устройство, под которым он понимает «сравнительное изучение государственных учреждений и форм правления»².

Главная цель сравнительного метода в указанной области, по Фриману, это поиск сходных черт. Само же это сходство, по его мнению, можно рассматривать: 1) как результат прямого заимствования или подражания; 2) как следствие одинаковых условий и обстоятельств; 3) как следствие общности происхождения, единого генетического корня³.

Характеристики сравнительного метода, данные Фриманом, стали для Сергеевича основой для формирования концепции сравнительного изучения истории как особого и нового направления междисциплинарных гуманитарных исследований в России.

Сравнительный метод, в понимании Сергеевича, создает основу для научного анализа и интерпретации социальной действительности, поскольку позволяет установить повторяющиеся, закономерные связи между явлениями и фактами истории. «Ничто так не приводит к убеждению в существовании общих законов развития человеческих обществ, — пишет Сергеевич, — как наблюдение сходных явлений у народов, которые развивались без малейшего влияния друг на друга»⁴. Сергеевич также указывает и на существование ограничительных свойств сравнительного метода, которые связаны с тем, что он не открывает новые факты, а только проясняет, «проливает новый свет» на уже открытые, известные⁵.

М.М. Ковалевский предлагает свою трактовку сравнительного метода, в которой прослеживается определенное развитие взглядов Фримана и Сергеевича, рассматриваемых им как единомышленников. Ковалевский вводит понятие «историко-сравнительный метод»⁶,

¹ *Фриман Эд.* Сравнительная политика и единство истории. СПб., 1880. С. 1.

² Там же. С. 13.

³ См.: там же. С. 16, 21–22.

⁴ *Сергеевич В.И.* Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т. VII. СПб., 1879. С. 47. Сравнительный метод всегда подробно рассматривался в методологическом разделе курсов государственного права. Авторы этих курсов давали разные, но в целом очень схожие определения этого метода. Наиболее общее и типичное: «Сравнительный метод состоит в параллельном исследовании явлений в разные эпохи и у разных народов путем сопоставления их» — см.: *Жилин А.А.* Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 11.

⁵ См.: там же. С. 49.

⁶ См.: *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 9. Более поздний, дополненный вариант концепции ученого см.: *Ковалевский М.М.* Сравнительно-историче-

который он отличает от сравнительного (или сопоставительного) метода Фримана и Сергеевича.

Ковалевский обращает внимание на эволюцию политико-государственных институтов и отношений в исторических рамках развития одного народа. Он считает, что такое изучение может дать всемирно-исторический масштаб для исследования, т.к., по его мнению, в истории каждого народа существует «этнографическое смешение с другими», что и приводит к смешению различных (в том числе и политико-государственных) традиций, форм жизни и т.д.¹ По мнению Ковалевского, применение сравнительного метода к такому материалу наряду с ответами на вопросы — как и почему одна ступень развития сменяет другую (закон социальной эволюции) — имеет еще и эвристическую функцию, т.к. может показать исторический ход, процесс развития права. «Историко-сравнительный метод, — пишет Ковалевский, — является не только средством к построению совершенно новой науки — истории естественного роста человеческих обществ, но и необходимым приемом изучения истории права того или другого народа»².

Ковалевский выделяет два типа методологии: 1) использовать только известные факты для их объяснения, интерпретации; 2) пользоваться известными фактами для получения новых. Второй тип методологии позволял исследователям выходить за рамки только эвристических выводов и создавать эвристические модели развития политико-социальных и правовых форм. Тем самым, М.М. Ковалевский открывал путь для нового направления компаративистских государствоведческих исследований, мощное развитие которых мы наблюдаем уже в XX веке.

Некоторые авторы видели у сравнительного метода и еще одну его важную задачу. По мнению А.В. Романовича-Славатинского, в центре внимания этого метода всегда должны находиться «индивидуальные особенности отечественного государственного строя, ти-

ское правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1 / Под ред. Ю.С. Гамбарова. СПб., 1899. А.А. Жилин трактует историко-сравнительный метод как соединение исторического и сравнительного методов: «Исторический и сравнительные методы часто применяются в связи друг с другом. Поэтому говорят также об историко-сравнительной методе...» — См.: Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 11.

¹ См.: Там же. С. 14.

² Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 22. В.В. Ивановский историко-сравнительный метод называет «позитивной индукцией», подчеркивая тем самым, что этот метод опирается, прежде всего, на эмпирический (историко-фактологический) материал, тогда как другие методы используют индукцию как чистую логику — См.: Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1908. С. 70.

пически отличного от западно-европейского...»¹. «Не отвлеченный космополитизм, но живой национальный характер политического мировоззрения, — подчеркивает далее этот автор, — должен быть результатом этого изучения»².

Примечательно, что ряд исследователей того времени большое значение придавали тому, что сравнительный метод создает условия для более широкого использования в научных исследованиях индукции³. В этом отразилась одна важная национальная черта нашего интеллектуального развития. Индуктивный метод (вывод общих положений из частных) был особо характерен и более понятен для российского научного и художественного мышления XIX века; в гораздо большей степени, чем для западноевропейского.

Ф.В. Тарановский, хорошо знавший западную правовую науку того времени, сделал такое интересное заключение: «В нашем отечестве ... нет специальных и постоянных кафедр по сравнительному правоведению, но зато все юридические дисциплины, как исторические, так и догматические, преподаются в наших университетах сравнительно. Такой способ преподавания утвердился у нас еще в шестидесятые годы»⁴.

Следующим методом, который включается в систему методологии государственствования, является критический метод. Его государственствоведы второй половины XIX — начала XX века относили к области политики.

«Критический метод, или политика права, — пишет Шершеневич, — предполагает три последовательных момента: 1) сознание удовлетворенности действующего правопорядка, в целом и в частях; 2) постановка идеала как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желаемому»⁵. По определению Жилина, суть критического метода состоит «в оценке тех или иных явлений с точки зрения определенного идеала и отыскание средств для устранения дефектов настоящего и приближения к идеалу в будущем»⁶. Жилин в качестве синонима термину «критический метод» употребляет понятие «политический метод»⁷.

¹ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 9.

² Там же.

³ См.: Залесский В.Ф. Лекции истории философии права. Казань, 1902. С. 397; Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1908. С. 70–73.

⁴ Тарановский Ф.В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. Варшава, 1912. С. 25.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 800.

⁶ Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 12.

⁷ См.: там же. С. 13.

В числе других методов государственного учения ученые того времени именно разработку критического метода признавали особенно злободневной задачей, поскольку считали его в определенном смысле важнейшей и наиболее высокой степенью познания правовой и политической жизни общества. Шершеневич, например, пользуется такой иерархией методов правоведения: «Задача установления норм права обслуживается догматическим методом, задаче объяснения служат методы исторический и социологический, наконец, оценка норм достигается при помощи критического метода»¹. Шершеневич считает, что в разработке критического метода вообще отдана главная общественная роль и предназначение юридической науки в современном ему обществе. Всякая наука вслед за обществом призвана постоянно обновляться. «И не в догматике, — пишет автор, — должно происходить это обновление, не заменой догматики социологическими исследованиями, не путем разных приемов свободного толкования, а именно в критике существующего, в политике должностующего»².

В.М. Гессен, так же, как и А.А. Жилин, критическую составляющую методологии называет политическим методом³. Он говорит о необходимости «политической разработки вопросов государственного права, предполагающей свободную и всестороннюю оценку его институтов с точки зрения их соответствия коренным принципам современного правосознания»⁴. Но в отличие от Шершеневича, Гессен считает, что «для такой разработки еще не приспело время»⁵.

В итоге, суммируя различные подходы в трудах отечественных ученых XIX — начала XX века, получаем следующую систему (иерархию) общих методов государственного учения⁶:

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 765.

² Там же. С. 805.

³ Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 42.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же.

⁶ У некоторых авторов в систему методов государственного учения, кроме выделенных выше четырех основных, включались и другие. А.В. Романович-Славатинский и Жилин, например, называют еще философский метод, в функцию которого входит сличение норм действующего права с началами общими, философскими — См.: Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. КиевСПб., 1886. С. 6. Н.К. Ренненкампф выделяет в своей системе экзегетический метод, который состоит в истолковании текстов источников права; он исследует смысл юридического положения на основании словесного его выражения, независимо от его догматической связи и исторического образования» — См.: Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 254.

Система (иерархия) общих методов государственного управления
(конец XIX — начало XX века)

В литературе конца XIX — начала XX века можно встретить любопытную трактовку исторической обусловленности различных методов государственного управления. Так, один из крупных историков русского права — М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что в истории российской юриспруденции методы являются еще и исторически сменяющимися друг друга господствующими в обществе формами правосознания. До XVIII века, по его мнению, «господствовал догматический метод изучения преимущественно римского права». В XVIII веке начинается усиленная разработка и обоснование «естественного права», что приводит уже к преобладанию философского изучения права. Такое изучение проводилось тогда под сильным влиянием германской исторической школы права. Но позднее, уже в XIX веке, вследствие стремления преодолеть крайности исторического подхода, которые заключались в возврате в современную жизнь форм права, уже прожитых в другие исторические эпохи, «возникает необходимость историко-сравнительной методики в изучении права»¹. Не трудно заметить, что в эту схему хорошо вписывается появление в конце XIX века критического метода, как отражения нарастающей неудовлетворенности широких слоев общества существующими политико-государственными порядками в России.

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права [1886]. Ростов-на-Дону. 1995. С. 31–32.

3.3.

Специальные методы и методические приемы в истории философии права

На всем протяжении процесса разработки общей методологии государственоведения в ее недрах и на ее основе происходило осмысление методологических подходов, относящихся к истории философии права (истории политических учений), развивающейся как отдельная и самостоятельная научная и образовательная дисциплина. Важнейший вклад в эти исследования внесли работы П.Г. Редкина.

В лекциях по истории философии права, прочитанных им в Петербургском университете в 1863–1878 годах высказываются глубокие и оригинальные методологические идеи. В своем окончательном виде они увидели свет в первом томе многотомного издания «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» в 1889 году. В качестве отправного тезиса Редкин развивает идею Стоянова об органической связи метода и предмета науки применительно к истории философии права. П.Г. Редкин считает эту связь принципиально важной для правильного и глубокого понимания природы и содержания историко-политологического знания.

Ученый определял метод (или как он писал — методу) как «такой способ изложения, который соответствует внутреннему содержанию, материи науки и которым этому содержанию придается соответствующая форма, внешний вид, образ»¹. По Редкину, метод — это не внешне привнесенная процедура, а то, что определяется конкретным содержанием конкретного научного знания. Это, уточняет ученый, «способ изложения науки, соответствующий ... ее предмету и содержанию»².

Далее Редкин выдвигает идею о том, что наиболее органичным и плодотворным методом исследования истории философии права (истории политических учений) является историко-генетический метод. «Метода, вполне соответствующая предмету и содержанию нашей науки, — пишет Редкин, — определяется следующим образом:

¹ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 236.

² Там же.

ею должно быть представлено историко-генетическое развитие философии права, как науки. Это значит, что история философии права должна представить генезис, происхождение, становление и постепенное образование философии права, как науки. Поэтому изложение истории этой науки не должно быть просто только хронологическим, т.е. обращающим внимание только на время появления одной философской системы за другую, а не на генетическую связь между всеми системами, на происхождение последующей системы из предыдущей, или на развитие предыдущей системы последующею»¹.

Исследователь истории политических идей, по мнению Редкина, не может также удовлетвориться выявлением генезиса их развития, т.к. «при чисто-генетической методе обращается внимание только на самое это развитие, а не последовательность времени, в которое оно совершается»². Тем самым, по заключению Редкина, в исследовании истории политических идей необходимо органично связать генезис (сами изменения) предмета и содержание научной дисциплины с историческим временем, в котором ее предмет и содержание имели реальное развитие. Иными словами, история политических учений (история философии права) — это определенное изменение конкретных политических идей в актуализированном историческом контексте.

Выдвигая идею историко-генетического метода, Редкин подчеркивает, что его приверженцы — большей частью преподаватели истории философии в германских университетах, ибо они ставят главной задачей для истории философии показать, как философия постепенно развивается во времени, проявляясь в разных философских системах, находящихся во внутренней связи между собой, вследствие чего каждая последующая философская система, с одной стороны, восполняет пробелы, недостатки предыдущей, а с другой стороны, своими собственными проблемами и недостатками вызывает новую, следующую за ней философскую систему³.

Вместе с тем Редкин далек от мысли о том, что историко-генетический метод уже занял господствующее положение в научной и преподавательской сферах. Не случайно, он уделяет особое внимание критическому разбору ряда методов, с его точки зрения устаревших, но еще проявляющих себя в исследованиях.

В числе таких методов он выделяет следующие:

1. Лексикографический, т.е. изложение в алфавитном порядке предметов философского учения или самих философов.

¹ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 279.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 238.

2. Хронологический, следующий только порядку времени появления одной за другою различных философских систем¹.

3. Субъективный метод, состоящий в том, что исследователь вносит в историю философии только те философские учения, которые подходят под личное представление и понятие о философии, а прочие произвольно отбрасывает.

4. Объективный, способ, при котором излагатель вносит только такие философские системы, какие имеют притязание на целостное мировоззрение.

5. Диалектический, или тот способ, по которому излагатель развивает философские системы, как ступени диалектического развития абсолютной идеи или самосознания самого абсолюта².

Историко-генетический метод, по мнению Редкина, преодолевает все недостатки приведенных выше методов, включая в себя их рациональные зерна³.

¹ Не трудно заметить, что на основе именно такого хронологического метода (в 1889 году, признанного П.Г. Редкиным непригодным для истории философии права) написано большинство наших современных учебников по истории правовых и политических учений.

² См.: *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 238.

³ Формулировка Редкина сути историко-генетического метода, приведенные выше, относятся к 1889 году. Необходимо отметить, что к этим формулировкам ученый шел достаточно длительный путь творческой эволюции. Так, в рукописном издании «Истории философии права» (1866), которое является конспектом его лекций, составленным его слушателями, мы находим большой критический обзор существовавших «способов изложения» философии (См.: *Редкин П.Г.* История философии права. СПб., 1866. С. 35–75). В нем он говорит о разработке «исторического метода» как некоего симбиоза субъективного и объективного способов изложения философских идей (См.: Там же. С. 65). «Исторический метод, — по словам Редкина, — признавая историческое развитие в целом, принимает и ступени этого развития, но только не в смысле моментов. Вот почему исторический метод изложения есть тот, который основан на форме науки, соответствующей содержанию. Вот почему этот способ есть истинно методический» (Там же. С. 75). В другом, более позднем (рукописном) издании книги Редкина «Энциклопедия юридических и политических наук» (1873) имеется достаточно обширный раздел «Методы изложения нашей науки» (См.: *Редкин П.Г.* Энциклопедия юридических и политических наук. СПб., 1873. С. 48–76). Здесь Редкин, говоря о наиболее важном методе, вводит термин «генетический». «Этот метод, — пишет он, — состоит в развитии содержания нашей науки ..., т.е. того, как оно само развивается поступательно в самой действительности, в самой реальности ...» (Там же. С. 67). В 80-е годы у Редкина уже происходит слияние двух составляющих — исторического и генетического — в единый историко-генетический метод. Необходимо отметить, что во второй половине 60-х годов XIX века другим выдающимся российским государствоведом — Б.Н. Чичериным был написан (и издан в 1869 году.) 1-й том «Истории

На основе теоретико-методологических разработок отечественных ученых в государствоведении в целом, и в истории философии права (истории политических учений) в частности, получил развитие ряд подходов, которые уже можно отнести к области методики анализа и интерпретации историко-политологического материала.

Так, в 1880 году А.С. Алексеев в работе «Задача и метода истории политических теорий», наряду с анализом вопроса о предмете (задаче) истории политических учений, разрабатывает ряд методических приемов анализа и интерпретации оригинальных политологических текстов.

Всего он выделяет пять таких приемов.

Первый. Адаптация текста к современному языку. «Излагая воззрения изучаемого им писателя, — пишет Алексеев, — исследователь не может ограничиться передачей этих воззрений своими словами, как то делает большинство современных критиков. Он должен перевести, так сказать, язык писателя на современный язык, истолковать его воззрения и сделать их доступными современному обществу»¹.

Второй. Рассмотрение текстов как целостной системы взглядов. Исследователь системы взглядов определенного автора, по мысли Алексеева, должен «по возможности рельефно обрисовать его основную мысль и раскрыть ту нить, которая объединяет его воззрения в одно логическое и систематическое целое»².

Третье. Понимание взаимосвязи двух сторон интеллектуального процесса: самой идеи, теории, с одной стороны, и реальных условий жизни, с другой. Важно, — пишет Алексеев, — при интерпретации текстов «понять ту связь, которая существует между ... теорией и политическим бытом данной эпохи; необходимо также показать, как и почему этот строй, и эти идеи отразились на его учении, необходимо выяснить себе, какую именно стороной современный ему политический быт повлиял на направление его размышлений ...»³.

Четвертое. Знание и понимание личности автора текста. Знание текста невозможно без знания личности автора. «Необходимо, — пишет Алексеев, имея в виду автора текста, — изучить его личный характер, его частную жизнь, его общественную и литературную де-

политических учений», во Введении которого и в содержании самого тома автор, прямо не говоря о своих методологических пристрастиях, тем не менее развивает четкую методологическую схему исторического развития политических учений, основанную на гегельянской спирали мировой истории.

¹ Алексеев А.С. Задача и метода истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 478.

² Там же.

³ Там же. С. 478–479.

ятельность, ту ближайшую обстановку, среди которой он вращался, одним словом, необходимо изучить его биографию; ... вдохновение, личные симпатии автора, его религиозные и политические убеждения, ... [которые] влияют самым решительным образом на его научные выводы»¹.

По Алексееву, изучение отдельных политических теорий по предложенной им четырехзвенной методике — это только первая ступень изучения истории политических учений. Следующая и более высокая ступень исследовательского процесса — выявление преемственной связи между отдельными политическими теориями, которая лежит в основе динамики историко-политологического процесса. Этот вопрос, конечно, относится уже не к вопросам методических приемов, а к теоретико-методологической области.

В понимании динамики историко-политологического процесса Алексеев расходится с подходами в этой области многих отечественных ученых того времени, в частности Редкина. Эта полемика была не открытая, но явная. «Смена философских систем, — пишет Алексеев, — не обуславливает собой смены политических теорий и нельзя поэтому группировать последние по философским учениям»². Алексеев выдвигает другое основание детерминации историко-политологического процесса. Он пишет: «Политические теории вызываются политическими требованиями, которые в свою очередь стоят в связи с государственным бытом данной эпохи. Периоды в истории политической мысли совпадают поэтому с периодами государственных учреждений»³.

В 1911 году был опубликован русский перевод книги Гюстава Лансона «Метод в истории литературы». В ней была предложена более развернутая, чем у Алексеева, система методов изучения оригинальных текстов⁴. Она нацеливалась на литературные произведения конкретных авторов, но понимание литературы представлялось расширительным и распространялось на любые творческие тексты, в том числе и политологической проблематики.

Система Лансона состоит из 9 операций (или приемов), которые должен использовать исследователь для досконального изучения и понимания текста.

Что же, по Лансону, означает «знать текст»? Это подразумевает следующие ступени познавательного процесса.

¹ Там же. С. 479, 481.

² Там же. С. 484.

³ Там же. С. 484.

⁴ Свою методику Лансон относит прежде всего к литературному процессу, но ее содержание свидетельствует о том, что он имеет более универсальные приложения, относящиеся в том числе и к историко-политологическим исследованиям.

1. Установить подлинность текста в смысле правильности его отнесения к определенному автору.
2. Удостовериться в том, что первоначальный текст не искажен позднейшими приписками и исправлениями.
3. Установить дату написания и опубликования текста, а по возможности и то, и другое относительно его частей.
4. Понять, изменялся ли текст самим автором (в том числе, по мере выхода различных его изданий).
5. Восстановить процесс (этапы) создания текста (черновики, наброски, варианты и т.д.).
6. Расшифровать языковые, грамматические и другие специфические тонкости, особенности текста.
7. Установить различие (сходство) между индивидуальным языком автора текста и обычным языком его современников, сравнивая эмоционально-психологический строй личности и эмоционально-психологический строй данной эпохи.
8. Изучить биографию автора, обстоятельства его жизни, особенно в период создания текста.
9. Определить успех и влияние текста на эпоху (имея в виду, что влияние не всегда совпадает с успехом)¹.

Методологические схемы Алексева и Лансона относились уже к третьей разновидности понимания методологии (методология как совокупность методических приемов) и тем самым замыкали большой исторический этап продуктивного развития вопросов методологии в отечественной и мировой гуманитарной науке на протяжении XIX — начала XX века, создавая многообещающие предпосылки для развития данной проблематики в будущем.

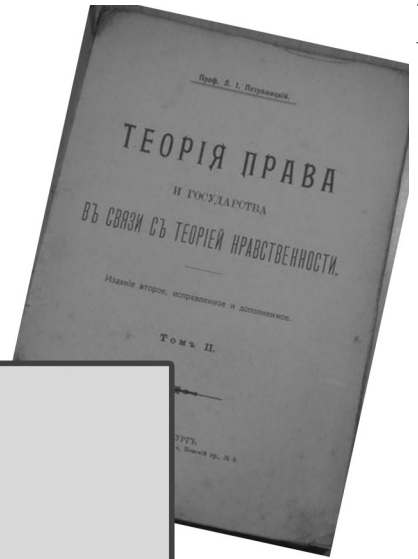
¹ См.: Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911. С. 24–26.

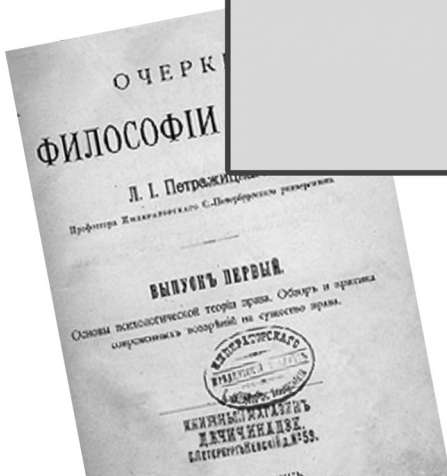
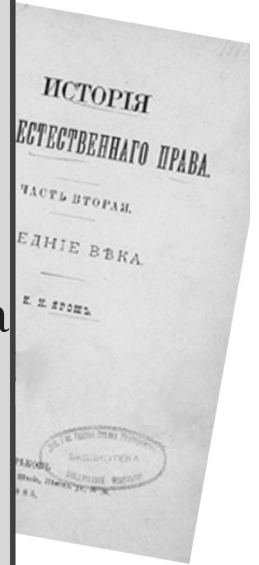

ИДЕЯ ПРАВА ВЪ ФИЛОСОФИИ
ВЪ С. СОЛОВЬЕВА.

Съ переводомъ на французскій языкъ Николая
Матвѣевича де-Вилье. В. С. Соловьевъ для печати
въ 1902 г.

Заключение
История
философии права
как интегративная наука

При всем разнообразии трактовок предмета истории философии права (истории политических учений), которые мы находим у российских ученых второй половины XIX — начала XX века, в них просматривается одна общая и принципиально важная мысль — эта дисциплина относится к интегративному знанию¹.

Такой вывод подтверждается приведенными выше формулировками предмета истории философии права (истории политических учений). И хотя в них указанная дисциплина разными авторами включается в состав разных наук, все авторы говорят о невозможности и ограниченности раскрытия и объяснения предмета данной дисциплины только задачами (предметом) этих наук.

Б.Н. Чичерин, например, рассматривая историю политических учений как составную часть гегелевской восходящей спирали движения всемирного исторического разума, указывает при этом, что в данном случае мы имеем дело с исторической эволюцией не только политических идей и концепций, но и с находящим в них отражением «общего закона развития вещей». Эта теоретическая посылка приводила Чичерина к заключению о том, что «... история политических учений занимает середину между ... философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений»².

П.Г. Редкин, относя историю философии права к юридической науке, тем не менее указывает, что эта дисциплина «не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая»³. В других местах

¹ Автор настоящей работы считает этот термин предпочтительно адекватным, чем наиболее модный и распространенный — «междисциплинарное знание», который подразумевает разработку научных проблем «на стыках наук», «в пограничных областях наук» и т.п., объединяя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют их в единый научный проект. Определение понятия «интегративное знание» («интегративная наука») будет дано ниже.

² Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

³ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889. С. 199.

Редкин обращает внимание на то, что история философия права является также и философской, и исторической наукой¹.

Авторы, считающие историю философии права (историю политических учений) составной частью этической философии (напр., Е.В. Спекторский), вместе с тем, ставили перед ней более обширные и многоплановые задачи, чем это традиционно делается по отношению к философии².

Анализ предмета истории философии права показывает, что задачи этой дисциплины выходят далеко за рамки сущего, анализа существующих явлений общественной, политико-государственной жизни, они включают в себя и проблему должного³, задачу построения идеальных моделей этой жизни.

Итак, предмет истории философии права включает в себя соотношение, взаимосвязь сущего и должного. Но если рефлексия по поводу сущего возможна в рамках, в аспектах отдельных наук (право, политология, история), то рефлексия по поводу должного возможна только как соединение, синтез этих наук, а также и философии, т.е. как интегративное исследование.

Здесь нужно вспомнить емкую формулировку предмета истории философии права, которую дал Г.Ф. Шершеневич: «История философии права имеет своей задачей изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале»⁴. Шершеневич не случайно включает в свое строгое и лако-

¹ См.: Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889. С. 202.

² Как известно, противостояние в позициях по поводу отнесения политико-правовых учений или к юридической, или к философской наукам складывается еще в конце XVIII — XIX в. (Гуго Гроций — Гегель).

³ Следует отметить, что акцент на философские представления о лучшем (идеальном) политико-правовом порядке, как основе предмета истории философии права, делали многие государствоведы XIX — начала XX века. Приведем только три формулировки, по времени разнесенные более, чем на 20 лет. 1) «История философии права есть исследование причин возникновения тех разнообразных этических теорий, которые послужили основанием современных учений о праве и государстве» — Бершадский С.А. Очерки истории философии права. Вып. 1. СПб., 1892. С. 3; 2) «История философии права является изложением некоторых основных идеалов общественной жизни, в их последовательной смене и внутреннем развитии» — Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. I. М., 1914; 3) При изучении истории философии права «мы находимся в лаборатории, в которой человечество выработало идеалы должного и лучшего, которым оно руководится в своем прогрессировании» — Ярош К.Н. Курс истории философии права. Харьков, 1907.

⁴ Шершеневич Г.Ф. История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 20. Здесь уместно отметить, что П.И. Новгородцев свои очерки истории философии

ничное определение такое достаточно широкое и размытое понятие «правовой порядок». Это понятие является симбиозом правового и политического, поскольку любой «правовой порядок» (особенно в начале XX века) возможен, прежде всего, в национально-государственных рамках, где правовая и политическая системы определяют и дополняют друг друга.

Теперь понятно, почему философско-правовая история по сути тождественна истории политических учений¹. Важнейшим объектом для данных дисциплин являлась не политика (институты, структурные элементы, учреждения и процедуры), а политическое (природа государственной жизни, связей, отношений в государстве, т.е. в том понимании, которое было впервые сформулировано Карлом Шмиттом в 1927 году в первом варианте его знаменитой статьи «Понятие политического»)².

Здесь также уместно акцентировать внимание на ключевой термин «политическое учение», которое ввел в научный оборот Б.Н. Чичерин. По его мысли, оно является учением о государстве, отличается от «политической идеи» или от «политической теории»³ тем, что в

права назвал «Политические идеалы древнего и нового мира» (1910–1914). Другие авторы в формулировку предмета истории философии права в качестве ключевого вместо понятия «идеал» включали другие философские понятия.

1) История философия права «имеет в виду проследить из века в век философские усилия человеческого ума проникнуть в сущность «правды и справедливости», определить критерий права» — *Ярош К.Н.* История естественного права. Ч. 1. «Естественное право» у греков и римлян. СПб., 1881. С. 1; 2) «История философии права как история меняющихся оценок правовой идеи» — *Кузнецов К.А.* История философии права. Античная Греция. I. От Гомера до Сократа. Одесса, 1917. [В сноске слова в названиях выделены автором — М.Е.]

¹ Современные юристы не стали вдаваться в эти диалектические сложности и назвали исторический курс очень просто — «История политических и правовых учений».

² Концепция К. Шмитта имеет много сторонников и в современной науке. «Самое главное, — по мнению современного британского ученого Ш. Муффа, — это различие между «политикой» и «политическим»... Существование данной дистинкции [различия — М.Е.] предполагает признание двух разных подходов: политологического, чей объект есть сфера «политики», и политико-теоретического, являющегося полем философского исследования; последний занимается не фактами «политики», но сущностью «политического» — *Муфф Ш.* Политика и политическое [2006] // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. М., 2008. С. 88.

³ Некоторые современные авторы также разделяют политические учения (историю политических учений) и политическую мысль (историю политической мысли). Первое объединяет теоретически оформленные взгляды, тогда как второе охватывает существенно более широкий круг политических воззрений, суждений и т.д. См., например: *Чанышев А.А.* История политических учений. Классическая западная традиция (античность — первая четверть XIX в.). М., 2001. С. 3–4 (сноска).

реальной истории политических учений всегда соединяются два уровня или идейных пласта — 1) учение о существующем государстве с его симбиозом правовых и политических аспектов и функций; 2) критика этого существующего государственного порядка с позиций определенного идеала и конструирование порядка лучшего, идеального¹.

П.И. Новгородцев давал свою, достаточно оригинальную, модель сущего и должного в рамках истории философии права. Политика, которую Новгородцев именуется «макиавеллизмом» есть «область ежедневных тревог и забот, иногда борьбы и интриг, столкновение интересов и страстей»². Этому направлению мысли и действий противостоит философия (или утопия), которая стремится к изучению идеалов. Для нее важна «возвышенная жизнь духа», она ищет образцы «неведомого совершенства и завидного счастья». Оппоненты в связи с этим называют такие философские мечтания «утопией»³. Но «если, — пишет далее Новгородцев, — макиавеллизм мы охарактеризовали, как философию на службе у политики, то утопизм мы можем обозначить как политику, совершенно подчиненную философии и воспринявшую от нее дух бесконечных стремлений. Между этими двумя крайними типами лежит целый ряд промежуточных звеньев, и они-то составляют преимущественное содержание истории философии права»⁴.

В этой связи становится очевидным упрощенный характер современных подходов в определении предмета истории политических учений, в соответствии с которыми происходит прямое перенесение предмета этой науки (политологии) на предмет истории политических учений⁵. В результате такого «перенесения» история полити-

¹ Кстати, русское слово «учение» во многих языках переводится как «доктрина» — the doctrine (англ.), la doctrine (франц. и испан.), но доктрина (от латинского глагола *docere* — обучать) — это не беспристрастное теоретизирование, а теория, указывающая путь к лучшему, более совершенному, она содержит ориентиры и программу не только понимания, но и действий. На этот смысловой оттенок слова «доктрина» указывает, например, такое словосочетание как «военная доктрина». Любопытно, что в древнегреческой философии слово «метод» означало «путь знания», «учение», т.е. «учение» и «метод» воспринимались как синонимы и рассматривались как нечто, указывающее направление, ориентиры познания. — См.: *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. М., 1979. С. 205.

² *Новгородцев П.И.* Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. I. М., 1914. С. 2.

³ См.: Там же. С. 2–3.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ В вопросе соотношения предметов политологии и истории политических учений нужно иметь в виду, что в мировой науке существует несколько вариантов определения предмета политической науки. Известные зару-

ческих учений становится «ретроспективной политологией», или совокупностью политических идей и теорий, взятых в их исторической эволюции.

Как показано выше, в трудах отечественных государствоведов XIX — начала XX века содержится существенно иное представление о предмете истории политических учений (истории философии права). В этом представлении мы находим синтез, по меньшей мере, четырех уровней анализа.

Во-первых, это выявление и изучение развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки).

Во-вторых, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории).

В-третьих, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки).

И наконец, в-четвертых, это оценка и прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии).

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

Как было показано выше, для всех наук, изучающих государство, проблема власти является центральной. Но если юридические науки акцентируют свое внимание на нормативно-институциональных аспектах функционирования власти, исторические науки (и прежде всего — политическая история) — на проблеме генезиса власти и ее институтов, как правило, в рамках определенных государственных систем, то политические науки сосредотачиваются на анализе природы власти, властных отношений, выявляют механизмы, закономерности и тенденции их развития.

В истории гуманитарной мысли эти три составляющие власти переплетены друг с другом. Поэтому история философии права (или ее более общепринятое название — история политических учений или история политических и правовых учений) — это наука интегратив-

бежные систематизаторы гуманитарного знания — Р. Пэнто и М. Гравитц считают, что следует выделять три таких варианта. Для одних предметом политической науки является государство, для других — власть, для третьих — политические отношения. — См.: *Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук.* М., 1972. С. 186–187.

ная. То есть, не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная. Понятие «политическая» в ее названии употребляется только в связи с тем, что именно «политическое» дает этой науке объектную идентичность, так как ее исследовательский поиск направлен на такие политические феномены, как государство, власть, политические отношения.

В условиях процесса дифференциации научного знания, который наиболее активно проходил в гуманитарной науке в XIX — начале XX века, история философии права оставалась одной из немногих интегративных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяет то, что не только по названию, а главное по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала представляет собой синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки, как социология, психология, культурология, литературоведение.

Функция синтеза имплицитно заложена вообще в любой научной истории идей. Причем, в этой области научных исследований синтез охватывает не только идеи, концепции, но связывает идеи и реальную историю (контексты). Не случайно, в XX веке сформировалась и в настоящее время активно развивается — как у нас, так и за рубежом — самостоятельная научная дисциплина под названием «интеллектуальная история». Для этой дисциплины, по мнению Л.П. Репиной, «принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи возникают, распространяются и трансформируются»¹. Именно эта взаимосвязь эволюционирующих идей и постоянно развивающегося социального контекста (как основа интеллектуальной истории) и создает новую методологическую базу для исследований социально-политической динамики, как в глобальном, так и в национальном масштабах. В этой модели динамики уже нельзя изучать отдельно идеи и отдельно факты, события, но можно исследовать их синтез, взаимодействие.

Характеризуя предметную область философии права, Шершеневич привел такую метафору: «Философия права ... это как бы мост, перекинутый от философии к правоведению»². Думается, что эту

¹ *Репина Л.П.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 16.

² *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. Т. I. Часть теоретическая. Общая теория права. М., 1911. С. 26. «Такой постановкою, — считал Шершеневич, — устраняется спорный вопрос, следует ли философию права признавать юридической наукою или философскою» — Там же (сноска).

метафору можно употребить и применительно к истории философии права (истории политических учений). Только здесь мост соединяет не два берега, а несколько. В частности, нельзя забывать о самой исторической науке, с которой и начинается название искомой дисциплины¹.

Более 100 лет назад отечественные государственоведы спроектировали и начали строить этот «мост», но закончить это строительство им тогда, к сожалению, не удалось. Да и по сей день концептуальная интерпретация истории политико-правовых учений, как интегративного научного знания, то есть создание теории этой научной дисциплины (теории истории философии права/истории политических учений²) остается актуальной, но еще нереализованной научной проблемой.

В последние десятилетия мы стали свидетелями масштабной интеграции ученых из различных областей научного знания для разработки моделей минимизации и ликвидации возрастающих глобальных угроз существованию человечества. Вместе с тем, сохраняется устойчивая тенденция дифференциации наук (или сохранения неизблемости дифференцированного научного знания). Происходит это вопреки тому, что, по меньшей мере, уже полвека (а может быть, и больше) объективные потребности человеческого существования (экономики, окружающей среды, сохранения и воспроизводства человеческой жизни) и самой науки требуют не создания (отпочкова-

¹ В последние 10–15 лет история мысли сформировалась как самостоятельная отрасль исторической науки («интеллектуальная история»). См., напр.: *Репина Л.П.* Интеллектуальная история на рубеже XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22.

² Достаточно серьезную попытку объяснить и обосновать историю философии как отдельную науку предпринял З.А. Каменский. Он выделял, в частности, две главные разновидности истории философии — 1) рефлексия об историко-философском процессе, которая, по сути, является учением о его закономерностях; и 2) историография как учение о целях, формах и методах историко-философского исследования. — См.: *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 250–253, 309–331. Концепция Каменского, к сожалению, не получила своего развития и вообще мало известна (упомянутая книга Каменского, умершего в 1999 году, вышла тиражом 200 экз., другая же книга этого автора, не менее значимая для нашей темы — «Методология историко-философского исследования», М., 2002 — была отпечатана вообще тиражом 100 экз.). Но думается, что целый ряд его концептуальных положений могли бы стать основой для создания теории историко-философского процесса, в том числе и применительно к развитию истории философии права.

ния) новых обособленных областей знания, а интеграции научного знания. Может быть, даже речь идет о создании новой единой интегративной науки, которая смогла бы охватить и концептуально объяснить единство природы, общества и человека, объяснить сущность этого единства, механизмы и тенденции его развития¹.

Задача интегрального исследования стоит отдельно и перед гуманитарными науками. Для этого существуют предпосылки в самом внутреннем развитии этих наук, так как процесс их реальной объект-предметной (а не институциональной) дифференциации не стоит преувеличивать. Еще в середине 90-х годов прошлого века один из крупнейших современных политологов и социологов, И. Валлерстайн отмечал «...размытость границ между отдельными дисциплинами социальных наук». «Традиционные категории экономики, политологии, истории, социологии и антропологии, — писал он, — во многих отношениях потеряли свои различительные черты как предметные области, как области методологии, как конкурирующие эпистемологии»². Но вопреки этому объективному процессу, гуманитарные (и не только гуманитарные науки) институционально эволюционируют прямо в противоположном направлении.

Доктор политических наук И.М. Бусыгина, например, считает, что этот процесс зашел достаточно далеко, и некоторые науки рискуют «превратиться в «закрытый цех», куда не допускают «непосвященных»». В Россию эта болезнь, по мнению указанного автора, пришла с Запада, что, в частности, подтверждается словами известного западного ученого Р. Дарендорфа, который уже давно указывает на существование таких «закрытых цехов» в науке, становящихся «удобным обиталищем для тех, кто в них входит». Там, по мнению Дарендорфа, «посвященные играют в свои маленькие игры ... Биофизики обращаются к биофизикам, политологи – к политологам ...»³.

¹ В научных кругах давно уже считается модным и прогрессивным так называемая междисциплинарность, когда разрабатываются проблемы «на стыках наук», «в пограничных областях наук», объединяя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют это в единый научный проект. Сейчас стоит другая, гораздо более сложная задача. Задача не сложения разных наук (теорий), а задача создания новой, другой (интегративной) науки (теории).

² Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 128.

³ См.: Бусыгина И.М. Судьба географических знаний в политической науке и образовании // Политические исследования (ПОЛИС). 2003. № 1. С. 153.

В отечественной интеллектуальной традиции существует и другая предпосылка для перехода к интегративным теориям. Эту традицию или специфическую особенность Н. Бердяев называл «тотальностью» русского мышления и русского менталитета. Русскому интеллекту, по его убеждению, всегда было свойственно понимание предмета, явления, процесса во всей его целостности, в неразрывности его составных частей. Эта «тотальность» идет не от «архаики» русского общества (как это иногда упрощенно трактуют), а от оригинальности национального интеллектуального и общественного развития, от уникальной связи русской духовности с фундаментальными основами природного и общественного бытия.

Сейчас важно определить объект-предметные области гуманитарных наук, где становление интегральных теорий является особенно органичным и актуальным.

Одна из таких областей, по нашему убеждению, лежит в пересечении политики, права и морали. Историческая дифференциация гуманитарного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по законам абстракции к разведению политики, права и морали по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции, мораль — к этической философии, этике. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но, видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые данные науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из них (особенно, политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, общепринятого понимания сущности искомых феноменов. Все современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки отдельно друг от друга изучают политику, право и мораль как отдельные и самостоятельные сущности, тогда как в реальности эти три регулятора общественной жизни взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга.

Понять и объяснить функционирование этой целостной и сложной системы можно только при помощи интегральной теории. Попытка создания такой теории в настоящее время предпринимается в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, где формируется новое направление философского об-

разования и научных исследований — философия политики и права¹.

Данное направление нацелено на решение ряда научно-организационных и исследовательских задач. Среди них:

- институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;
- осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;
- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;
- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;
- исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие, как норма и нормативность в политике и праве; взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

Думается, что в перспективе созданная в рамках нового философского направления научная и образовательная дисциплина — философия политики и права — сможет выполнять многие интеграционные функции в области гуманитарных наук. Функции, подобные тем, которые в XIX — начале XX века в университетском образовании и науке России выполняла история философии права.

¹ Для этих целей в конце 2008 года на философском факультете Московском государственного университета имени М.В. Ломоносова была создана уникальная кафедра философии политики и права.

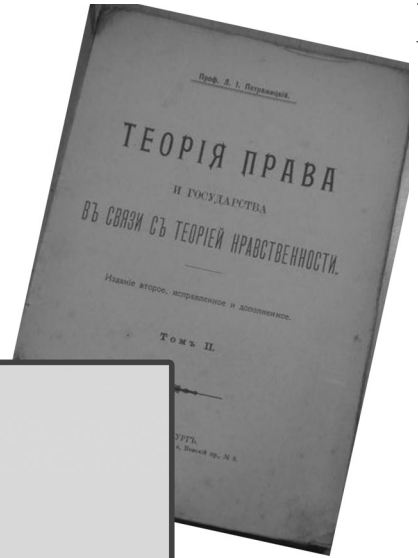

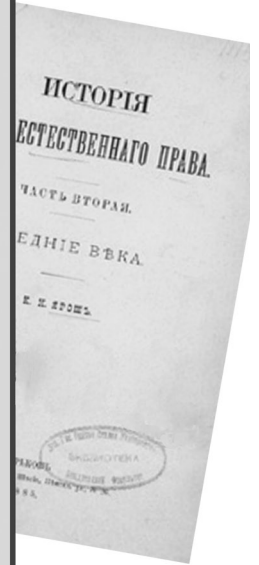
ИДЕЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ

В. С. СОЛОВЬЕВА.

Опыт применения ее к политическим условиям России

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Синхронологическая таблица российской истории
XIX век — 1917 год
(политическая история — политическая мысль¹;
история философии права)

Годы	События	Персоналии ² и источники
1796–1801	Царствование Павла I.	Муравьев М.Н. (1757–1807) <ul style="list-style-type: none">• «Рассеянные черты из землеописания Российского» (?) Малиновский В.Ф. (1765–1814) <ul style="list-style-type: none">• «Размышления о преобразовании государственного устройства России (1799–1803)
1801	Убийство Павла I и вступление на престол Александра I. Указ об отмене запрета на ввоз иностранных книг и заведение частных типографий. Манифест о присоединении Грузии к России.	
1802	Реформа Сената. Учреждение министерств. Основание Дерптского университета.	Сперанский М.М. (1772–1839) <ul style="list-style-type: none">• «О коренных законах государства» (1802)
1803	Указ о «вольных хлебопашцах»	
1804	Учреждение единого Университетского устава. Основание Казанского университета	Пнин И.П. (1773–1805) <ul style="list-style-type: none">• «Опыт о просвещении относительно России» (1804)

¹ Указаны только те персоналии и источники политической мысли, которые имеют (хотя бы косвенное) отношение с историей философии права.

² Первое упоминание персоналии выделяется полужирным курсивом с указанием годов жизни, далее эти персоналии указываются обычным курсивом.

1805	Основание Харьковского университета. Война России и Австрии с Наполеоном. Поражение под Аустерлицем.	
1809	Образование Великого княжества Финляндии в составе Российской империи.	Сперанский М.М. <ul style="list-style-type: none">• «Введение к уложению государственных законов» (1809)
1810	Учреждение Государственного Совета.	
1811	Реформирование министерств. Открытие Царско-сельского лицея.	Карамзин Н.М. (1776–1826) <ul style="list-style-type: none">• «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811)
1812–1814	Отечественная война с Наполеоном и заграничные походы русской армии.	
1814–1815	Участие России в Венском конгрессе. Образование «Священного союза». Присоединение части Польши к России. Конституционная хартия Царства Польского	
1816	Появление тайных политических обществ.	
1817	Начало Кавказской войны.	Пушкин А.С. (1799–1837) <ul style="list-style-type: none">• «Вольность» (1817)
1818		Куницын А.П. (1783–1840) <ul style="list-style-type: none">• «Право государственное (Право естественное)» (1818–1820)
1819	Открытие Петербургского университета.	<ul style="list-style-type: none">• «Государственная Уставная грамота Российской империи» (1819)

1821	Создание «Северного» и «Южного» тайных обществ.	Пестель П.И. (1793–1826) <ul style="list-style-type: none">• «Русская правда» (1821) Муравьев Н.Н. (1796–1843) <ul style="list-style-type: none">• «Конституция» (1821–1826)
1823		<i>Пушкин А.С.</i> <ul style="list-style-type: none">• «Свободы сеятель пустынный...» (1823)
1825	Смерть Александра I и восшествие на престол Николая I. Восстание декабристов.	
1825–1855	Царствование Николая I	
1826–1830	Составление Полного свода законов Российской империи под руков. М. Сперанского	
1827	Основание Гельсингфорского университета (Финляндия).	Пушкин А.С. <ul style="list-style-type: none">• «Примеры невежливости» (1827)
1828–1829	Русско-турецкая война. Андрианопольский мир.	Чаадаев П.Я. (1794–1856) <ul style="list-style-type: none">• «Философические письма. Письмо первое» (1828–1830 — чтение в салонах, опуб. в 1836 г.) Белинский В.Г. (1811–1848) <ul style="list-style-type: none">• Статьи 1829 года
1830	Июльская революция в Париже. Польское восстание.	<ul style="list-style-type: none">• «Второй том «Истории русского народа» Полевого» (1830) Пушкин А.С. <ul style="list-style-type: none">• «Любовь к русскому пепелищу...» (1830)• «Борис Годунов» (1830)
1831		<ul style="list-style-type: none">• «Клеветникам России» (1831)
1832	Крестьянские волнения в южных губерниях. Отмена Конституции Царства Польского.	Уваров С.С. (1786–1855) <ul style="list-style-type: none">• Письмо Николаю I (март 1832) Кириевский И.В. (1806–1856) <ul style="list-style-type: none">• «Девятнадцатый век» (1832)

1833	Манифест о введении в действие (1835) «Полного собрания законов» и «Свода законов Российской империи».	Станкевич Н.В. (1813–1840) <ul style="list-style-type: none">• Письмо Я.М. Неверову (май 1833) Пушкин А.С. <ul style="list-style-type: none">• «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1834)
1834	Открытие Киевского университета (Университет Св. Владимира)	<ul style="list-style-type: none">• «О ничтожестве литературы русской» (1834) Станкевич Н.В. <ul style="list-style-type: none">• Письмо В.И. Красову (июль 1834)• Письмо Я.М. Неверову (сентябрь 1834)
1835	Новый Университетский устав. Упразднение университетской автономии.	Чаадаев П.Я. <ul style="list-style-type: none">• Письмо А.И. Тургеневу (октябрь–ноябрь 1835) Станкевич Н.В. <ul style="list-style-type: none">• Письмо М.А. Бакунину (ноябрь 1835)
1836	Премьера «Ревизора» Гоголя.	<ul style="list-style-type: none">• Письмо Я.М. Неверову (февраль 1836) Пушкин А.С. <ul style="list-style-type: none">• «Джон Теннер» (1836)• Письмо П.Я. Чаадаеву (октябрь 1836)• «Из Пиндемонти» (1836) Чаадаев П.Я. <ul style="list-style-type: none">• «Апология сумасшедшего» (1836) Погодин М.П. (1800–1875) <ul style="list-style-type: none">• «Исторические афоризмы» (1836)
1839		Неволин К.А. (1806–1855) <ul style="list-style-type: none">• «Энциклопедия законоведения. История философии законоведения» (1839–1840) Грановский Т.Н. (1813–1840) <ul style="list-style-type: none">• «Лекции по истории средневековья» (?)• «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены» (?) Хомяков А.С. (1804–1860) <ul style="list-style-type: none">• «О старом и новом» (1839)
1840		Шевырёв С.П. (1806–1864) <ul style="list-style-type: none">• «Взгляд русского на современное образование Европы» (1840)

1841		Погодин М.П. • «Петр Великий» (1841)
1842		Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. (1821–1866) • «О значении образования в отношении благосостояния общественного» (1842) Бакунин М.А. (1814–1876) • «Реакция в Германии (очерк француза)» (1842)
1843		• «Коммунизм» (1843) Боткин В.П. (1811–1869) • «Выставка Императорской Санкт-Петербургской академии художников в 1842 году»
1844	Указ, предоставивший помещикам право отпускать на волю дворовых людей без земли	Тютчев Ф.И. (1803–1873) • «Россия и Германия» (1844)
1845		Калмыков П.Д. (1808–1860) • «Историческая часть энциклопедии законоведения» (1845)
1846		Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. • «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1846) Боткин В.П. • Письма П.В. Анненкову (1846–1847) • [О Т. Карлейле] (?) Анненков П.В. (1812–1887) • «Парижские письма» (1846–1847) Пилянкевич Н.И. (1819–1856) • Курс лекций по истории философии права в Университете Св. Владимира в Киеве (втор. пол. 40-х гг.)
1847		Белинский В.Г. • «Парижские тайны» (?) • Еврейские секты в России» (?) • Письмо Н.В. Гоголю (июль 1847) • «Взгляд на русскую литературу 1847 года (?)

1847		Костомаров Н.И. (1817–1885) <ul style="list-style-type: none">• «Из следственного дела № 81 «Об украино–словянском обществе: общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения» (1847) Герцен А.И. (1812–1870) <ul style="list-style-type: none">• «Письма из Франции и Италии» (1847–1851) Хомяков А.С. <ul style="list-style-type: none">• «Англия» (1847–1848)
1848	Февральская революция в Париже. Манифест Николая I о противодействии революции силой оружия	<ul style="list-style-type: none">• «О сельской общине» (1848) Тютчев Ф.И. <ul style="list-style-type: none">• Письмо П.А. Вяземскому (март 1848) Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. <ul style="list-style-type: none">• «Проект об освобождении крестьян» (1848)
1849	Дело петрашевцев	<ul style="list-style-type: none">• Наброски речей (апрель 1849) Тютчев Ф.И. <ul style="list-style-type: none">• «Россия и революция» (1849)• «Римский вопрос» (1849)• «Россия и Запад» (?) Бакунин М.А. <ul style="list-style-type: none">• «Воззвание русского патриота к славянским народам» (1849)• «Международное тайное общество освобождения человечества» (?)
1850		Герцен А.И. <ul style="list-style-type: none">• «Россия» (1850)
1851	Открытие железнодорожного движения между Петербургом и Москвой	<ul style="list-style-type: none">• «Русский народ и социализм. Письмо к Жюлью Мишле» (1851)
1853–1856	Крымская (Восточная) война.	Киреевский И.В. <ul style="list-style-type: none">• Письмо А.И. Кошелеву (1853) Самарин Ю.Ф. (1819–1876) <ul style="list-style-type: none">• «На чем основана и чем определяется верховная власть в России» (1853–1856)
1854–1855	Оборона Севастополя	Чаадаев П.Я. <ul style="list-style-type: none">• «L'univers» (15 января 1854) Герцен А.И. <ul style="list-style-type: none">• «Старый мир и Россия. Письмо третье» (1854)

1855–1881	Царствование Александра II.	Аксаков К.С. (1817–1860) <ul style="list-style-type: none">• «О внутреннем состоянии России» (1855)
1856	Парижский мирный договор. Амнистия декабристов.	Платонов И.В. (1803–1890) <ul style="list-style-type: none">• «Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном» (1856)
1857–1858	Начало деятельности комитетов по подготовке Крестьянской реформы	Чернышевский Н.Г. (1828–1889) <ul style="list-style-type: none">• «Исследования о внутренних отношениях народной жизни» (1857)• «О некоторых условиях, способствующих умножению народного» (1857) Самарин Ю.Ф. <ul style="list-style-type: none">• «По поводу книги «L'ancien regime et la revolution par Alexis de Tocqueville». Paris. 1856» (1857)
1858	Крестьянские волнения во многих губерниях. (Население России составило 75 млн. чел. В Петербурге — 500 тыс. жит.; в Москве — 450 тыс. жит.).	Кошелев А.И. (1806–1883) <ul style="list-style-type: none">• Письма И.С. Аксакову (1858) Чернышевский Н.Г. <ul style="list-style-type: none">• «Кавеньяк» (1858)• «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858) Огарёв Н.П. (1813–1877) <ul style="list-style-type: none">• «Русские вопросы. Статьи. Третья крестьянская община» (1858)
1859	Начало работы редакционных комиссий по составлению проекта крестьянской реформы	<ul style="list-style-type: none">• «Идеалы» (1859) Каченовский Д.И. (1828–1873) <ul style="list-style-type: none">• «Взгляд на историю политических наук в Европе» (1859) Чернышевский Н.Г. <ul style="list-style-type: none">• «Суеверие и правила логики» (1859)
1860	Учреждение Государственного банка.	<ul style="list-style-type: none">• «Капитал и труд» (1860)• Основания политической экономии [Д.С. Милля]» (1860)• «Антропологический принцип в философии» (1860) Анненков П.В. <ul style="list-style-type: none">• «Литературные воспоминания» (1860)• «Критические очерки» (?) Огарёв Н.П. <ul style="list-style-type: none">• «Письма к соотечественнику. II» (1860)

1861–1870	Великие реформы.	
1861	Манифест об освобождении крестьян. Крестьянская (аграрная) реформа.	Огарёв Н.П. <ul style="list-style-type: none">• «Разбор нового крестьянского права, обнародованного 19 февраля 1861 года в положении о крестьянах, вышедших из крестьянской зависимости» (1861)• «Что нужно народу» (1861) Костомаров Н.И. <ul style="list-style-type: none">• «Мысли о федеративном начале в древней Руси» (1861) Григорьев А.А. (1822–1864) <ul style="list-style-type: none">• «Народность и литература» (1861) Чернышевский Н.Г. <ul style="list-style-type: none">• «О причинах падения Рима» (1861)
1862	Возникновение общества «Земля и Воля».	Каченовский Д.И. <ul style="list-style-type: none">• «О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России» (1862) Стоянов А.Н. (1831–1907) <ul style="list-style-type: none">• «Методы разработки положительного права и общественное значение глоссаторов до конца XVIII столетия» (1862) Самарин Ю.Ф. <ul style="list-style-type: none">• «По поводу толков о конституции» (1862) Герцен А.И. <ul style="list-style-type: none">• «Концы и начала. Письмо седьмое» (1862) Чичерин Б.Н. (1828–1904) <ul style="list-style-type: none">• «Различные виды либерализма» (1862) Катков М.Н. (1818–1887) <ul style="list-style-type: none">• «К какой принадлежим мы партии» (1862) Огарев Н.П. <ul style="list-style-type: none">• [Цель русского движения] (1862)
1863	Новый Университетский устав. Восстановление университетской автономии.	<ul style="list-style-type: none">• «Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и земский собор. II» (1863)• «Слово правды» (1863) Катков М.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Самодержавие царя и единство Руси» (1863)

1864	Земская и судебная реформы. Реформа среднего образования.	
1865	Открытие Новороссийского университета в Одессе. Принятие «Временных правил о печати».	
1866	Покушение Каракозова на Александра II.	Катков М.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Исключительное господство бюрократии и власть» (1866)
		Андреевский И.Е. (1831–1889) <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право. Т. I» (1866) Редкин П.Г. (1808–1891) <ul style="list-style-type: none">• Курс лекций по истории философии права в Петербургском университете (сер.-втор. пол. 60-х гг.)• «История философии права» (1866) Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• Курс лекций по истории философии права в Московском университете (втор. пол. 60-х гг.) Градовский А.Д. (1841–1889) <ul style="list-style-type: none">• «Вступительная лекция по государственному праву» (1866) Жуковский Ю.Г. (1833–1907) <ul style="list-style-type: none">• «Политические и общественные теории в XVI в.» (1866) Тютчев Ф.И. <ul style="list-style-type: none">• Письмо А.Ф. Аксаковой (ноябрь 1866) Герцен А.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Порядок торжествует!» (1866–1877) Васильчиков А.И. (1818–1881) <ul style="list-style-type: none">• «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (1866–1871)
1867	Панславянский конгресс в Москве. Продажа Аляски США.	Бакунин М.А. <ul style="list-style-type: none">• «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867)

1867		Самарин Ю.Ф. • «Окраина России, серия первая. Русское балтийское поморье. Выпуск первый» (1867) Градовский А.Д. • «Государство и прогресс» (1867)
1868		Бакунин М.А. • «Наука и народ» (1868) Градовский А.Д. • «История местного управления в России» (1868) Ранненкамф Н.К. (1832–1899) • «Очерки юридической энциклопедии» (1868) Капустин М.Н. (1828–1899) • «Теория права (Юридическая догматика). Т. 1» (1868) Лавров П.Л. (1823–1900) • «Исторические письма» (1868–1869)
1869	Студенческие волнения в Петербурге.	Михайловский Н.К. • «Что такое прогресс» (1869) Стронин А.И. • «История и метод» (1869) Чичерин Б.Н. • «История политических учений. Ч. 1» (1869) Нечаев С.Г. (1847–1882) • «Катехизис революционера» (1869) Данилевский Н.Я. (1822–1885) • «Россия и Европа» (1869–1871)
1870	Новое городское положение. Замена сословных городских дум внесловными. Отказ России от соблюдения Парижского мирного договора 1856 г.	Огарёв Н.П. • «Будущность (Посвящается памяти А. Герцена)» (1870) • [Записка о тайном обществе] (1870) Бакунин М.А. • «Наука и насущное революционное дело» (1870) • Письмо С.Г. Нечаеву (июнь 1870) Щеглов Д.Ф. (?–1902) • «История социальных систем от древности до наших дней. Т. 1» (1870) Пилянкевич Н.И. • «История философии права» (1870)

1871		<p>Сергеевич В.И.(1832–1910)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы» (1871) <p>Жуковский Ю.Г.</p> <ul style="list-style-type: none">• «История политической литературы XIX столетия. Т. 1» (1871) <p>Романович-Славатинский А.В. (1832–1910)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Пособие к изучению русского государственного права по методу историко–догматическому. В 2 вып.» (1871–1872)
1872	Закон о печати.	<p>Стронин А.И.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Политика как наука» (1872) <p>Достоевский Ф.М. (1821–1881)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Бесы» (1872) <p>Нелидов Н.К. (1832–1888)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Наука о государстве как предмет высшего образования» (1872)
1873	Образование Союза трех императоров (Германия, Австро-Венгрия и Россия). Начало «хождения в народ».	<p>Градовский А.Д.</p> <ul style="list-style-type: none">• «О современном направлении государственных наук» (1873) <p>Бакунин М.А.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Государственность и анархия» (1873) <p>Пыпин А.Н. (1833-1904)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки» (1873–1874)
1874	Указ о всеобщей воинской повинности. Военная реформа.	<p>Погодин М.П.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны» (1874) <p>Нелидов Н.К.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Система курса общего государственного права» (1874) <p>Хлебников Н.И. (1840–1880)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще» (1874)

1875		Леонтьев К.Н. (1831–1891) <ul style="list-style-type: none">• «Византизм и славянство» (1875) Ткачев П.Н. (1844–1886) <ul style="list-style-type: none">• «Набат (Программа журнала)» (1875) Михайловский Н.К. <ul style="list-style-type: none">• «Борьба за индивидуальность» (1875) Градовский А.Д. <ul style="list-style-type: none">• «Начала русского государственного права. В 2 т.» (1875–1876)
1876	Демонстрация на Казанской площади в Петербурге. Общество «Земля и воля».	<ul style="list-style-type: none">• «Значение идеала в общественной жизни» (1876) Ткачев П.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Народ и революция» (1876) Лавров П.Л. <ul style="list-style-type: none">• «Государственный элемент в будущем обществе» (1876) Достоевский Ф.М. <ul style="list-style-type: none">• «Дневник писателя» (1876, 1877, 1880–1881)
1877–1878	Русско-турецкая война на Балканах. Оборона Шипкин-ского перевала. Сан-Стефанский мир.	Самарин Ю.Ф. <ul style="list-style-type: none">• «Об отношении церкви к свободе. Вариант к Предисловию к Богословским сочинениям Хомякова» (1877) Соловьев В.С. (1853–1900) <ul style="list-style-type: none">• «Три силы» (1877)• «Критика отвлеченных начал» (1877–1880)
1878–1881	Народовольческий террор	Кропоткин П.А. (1842–1921) <ul style="list-style-type: none">• «Речи бунтовщика» (1879)
1880	Верховная распорядительная комиссия М.Т. Лорис-Меликова.	Блок А.Л. (1852–1909) <ul style="list-style-type: none">• «Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и французские политические порядки» (1880) Морозов Н.А. (1854–1946?) <ul style="list-style-type: none">• «Террористическая борьба» (1880) Ковалевский М.М. (1851–1916) <ul style="list-style-type: none">• «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880)

1880		<p>Алексеев А.С. (1851–1916)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Макиавелли как политический мыслитель» (1880)• «Задача и метода политических теорий» (1880)
1881	<p>Проект конституционной реформы Лорис-Меликова. Убийство Александра II. Начало царствования Александра III (1881–1894). Манифест «О незыблемости самодержавия».</p>	<p>Аксаков И.С. (1824–1886)</p> <ul style="list-style-type: none">• «По поводу «Записки» К.С. Аксакова» (1881)• «Бюрократическое и земское государство» (1881) <p>Зайцев В.А. (1842–1882)</p> <ul style="list-style-type: none">• «О пользе цареубийства» (1881)• «Конституция, или революция или Nihil» (1881) <p>Градовский А.Д.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Начала русского государственного права. Т. 3. Органы местного управления» (1881) <p>Катков М.Н.</p> <ul style="list-style-type: none">• «На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с народом» (1881)• «Все, что противоречит основному строю русского государства, должно быть из него устранено самым решительным образом» (1881)• «Единственный царский путь» (1881)• «Свобода и власть» (1881) <p>Фадеев Р.А. (1824–1883)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 — 6 апреля 1880» (1881) <p>Ярош К.Н. (?-?)</p> <ul style="list-style-type: none">• «История идей естественного права». Ч. 1.» (1881)
1882	<p>Закон о карательной цензуре. Окончательная отмена барщины.</p>	<p>Зайцев В.А.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Новая нравственность» (1882) <p>Катков М.Н.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Без названия» (1882) <p>Чичерин Б.Н.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Собственность и государство. В 2 ч.» (1882–1883)

1883	Образование в Женеве Группы «Освобождения труда». Первые марксистские кружки в России.	Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Нравственность и политика. Исторические обязанности России» (1883)• «Великий спор и христианская политика» (1883) Коялович М.О. (1828–1891) <ul style="list-style-type: none">• «Историческая живучесть русского народа и её культурные особенности» (1883) Плеханов Г.В. (1856–1918) <ul style="list-style-type: none">• «Социализм и политическая борьба» (1883)
1884	Новый Университетский устав. Отмена университетской автономии.	<ul style="list-style-type: none">• «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда»» (1884) Коялович М.О. <ul style="list-style-type: none">• «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) Блок А.Л. <ul style="list-style-type: none">• «Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права» (1884) Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Религиозные основы жизни» (1884)• «Еврейство и христианский вопрос» (1884) Ключевский В.О. (1841–1911) <ul style="list-style-type: none">• «Методология русской истории (лекционный курс в 1884/85 акад г.)»
1885	Отмена подушной подати	Степняк-Кравчинский С.М. (1851–1895) <ul style="list-style-type: none">• «Русская грозовая туча» (1885) Данилевский Н.Я. <ul style="list-style-type: none">• «Дарвинизм» (1885) Лавров П.Л. <ul style="list-style-type: none">• «Биография — исповедь» (1885) Градовский А.Д. <ul style="list-style-type: none">• «Общее государственное право» (1885)

1885–1886	Русско-австрийский конфликт из-за влияния в Болгарии	Катков М.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Независимость печати (Наша конституция и наши политические обязанности)» (1886) Романович-Славатинский А.В. (1832–1910) <ul style="list-style-type: none">• «Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1.» (1886)
1887	Попытка членов террористической фракции «Народной воли» организовать покушение на Александра III	
1888	Принятие закона об ограничении миграции населения Открытие первого в Сибири Томского университета	Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Русская идея» (1888)• «Владимир Святой и христианское государство» (1888) Блок А.Л. <ul style="list-style-type: none">• «Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности» (1888) Щеглов В.Г. (1854 — после 1914) <ul style="list-style-type: none">• «Нравственность и право в их взаимных отношениях» (1888)
1889	Введение института земских начальников (только из дворян) в качестве судебно-административной власти на местах.	Плеханов Г.В. <ul style="list-style-type: none">• «Наши разногласия» (1889) Дьяконов М.А. (1855–1919) <ul style="list-style-type: none">• «Власть Московских государей: очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI в.» (1889)
1890	Земская контрреформа Д. Толстого. Начало подъема промышленного производства.	Кареев Н.И. (1850–1931) <ul style="list-style-type: none">• «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1890) Данилевский Н.Я. <ul style="list-style-type: none">• «Сборник политических и экономических статей» (1890) Ключевский В.О. <ul style="list-style-type: none">• «Состав представительства на Земских соборах в Древней Руси» (1890–1892)

1891	Образование военно-политического блока «Антанта». Русско-германская таможенная война. Голод в 20 губерниях России.	Ключевский В.О. <ul style="list-style-type: none">• «Тетрадь с афоризмами» (1891) Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Из истории философии» (1891)
1892	Городская контрреформа	Кропоткин П.А. <ul style="list-style-type: none">• «Хлеб и воля» (1892) Бершадский С.А. (1850–1896) <ul style="list-style-type: none">• «Очерки истории философии права. Вып. 1» (1892)
1893	Закон об ограничении земельных переделов в крестьянской общине	Коркунов Н.М. (1853–1904) <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть» (1893). [С 1893 по 1913 г. книга выдержала восемь изданий] Трубецкой Е.Н. (1863–1920) <ul style="list-style-type: none">• «Лекции по истории философии права Нового времени» (1893–1899) Коркунов Н.М. <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть» (1893) Ивановский В.В. (1854–?) <ul style="list-style-type: none">• «Государство как юридическое отношение» (1893)
1894	Кончина Александра III и начало правления Николая II (1894–1917)	Коркунов Н.М. <ul style="list-style-type: none">• «Указ и закон» (1894)• «Лекции по общей теории права» (1894). [С 1894 по 1914 гг. книга выдержала девять изданий] Ульянов (Ленин) В.И. (1870–1924) <ul style="list-style-type: none">• «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) Куплеваский Н.О. (?–?) <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право. Т. I» (1894) Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право» (1894–1898)

1895	Речь Николая II о соблюдении традиций самодержавия.	Зверев Н.А. (1850–1917) <ul style="list-style-type: none">• «История философии права» (1895–1896) Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Ожидание добра. Нравственная философия» (1895)
1896	Образование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге. Договор с Китаем о концессии на сооружение Китайской восточной железной дороги (КВЖД).	<ul style="list-style-type: none">• «Мир Востока и Запада» (1896)• «Нравственная философия человечества в ее целом» (1896) Кропоткин П.А. <ul style="list-style-type: none">• «Анархия, её философия и идеал» (1896) Победоносцев К.П. (1827–1907) <ul style="list-style-type: none">• «Великая ложь нашего времени» (1896)• «Болезни нашего времени» (1896) Коркунов Н.М. <ul style="list-style-type: none">• «История философии права» (1896). [С 1896 по 1915 г. книга выдержала шесть изданий] Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Курс государственной науки. Ч. II. Социология» (1896) Свешников М.И. (?–?) <ul style="list-style-type: none">• «Очерк общей теории государственного права» (1896)
1897	Финансовая реформа С. Витте. Введение золотого денежного обращения. Первая Всероссийская перепись населения — в России насчитано 126,4 млн. чел.	Соловьёв В.С. <ul style="list-style-type: none">• «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» (1897)• «Духовные основы жизни» (1897) Залесский В.Ф. (1861–1922) <ul style="list-style-type: none">• «Власть и право. Философия объективного права» (1897) Пыпин А.Н. <ul style="list-style-type: none">• «История русской литературы. В 4 т.» (1897–1903) Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Политические мыслители древнего и нового мира» (1897) Плеханов Г.В. <ul style="list-style-type: none">• «О монистическом понимании истории» (1897)

1898	Возрастание военно-политической активности России на Дальнем Востоке. Открытие Московского художественного театра. Образование Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).	<ul style="list-style-type: none">• «К вопросу о роли личности в истории» (1898) Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Курс государственной науки. Ч. III. Политика» (1898) Иванов И.И. (1862-1929) <ul style="list-style-type: none">• «История русской критики. В 4 ч.» (1898-1900)
1899	Временные правила об отдаче студентов в солдаты за участие в студенческих волнениях.	Ивановский В.В. <ul style="list-style-type: none">• «Вопросы государственоведения, социологии и политики» (1899) Градовский А.Д. <ul style="list-style-type: none">• «Общество и государство» (1899)
1900		Толстой Л.Н. (1828-1910) <ul style="list-style-type: none">• «Патриотизм и правительство» (1900) Чичерин Б.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Философия права» (1900) Петражицкий Л.И. (1867-1931) <ul style="list-style-type: none">• «Очерки философии права. Вып. 1» (1900) Виппер Р.Ю. (1859-1954) <ul style="list-style-type: none">• «Общественные учения и исторические теории XVII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе» (1900) Залесский В.Ф. <ul style="list-style-type: none">• «Лекции по истории философии права» (1900) Камбуров В.Г. (1874-1906) <ul style="list-style-type: none">• «Общий характер философских учений о праве и государстве XVIII века» (1900) Новгородцев П.Н. <ul style="list-style-type: none">• «История новой философии права» (1900-1904)
1901	Начало серии убийств и покушений на высших чиновников («эсеровский террор»).	Ульянов (Ленин) В.И. <ul style="list-style-type: none">• «С чего начать?» (1901)

	Студенческие волнения. Создание партии социалистов-революционеров (эсеров).	
1902	Убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Собрание представителей земств в Москве. Принятие программы умеренно-либеральных реформ.	<ul style="list-style-type: none">• «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902) Казанский П.Е. (1866–1947)• «Право и нравственность как явления мировой культуры» (1902) Блок А.Л.• «Русское государственное право» (1902–1903) Тарановский Ф.В. (1875–1936)• «Сравнительное правоведение в конце XIX века» (1902)• Сборник «Проблемы идеализма» (1902) Новгородцев П.И.• «Нравственный идеализм в философии права» (1902)• «О задачах современной философии права» Кареев Н.И.• «Государство — город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных общин» (1902–1903)
1903	Обострение социально-политической ситуации вокруг России. Начало русско-японских переговоров по Маньчжурии	Острогорский М.Я. (1854–1919) <ul style="list-style-type: none">• «Демократия и политические партии» (1903) Палиенко Н.И. (1869–?) <ul style="list-style-type: none">• «Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение» (1903)
1904	Начало русско-японской войны. Оборона и падение Порт-Артура. Создание «Союза Освобождения» Убийство министра внутренних дел В.К. Плеве	Новгородцев П.И. <ul style="list-style-type: none">• «Государство и право» (1904) Берви-Флеровский В.В. (1829–1918) <ul style="list-style-type: none">• «Критика основных идей естествознания» (1904) Фатеев А.Н. (1872–1952) <ul style="list-style-type: none">• «Развитие индивидуализма в истории политических учений. Очерк введения и главнейшая библиография» (1904)

1904		<ul style="list-style-type: none">• «Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства (Идея политического индивида) (1904–1907) Шершеневич Г.Ф. (1863–1912) <ul style="list-style-type: none">• «История философии права. В 4 вып.» (1904–1905) Ключевский В.О. <ul style="list-style-type: none">• «Курс русской истории» (1904–1910)
1905	«Кровавое» воскресенье. Проект Булыгинской Думы. Возобновление деятельности Совета министров под председательством С. Витте. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Решение о созыве Думы. Предоставление широкой автономии университетам. Поражение русского флота у о. Цусима. Вооруженное восстание в Москве. Создание Союза русского народа.	Новгородцев П.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Право на достойное человеческое существование» (1905) Милюков П.Н. (1859–1943) <ul style="list-style-type: none">• ««Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе»» (1905) Франк С.Л. (1877–1950) <ul style="list-style-type: none">• «Проблема власти (социально-психологический этюд)» (1905) Ульянов (Ленин) В.И. <ul style="list-style-type: none">• «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905) Ключевский В.О. <ul style="list-style-type: none">• «Дневники и дневниковые записи» (1905) Сватиков С.Г. (?–?) <ul style="list-style-type: none">• «Общественные движения в России (1700–1895)» (1905)
1906	Деятельность 1-й Государственной Думы. Назначение председателем Совета министров П.А. Столыпина. Указ о преобразовании Государственного совета. Издание новой редакции Основных законов Российской империи («Конституция 1906 г.»).	Струве П.Б. (1870–1944) <ul style="list-style-type: none">• «Идеи и политика в современной России» (1906) Чернов В.М. (1873–1952) <ul style="list-style-type: none">• «Конечный идеал социализма и повседневная борьба» (1906) Ковалевский М.М. (1851–1916) <ul style="list-style-type: none">• «От прямого народоправительства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т.» (1906)• «Политическая программа нового Союза народного благоденствия» (1906)

	Учреждение военно-полевых судов.	Боровой А.А. (1876–1935) <ul style="list-style-type: none">• «Либерализм. Социализм. Анархизм» (1906) Иванов-Разумник (1878–?) <ul style="list-style-type: none">• «История русской общественной мысли» (1906)
1907	2-я Государственная Дума. Третьеиюньский переворот. Начало работы 3-й Думы (1907–1912).	Петражицкий Л.И. <ul style="list-style-type: none">• «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907) Спекторский Е.В. (1875–1951) <ul style="list-style-type: none">• «Очерки по философии общественных наук. Вып. I. Общественные науки и теоретическая философия» (1907) Гамбаров Ю.С. (1850–1926) <ul style="list-style-type: none">• «Задачи современного правоведения» (1907)
1908		Корф С.А. (1876–1924) <ul style="list-style-type: none">• «Федерализм» (1908) Ивановский В.В. <ul style="list-style-type: none">• «Учебник государственного права» (1908) Шалланд Л.А. (1870–1919) <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право» (1908) Трубецкой Е.Н. <ul style="list-style-type: none">• «Энциклопедия права» (1908) Кокошкин Ф.Ф. (1871–1918) <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права» (1908) Кареев Н.И. <ul style="list-style-type: none">• «Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века» (1908) Палиенко Н.И. (1869–1937) <ul style="list-style-type: none">• «Учение о существе права и правовой связанности государства» (1908) Яценко А.С. (1877–1934) <ul style="list-style-type: none">• «Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века» (1908)

		<p>Фатеев А.Н.</p> <ul style="list-style-type: none">• «История общих учений о праве и государстве. В 3 вып.» (1908–1912) <p>Новгородцев П.Н.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Лекции по истории философии права» (1908–1910) <p>Лазаревский Н.И. (1868–1921)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Лекции по русскому государственному праву. Т. I–II» (1908–1910)
1909	Основание Саратовского университета.	<ul style="list-style-type: none">• «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909)• Сборник «Вехи» (1909) <p>Ковалевский М.М.</p> <ul style="list-style-type: none">• «История политических учений нового времени» (1909–1910) <p>Гредескул Н.А. (1865–1941)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Общая теория права» (1909)
1910	Столыпинская аграрная реформа	<p>Спекторский Е.В. (1875–1951)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 1» (1910)• «Государственное право: общее и иностранное» (1910) <p>Шершеневич Г.Ф.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Общая теория права. В 2 вып.» (1910–1911) <p>Лаппо-Данилевский А.С. (1863–1919)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Методология истории» (1910–1913)
1911		<p>Кистяковский Б.А. (1868–1920)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Право как социальное явление» (1911) <p>Рейснер М.А. (1868–1928)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Государство. Ч. I. Культурно-исторические основы» (1911) <p>Нольде Б.Э. (1876–1948)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Очерки русского государственного права» (1911)
1912	Начало работы 4-й Государственной Думы (1912–1917)	<p>Яценко А.С.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства» (1912)• «Политические учения в Англии в XVIII веке и в начале XIX века» (1912)

		<p>Елистратов А.И. (1873-1955)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Государственное право» (1912) <p>Кропоткин П.А.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Современная наука и анархия» (1912) <p>Котляревский С.А. (1873–1939)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Власть и право. Проблемы правового государства» (1912) <p>Савальский В.А. (1873–1915)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Государственное право общее и русское. Ч. I.» (1912) <p>Гессен В.М. (1868–1920)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Общее учение о государстве» (1902) <p>Рождественский А. (1869 — после 1914)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Основы общей теории права» (1912)
1913	Торжества по случаю 300-летия Дома Романовых.	<p>Туган-Барановский М.И. (1865–1919)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Общественно-экономические идеалы нашего времени» (1913)• «Социализм как положительное учение» (1913?) <p>Ульянов (Ленин) В.И.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Три источника и три составных части марксизма» (1913)• «Кому выгодно?» (1913)• «Марксизм и реформизм» (1913) <p>Ключевский В.О.</p> <ul style="list-style-type: none">• «История сословий в России» (1913) <p>Кареев Н.И.</p> <ul style="list-style-type: none">• «Из лекций по общей теории истории. Ч. 1. Историка (Теория исторического знания)» (1913) <p>Сперанский В.Н. (1877–?)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Общественная роль философии. Введение в историю политических учений. Вып. 1.» (1913) <p>Кузнецов К.А. (?–?)</p> <ul style="list-style-type: none">• «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.)» (1913)
1914	Начало Первой мировой войны. Образование Земского и Городского	<p>Ульянов (Ленин) В.И.</p> <ul style="list-style-type: none">• «О праве наций на самоопределение» (1914)• «О национальной гордости великороссов» (1914)

	Союзов (Земгор). Переименование Петербурга в Петро- град.	Михайловский И.В. (1867–1921) <ul style="list-style-type: none">• «Очерки философии права. Т. I» (1914) Плеханов Г.В. (1856–1918) <ul style="list-style-type: none">• «История русской общественной мысли» (1914–1916) Хвостов В.М. (1868–1920) <ul style="list-style-type: none">• «Общая теория права» (1914)• «Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории» (1914, 2-е изд.)
1915	Создан Военно-про- мышленный коми- тет. Николай II при- нимает обязанности Верховного главно- командующего. Открытие универ- ситета в Ростове- на-Дону (на базе эвакуированного Варшавского уни- верситета).	Корф С.А. <ul style="list-style-type: none">• «Русское государственное право. Ч. I» (1915) Тарановский Ф.В. <ul style="list-style-type: none">• «Новый опыт построения философии права в русской литературе» (1915) Ильин И.А. (1883–1954) <ul style="list-style-type: none">• «Теория права и государства» (1915)
1916	Убийство Распу- тина	Вальденберг В.Э. (1871 — начало 1930-х) <ul style="list-style-type: none">• «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» (1916) Жилин А.А. (1880–?) <ul style="list-style-type: none">• «Учебник государственного права. Ч. I» (1916)
1917	Февральская рево- люция в России. Деятельность Вре- менного правитель- ства. Создание Пермско- го университета. Октябрьская рево- люция. Приход к власти большеви- ков.	Тарановский Ф.В. <ul style="list-style-type: none">• «Учебник энциклопедии права» (1917) Спекторский Е.В. <ul style="list-style-type: none">• «Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 2» (1917) Кузнецов К.А. <ul style="list-style-type: none">• «История философии права» (1917)

Приложение 2

Литература по истории философии права (источники XIX — начала XX века)¹

Основные учебники и обзорные работы по истории философии права

Неволин К.А. История философии законодательства (вошла в его энциклопедию законоведения). Изд. 1-е. СПб., 1839–1840; Изд. 2-е — в 1 томе Полного собрания сочинений. СПб., 1857 (Совр. изд. — СПб., 1997).

Калмыков П.Д. Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845 (рукопис. изд.).

Пилянкевич Н.И. История философии права. Киев, 1870 (учебный курс второй половины 40-х гг.).

Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. (Данная книга состоит из четырех статей, опубликованных в «Русском Вестнике» в 1857 г.)

Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862 г.

Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862.

Андреевский И. Русское государственное право. Т. 1. СПб.–М., 1866.

Жуковский Ю.Г. Политические и общественные теории в XVI в. СПб., 1866.

Редкин П.Г. История философии права. СПб., 1866 (рукопис. изд.).

Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. В 7 т. СПб., 1889–1891 (учебный курс 60-х гг.).

Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. М., 1869–1902 (Т. I–IV: 1869–1878).

Романович-Славатинский А. Пособие к изучению русского государственного права, по методу историко-догматическому. В 2 вып. Киев, 1871–1872.

Сергеевич В.И. Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871.

Щеглов Д.Ф. История социальных систем от древности до наших дней. Т. 1. СПб., 1870, (Т. 2. СПб., 1889).

¹ Список состоит из трех частей и составлен по проблематике глав настоящей книги в хронологическом порядке опубликования источников.

Жуковский Ю.Г. История политической литературы XIX-го столетия. Т. 1. СПб., 1871.

Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки. СПб., 1873–1874.

Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880.

Ярош К.Н. История идеи естественного права. Ч. 1. «Естественное право» у греков и римлян. СПб., 1881.

Блок А.Л. Политическая литература в России и о России (Вступление в курс русского государственного права). Варшава, 1884.

Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным документам. СПб., 1884. (Совр. изд. — Минск, 1997).

Дьяконов М.А. Власть Московских государей: Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.

Потапов Н. Краткий очерк истории философии права. Применительно к программе Университетского курса. Киев, 1890.

Бершадский С.А. Очерки истории философии права. СПб., 1892.

Трубецкой Е.Н. История философии права. М., 1907. [1893–1899]. (Совр. публикация в издании: *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права. СПб., 2001. С. 39–286).

Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894.

Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1896.

Зверев Н.А. История философии права. М., [1895–1896] (рукопис. изд.).

Свешников М.И. Очерки общей теории государственного права. СПб., 1896.

Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. В 2 ч. М., 1897. (Совр. изд. — СПб., 1999).

Пыпин А.Н. История русской литературы. В 4 т. СПб., 1897–1903.

Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. (Изд. 4-е). М., 1897.

Иванов И. История русской критики. В 4 ч. СПб., 1898–1900.

Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900.

Залесский В.Ф. Лекции истории философии права. Казань, 1900.

Камбуров В.Г. Общий характер философских учений о праве и государстве XVIII века. Киев, 1900.

Лефевр П.Я. Повторительный курс истории философии права. По курсам профессоров Н.М. Коркунова, С.А. Бершадского, Зверева, Гейера и др. СПб., 1900.

Новгородцев П.И. История новой философии права. М., 1900–1904. (Совр. изд. — Сочинения. М., 1995. С. 15–234).

Блок А.Л. Русское государственное право. Записки по лекциям проф. А.Л. Блока. Варшава, 1902–1903 акад. год (рукопис. изд.).

Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903.

Шершеневич Г.Ф. История философии права. Казань. Вып. 1–4. 1904–1905. СПб. 2-е изд. 1907. Краткий курс. Киев, 1912. (Совр. изд. — СПб., 2001).

Фатеев А.Н. Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства. (Идея политического индивидуализма). В 2 ч. Харьков, 1904–1907.

Сватиков С.Г. Общественные движения в России (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3 т. 1906. (Совр. изд. — М., 1997).

Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений. В 3 т. М., 1906.

Ярош К.Н. Курс истории философии права. Харьков, 1907.

Спекторский Е.В. Очерки по философии общественных наук. Вып. I. Общественные науки и теоретическая философия. Варшава, 1907.

Яценко А.С. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908.

Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1908.

Владимиров Е. Существенные черты истории философии права. Составлено по университетской программе, преимущественно по курсу проф. Н. Коркунова. СПб., 1908.

Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909. (Совр. изд. — 1996).

Фатеев А.Н. История общих учений о праве и государстве. В 3 ч. Харьков, 1909–1912.

Ковалевский М.М. История политических учений нового времени. СПб., 1909–1910.

История русской литературы XIX в. / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. В 5 т. М., 1909–1911.

Яворский Н.Д. История философии права. Краткий курс, составленный применительно к университетским программам. Одесса, 1910.

Яценко А.С. Политические учения в Англии в XVIII веке и начале XIX века. М., 1912.

Сперанский В.Н. Общественная роль философии. Введение в историю политических учений. Вып. 1. СПб., 1913.

Кузнецов К.А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.). Владивосток, 1913.

Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. I–II. М., 1913–1914.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Сочинения. В 24 т. М.–Л., 1923–1927. Т. XX–XXII. (1-е изд. — 1914–1916).

Вальденберг В.Э. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки о русской политической литературе от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

Боголепов А.А. М.М. Ковалевский как историк политической мысли. Пг., 1916.

Спекторский Е.В. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 2. Киев, 1917.

Кузнецов К.А. История философии права. Одесса, 1917.

Спекторский Е.В. Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918.

Кузнецов К.А. Основные моменты в истории древнегреческой философии права. Одесса, 1918.

Ладыженский А.М. Общественно-политические идеалы древнего мира, средних веков и нового времени. Харьков, 1919.

* * *

Бошко В.И. Очерки развития правовой мысли. М., 1925.

Рейснер М.А. История политических учений. В 2 т. Т. 1. М.–Л., 1929.

Литература по проблемам объекта и предмета истории философии права

Платонов И.В. Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. Харьков, 1856.

Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859.

Андреевский И. Русское государственное право. Т. I. Спб.–М., 1866.

Градовский А.Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Санкт–Петербургском университете 10 октября 1866 г. // *Градовский А.Д.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. I. СПб., 1899.

Капустин М.Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М., 1868.

Ренненкамф Н.К. Очерки юридической энциклопедии. Киев, 1868.

Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. I. М., 1869.

Романович-Славатинский А. Пособие к изучению русского государственного права по методу историко-догматическому. В 2 вып. Киев, 1871–1872.

Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. Спб., 1889.

Сергеевич В.П. Задача и методы государственных наук. М., 1871.

Градовский А.Д. О современном состоянии государственных наук. Речь, произнесенная на годичном акте Императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1873 г. // *Градовский А.Д.* Сочинения. Спб., 2001.

Нелидов Н.К. Наука о государстве как предмет высшего образования // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. III. Ярославль, 1872.

Нелидов Н. Система курса общего государственного права. Казань, 1874.

Хлебников Н.И. Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще. Варшава, 1874.

Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2 т. Спб., 1875–1876. (Соврем. изд. — М., 2006).

Алексеев А.С. Задачи и методы истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. (Совр. изд. — М., 2003).

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 ч. М., 1882–1883 (Совр. изд. — Спб., 2005).

Блок А.Л. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884.

Градовский А.Д. Общее государственное право. Спб., 1885.

Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1888.

Щеглов В.Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. Ярославль, 1888.

Блок А.Л. Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности [1888] // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2003, № 6.

Бершадский С.А. Очерки истории философии права. Вып. 1. Спб., 1892.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. В 2 т. М., 1892 (Совр. изд. — 2005).

Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. Спб., 1893.

Ивановский В.В. Государство как юридическое отношение. Казань, 1893.

Коркунов Н.М. Указ и закон. Спб., 1894.

Куплеваский Н.О. Русское государственное право. Т. I. Харьков, 1894.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Спб., 1894.

Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. М., 1894 (Совр. изд. — М., 2006); Ч. II. Социология. М., 1896; Ч. III. Политика. М., 1898.

Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1896.

Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896.

Вальденберг В.Э. О задачах философии права // Вопросы философии и психологии. 1897. Ноябрь-декабрь. Кн. 5(40). С. 916–930.

Залесский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань, 1897.

Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. Изд. 4-е. М., 1897.

Гессен В.М. О юридическом направлении в государственном праве // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 3. С. 113–135.

Ивановский В.В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань, 1899. (Гл. 1 — Природа государства).

Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Вып. 1. СПб., 1900.

Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. (Совр. изд. — СПб., 1998).

Камбуров В.Г. Общий характер философских учений о праве и государстве XVIII века. Киев, 1900.

Вальденберг В.Э. История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стб. 463–473.

Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Т. I. II // *Градовский А.Д.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. IV-V. СПб., 1900, 1902.

Блок А.Л. Русское государственное право. Варшава, 1902.

Казанский П.Е. Право и нравственность как явления мировой культуры. СПб., 1902.

Новгородцев П.И. О задачах современной философии права. СПб., 1902.

Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. СПб., 1902.

Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1903 (Совр. изд.).

Водовозов В.В. Введение в курс государственного права // Введение в изучение социальных наук. Сборник статей. СПб., 1903. С. 212–233.

Гессен В.М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сборник статей. СПб., 1903. С. 107–144.

Шершеневич Г.Ф. История философии права. Вып. 1. Казань, 1904.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907 (Совр. изд. — СПб., 2000).

Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. СПб., 1907.

Ивановский В.В. Учебник государственного права. (I. Введение в общее учение о государстве. II. Конституционное право современных государств. III. Русское государственное право). Казань, 1908.

Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908.

Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М., 1908. (Совр. изд.)

Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I. Конституционное право. Спб., 1908; Т. II. Административное право. Спб., 1910.

Гредескул Н.А. Общая теория права. Спб., 1909.

Новгородцев П.П. Введение в философию права. II. Кризис современного правосознания. М., 1909.

Спекторский Е.В. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава, 1910.

Спекторский Е.В. Государственное право общее и иностранное. Варшава, 1910.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. М., 1910–1911. (Совр. изд — М., 1995).

Рейснер М.А. Государство. Часть I. Культурно-исторические основы. М., 1911.

Нольде В.Э. Очерки русского государственного права. Спб., 1911.

Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. М., 1911.

Елистратов А.И. Государственное право. М., 1912.

Савальский В.А. Государственное право общее и русское. Ч. I. Варшава, 1912.

Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912 (1-е изд.: 1908 — Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права). (Соврем. изд. — М., 2004).

Гессен В.М. Общее учение о государстве. Спб., 1912.

Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912.

Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. (Совр. изд. — Спб., 1999).

Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.

Хвостов В.М. Общая теория права. М., 1914.

Михайловский И.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Юрьев, 1915.

Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. М., 1915.

Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. (Место?), 1915. (Совр. изд. — Спб., 2001).

Тарановский Ф.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Юрьев, 1915.

Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1915. (Совр. изд. — М., 2006).

Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Петроград, 1916.

Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917 (Совр. изд. — Спб., 2001).

Литература по проблемам методологии
государствоведения и истории философии права

Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862.

Жуковский Ю. [Рецензия на книгу А. Стоянова] // Современник. Т. ХСVI. Спб., 1863.

Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869 (Введение).

Стронин А. История и метод. Спб., 1869.

Сергеевич В.И. Задача и методы государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871.

Нелидов Н.К. Наука о государстве как предмет высшего специального образования // Временник Демидовского юридического лицея. Книга третья. Ярославль, 1872. С. 115–219.

Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т. VII. Спб., 1879.

Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880.

Алексеев А.С. Задача и методы истории политических теорий // Юридический вестник. Т. III. 1880. С. 465–485. (Совр. изд. — М., 2003).

Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.

Ключевский В.О. Методология русской истории [1884–1885] // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 1886. (Совр. изд. — Ростов-на-Дону, 1995).

Романович-Славатинский А.В. Система русского государственно-го права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев–Спб., 1886.

Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. Спб., 1889.

Виппер Р.Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. СПб., 1896.

Залесский В.Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань, 1897.

Ранненкамф Н.К. Юридическая энциклопедия. 2-ое исправ. изд. Киев — СПб., 1898.

Ковалевский М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899.

Вальденберг В.Э. История политических учений, как наука // Право. 1901. № 9. Стб. 463–473.

Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Часть I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. (Совр. изд. — М., 2002).

Новгородцев П.И. О задачах современной философии права [1902] // *Новгородцев П.И.* Сочинения. М., 1995.

Залесский В.Ф. Лекции истории философии права. Казань, 1902.

Тарановский Ф.В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. Варшава, 1902.

Ковалевский М.М. Понятие генетической социологии и ее метод [1905] // *Ковалевский М.М.* Социология. В 2 т. Т. I. СПб., 1997.

Горбунов А. Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. I. Часть историческая. Вып. 1. М., 1906.

Васильев Н.С. Введение в государствоведение. Казань, 1906.

Истрин В.М. Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX века. Вып. I. СПб., 1907.

Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1908.

Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1909. (Совр. изд. — СПб., 1998).

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Ч. I. СПб., 1910.

Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912.

Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. (Гл. XIII. Методология юридических наук).

Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. М., 1912.

Рождественский А. Основы общей теории права. СПб., 1912.

Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914.

Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.

Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Петроград, 1916.

Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. I. Историка. 2-е изд. Петроград, 1916.

Приложение 3

Биографические данные авторы работ по истории философии права XIX — начала XX веков¹

Алексеев Александр Семенович (1851–1916)

Окончил юридический факультет Московского университета (1873).

Во второй половине 70-х годов был в длительной научной командировке за границей. С 1879 г. читал в Московском университете курс лекций по истории политических учений. С 1890 г. — ординарный профессор кафедры государственного права (после защиты докторской диссертации). С 1900 по 1909 г. — декан юридического факультета Московского университета. С 1911 г. — в отставке.

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964)

Учился на юридическом факультете Московского университета, с которого был исключен в 1907 г. за участие в революционной деятельности. Позднее университет удалось закончить, и с 1912 г. читал лекции в качестве приват-доцента на кафедре философии. С 1916 г. — профессор юридического факультета Московского университета. В 1918 г. — профессор Таврического университета в Симферополе. После этого в эмиграции.

Андреевский Иван Ефимович (1831–1891)

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1852). Оставлен работать на кафедре государственного права. С 1864 г. (после защиты докторской диссертации) — профессор юридического факультета. 1883–1886 гг. — ректор Санкт-Петербургского университета.

¹ Автору данной книги, к сожалению, не удалось отыскать никаких биографических данных некоторых авторов-историков философии права, работы которых упоминаются и анализируются (Кузнецов К.А. (Одесса), Потапов Н., Сватиков С.Г., Ярош К.Н. (Харьков), Бошко В.И., Васильковский Е.В., Владимирский-Буданов М.Ф.). По некоторым авторам отсутствуют важные биографические данные — (Свешников М.И., Сперанский В.Н., Жилин А.А., Горбунов А.В., Гредескул Н.А., Ивановский В.В. (Казань), Куплеваский Н.О. (Харьков), Савальский В.А., Щеглов Д.Ф.). Автор книги будет очень благодарен читателям, которые могли бы восполнить эти пробелы и сообщить ему дополнительную информацию, а также указать на неточности, которые могут содержаться в приведенных биографических данных.

Бершадский Сергей Александрович (1850–1896)

Окончил юридический факультет Новороссийского университета (1872). С 1876 г. — преподаватель философии права в Петербургском университете. С 1883 г. (после защиты диссертации) — штатный доцент по кафедре энциклопедии и философии права; с 1884 — экстраординарный профессор Петербургского университета.

Блок Александр Львович (1852–1909)

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1875). С 1880 г. заведующий кафедрой государственного права Варшавского университета.

Вальденберг Владимир Евграфович (Эдуардович) (1871 — начало 1930-х)

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1892). В 1900 г. защитил диссертацию «Закон и право в философии Гоббса». До 1917 г. — на преподавательской работе. В 1918–1924 г. заведовал архивом Петербургского университета. В 1924–1928 г. — ученый секретарь библиотеки Академии наук. В конце 1928 г. подвергался аресту.

Васильев Николай Семенович (1800–1845)

Окончил нравственно-политическое отделение Московского университета (1816). Магистр нравственно-политических наук (1826). В 1833–1845 г. — профессор, одновременно в 1834–1835 гг. — декан отделения нравственно-политических наук Московского университета. В 1836–1838 г. — декан юридического факультета этого университета.

Васьковский Евгений Владимирович (1866 — после 1928)

Окончил юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. Затем преподавал в этом университете гражданское право в качестве приват-доцента, позже — профессора. В 1906–1909 гг. — проректор университета. Отстранен от должности в связи с неприятием репрессивных правительственных мер, направленных против университетов.

Вишпер Роберт Юрьевич (1859–1954)

Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1880). Работал профессором в ряде университетов: Новороссийском в Одессе (1894–1897), Московском (1897–1922, 1943–1950), Латвийском в Риге (1927–1938). В 1941–1943 гг. — профессор Среднеазиатского университета в Ташкенте. В 1943–1954 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. С 1943 г. — академик АН СССР.

Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838–1916)

Учился в тульской духовной семинарии и Киевской духовной академии. Окончил историко-филологический факультет Университета Св. Владимира в Киеве (1864). В 1869 г. защитил магистерскую диссертацию. Затем в течение года — в научной командировке по России и за границей. С 1870 г. преподавал историю русского права в Ярославском юридическом лицее. В 1874 г. защитил докторскую диссертацию и начал преподавать в Университете Св. Владимира в Киеве. С 1882 г. — главный редактор киевской временной комиссии по разбору древних актов.

Водовозов Василий Васильевич (1864–1933)

Учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Петербургского университета. В 1887 г. выслан на 5 лет в Архангельскую губернию. После ссылки сотрудничал в различных периодических и энциклопедических изданиях, читал публичные лекции. С 1926 г. — в эмиграции.

Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926)

Окончил юридический факультет Московского университета (1870). В 1873–1874 г. учился за границей. В 1880 г. защитил магистерскую диссертацию. С конца 1880 г. — доцент Новороссийского университета в Одессе. 1884–1899 гг. преподавал в Московском университете. С 1899 по 1906 г. — за границей (один из основателей Высшей школы общественных наук в Париже, профессор Вольного университета в Брюсселе). С 1906 г. работал на кафедре гражданского права Петербургского политехнического института.

Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920)

Окончил Новороссийский университет в Одессе. С 1896 г. преподавал в Петербургском университете историю и теорию государственного права. С 1910 г. (после защиты диссертации) — профессор по кафедре государственного права этого университета. В 1907 г. избран депутатом II Государственной Думы.

Горбунов Александр Владимирович (1867–)

Окончил юридический факультет Московского университета. Доцент Варшавского университета по кафедре полицейского права. Активно сотрудничал в различных журналах.

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889)

Окончил юридический факультет Харьковского университета (1862). Затем переехал в Петербург, где защитил в университете в 1866 г. магистерскую, а в 1868 г. докторскую диссертации. С 1866 г. читал лекции в Петербургском университете: в качестве до-

цента (1867), экстраординарного (1869) и ординарного профессора по кафедре государственного права.

Гредескул Николай Андреевич (1865–1941)

Приват-доцент, затем профессор Харьковского университета и Петербургского политехникума. В советское время преподавал в ленинградских вузах.

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919)

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1880). В 1889–1904 г. работал доцентом, профессором истории русского права в Дерптском (Юрьевском) университете. С 1905 г. избран ординарным профессором в Петербургском политехническом институте. В 1907–1912 г. преподавал в Петербургском университете. С 1909 г. — экстраординарный, а с 1912 г. — ординарный академик Петербургской Академии наук. С октября 1916 г. — член Государственного совета. В 1917–1919 г. — сотрудник библиотеки Академии наук.

Елистратов Аркадий Иванович (1873–1955)

Окончил юридический факультет Казанского университета (1896). С 1898 г. — доцент Казанского университета. В этом университете в 1906 г. защитил магистерскую, а 1909 г. — докторскую диссертацию. С 1909 г. приват-доцент, с 1909 г. экстраординарный профессор, а 1910 г. — ординарный профессор Московского университета. В 1911–1913 г. — проректор этого университета. В 1918–1920 г. преподавал в Таврическом университете в Симферополе. В 1921–1928 г. преподавал в Московском университете, затем вышел на пенсию.

Жилин Александр Алексеевич (1880– ?)

Окончил юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве. Профессор этого университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Направлялся в научную командировку за границу, где работал под руководством Г. Еллинека.

Жуковский Юлий Галактионович (1833–1907)

Окончил Императорское училище правоведения в Петербурге (1853). Состоял на государственной службе и занимался литературным трудом. В 60–80-е годы активно сотрудничал в «Современнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы». В 1889–1894 г. был управляющим Государственного банка России.

Залесский Владислав Францевич (1861–1922)

Окончил физико-математический факультет Казанского университета (1885). В 1889 г. в Новороссийском университете получил степень доктора политической экономии. С 1893 г. преподавал в

Казанском университете энциклопедию и историю философии права; в 1900 г. назначен экстраординарным, а в 1901 г. — ординарным профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права.

Зверев Николай Андреевич (1850–1917)

Окончил юридический факультет Московского университета (1873). С 1875 г. преподавал в Московском университете. В 1883 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1884 г. — экстраординарный, а с 1889 г. — ординарный профессор этого университета по кафедре энциклопедии и истории философии права. В 1885–1887 г. — в научной командировке за границей. В 1898 г. — ректор Московского университета и товарищ министра народного просвещения. В период его ректорства было организовано Общество любителей российской словесности. С 1901 г. занимал ряд высокопоставленных должностей в министерствах, был сенатором (1901). Принимал активное участие в съездах правых профессоров. В 1902–1905 г. возглавлял Главное управление по делам печати. С 1908 г. — профессор Императорского училища правоведения в Петербурге. В 1909–1917 г. — член Государственного совета.

Иванов Иван Иванович (1862–1929)

Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886). В 1895 г. защитил магистерскую, а в 1901 г. — докторскую диссертацию. В 1905 г. избран экстраординарным, а с 1907 г. — ординарным профессором Новороссийского университета в Одессе. В 1907 г. назначен директором историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине.

Иванов-Разумник (Иванов Разумник Васильевич) (1878–1946)

Учился на математическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета. В 1901 г. арестован, а в 1902 г. выслан из Петербурга за участие в студенческой демонстрации. Позднее занимался литературным трудом, активно сотрудничал в различных журналах.

Ивановский Виктор Викторович (1854–)

Окончил юридический факультет Казанского университета (1878). Оставлен преподавать в университете. В 1882 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1883–1885 г. — в научной командировке за границей. В 1886 г. после защиты докторской диссертации назначен профессором по кафедре государственного права.

Казанский Петр Евгеньевич (1866–1947)

Закончил юридический факультет Московского университета (1891). С 1893 г. — приват-доцент международного права в Казанском университете. В 1895–1896 гг. — научная командировка за границы. В 1896 г. защитил магистерскую, а 1897 г. — докторскую диссертации. С 1896 г. — экстраординарный, с 1897 г. — ординарный профессор, а с 1908 г. — декан юридического факультета Новороссийского университета в Одессе.

Калмыков Петр Давыдович (1808–1860)

С 1827 г. учился в Петербургском, а в 1828–1829 г. — Дерптском университетах. Затем до 1834 г. обучение за границей. С 1835 г. — экстраординарный, а с 1837 г. — ординарный профессор Петербургского университета. Возглавлял кафедру энциклопедии законовещения и русского гражданского права. Одновременно в 1830–1840-х гг. преподавал в ряде учебных заведений Петербурга. С 1855 г. — декан юридического факультета Петербургского университета.

Камбуров Вячеслав Георгиевич (1874–1906)

Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве, где с 1900 г. начинает преподавательскую деятельность. В 1901–1903 гг. — в научной командировке за границы. С августа 1903 г. — экстраординарный профессор по кафедре энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Томского университета.

Капустин Михаил Николаевич (1828–1899)

Окончил юридический факультет Московского университета (1849). В 1852–1856 г. преподавал в Московском университете (с 1855 г. — в должности экстраординарного профессора). В 1856–1859 г. — в научной командировке за границы. С 1862 г. снова преподавал в Московском университете. С 1870 г. — директор Демидовского лицея в Ярославле. С 1883 г. — попечитель Дерптского, а с 1890 г. — Петербургского учебных округов.

Каченовский Дмитрий Иванович (1827–1872)

Окончил юридический факультет Харьковского университета (1847). В 1857–1859 г. — в научной командировке за границы. В 1855 г. защитил докторскую диссертацию. С 1859 г. — ординарный профессор Московского университета.

Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920)

Учился в университете Св. Владимира в Киеве, в Харьковском, Дерптском, Берлинском и Страсбургском университетах.

В 1898 г. в Германии защитил докторскую диссертацию по философии. В 1901–1906 г. работал в Гейдельбергском университете в Германии. В 1909–1911 г. читал лекции по праву на юридическом факультете Московского университета; в 1911–1914 г. — в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. В 1917 г. был избран профессором государственного права, а с 1917 г. — профессор, затем (1918) — ректор Киевского университета. С 1919 г. — академик Украинской Академии наук.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916)

Окончил юридический факультет Харьковского университета (1872). Направлялся в длительную научную командировку за границу. С 1877 г. начал преподавать на юридическом факультете Московского университета. В 1878 по 1887 г. — профессор по кафедре государственного права.

В 1883, 1885 и 1887 гг. совершил три этнографические экспедиции на Кавказ.

С 1887 по 1905 г. находился за границей, где занимался научной и преподавательской деятельностью в разных странах. В 1899 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

После возвращения в Россию в 1905 г. преподавал в Петербургском университете и других вузах Петербурга. В 1906 г. создал либеральную партию демократических реформ. Член I Государственной Думы. С 1907 г. — член Государственного совета. С 1914 г. — действительный член Петербургской Академии наук.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918)

Окончил юридический факультет Московского университета (1893). Направлялся в зарубежную научную командировку (Германия, Франция).

После защиты магистерской диссертации (1899) преподавал на юридическом факультете Московского университета по кафедре государственного права. С 1898 г. — приват-доцент, затем профессор этого университета.

В 1911 г. оставил университет и занялся политической деятельностью. Один из основателей конституционно-демократической партии, входил в ее ЦК. Член I Государственной Думы.

В марте 1917 г. возглавил юридическое совещание при Временном правительстве, а в мае 1917 г. возглавил особое совещание по разработке положения о выборах в Учредительное собрание. Во 2-м коалиционном Временном правительстве (июль-август 1917 г.) занимал должность государственного контролера.

Коркунов Николай Михайлович (1853–1904)

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1874). С 1876 г. — преподавал государственное право в Военно-юридической академии и в Петербургском университете. В 1893 г. защитил магистерскую диссертацию в Юрьевском университете, а в 1894 г. — докторскую диссертацию в Петербургском университете. В 1895–1899 гг. — ординарный профессор кафедры государственного права Петербургского университета. В связи с тяжелой болезнью вынужден был оставить преподавательскую деятельность.

Корф Сергей Александрович (1876–1924)

Окончил Императорское училище правоведения (1898). Приват-доцент, затем (с 1905 г.) — профессор русского государственного права Гельсингфорского (Александровского) университета. После 1917 г. — в эмиграции. С 1918 г. — профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке. Председатель русской академической группы в США.

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939)

Окончил историко-филологический (1897) и юридический (1907) факультеты Московского университета. С 1899 г. — приват-доцент. В этом же университете защитил магистерскую (1902) и докторскую (1904) диссертации по историческим наукам. Затем перешел на юридический факультет, где также защитил сначала магистерскую (1908), а затем докторскую (1910) диссертации. С 1911 по 1917 г. — ординарный профессор государственного права юридического факультета Московского университета. В 1917 г. занимал ряд государственных должностей во Временном правительстве. С 20-х гг. — на преподавательской и консультативной работе. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Коялович Михаил Осипович (1828–1891)

Окончил Петербургскую духовную академию (1855), где преподавал с 1856 г. С 1857 г. до конца жизни — на кафедре русской гражданской истории этой академии. В 1869–1891 гг. — заведующий этой кафедрой. Одновременно исполнял должность инспектора С.-Петербургской духовной академии (1874–1878), член академического правления (1884–1891).

Куплеваский Николай Осипович (1847-ок.1917)

Профессор Харьковского университета по кафедре государственного права. Затем переехал в Петербург на государственную службу и одновременно преподавал в Императорском училище правоведения курс государственного права. Один из учредителей Всероссийского национального союза — консервативно-монархической партии (1908–1917).

Ладыженский Александр Михайлович (1891–1972)

Окончил юридический факультет Московского университета (1914). Затем на преподавательской работе в Московском университете. Доктор юридических наук (1947). Профессор кафедры международного права юридического факультета Московского университета (1949–1952).

Лазаревский Николай Иванович (1868–1921)

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1892). С 1898 г. — один из ответственных редакторов журнала «Право». С 1905 г. — приват-доцент, затем — профессор этого университета. Одновременно — профессор государственного права на Высших женских курсах. Сенатор. Член поместного Собора Русской православной церкви (1917–1918). Председатель юридического совещания при Временном правительстве (1917). В 1921 г. — проректор Петроградского университета, профессор института народного хозяйства и института экономических исследований. Расстрелян ЧК.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919)

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1886). С 1890 г. (после защиты магистерской диссертации) — приват-доцент по русской истории Петербургского университета. С 1906 г. читал курс по методологии истории. В 1899 г. избран в качестве адъюнкта в Академию наук, затем экстраординарным (1902) и ординарным академиком. С 1916 г. — первый Президент Русского социологического общества.

Милюков Павел Николаевич (1859–1843)

Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). В университете был учеником В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1886–1895 гг. преподавал в Московском университете и на Высших женских курсах. В 1897–1899 гг. занимался научной и преподавательской деятельностью за границей. После возвращения в Россию стал принимать активное участие в оппозиционной политической деятельности. В 1905 г. — один из основателей конституционно-демократической партии, с марта 1907 г. — председатель ЦК этой партии. Член I, III и IV Государственной думы. С трибуны Думы неоднократно резко критиковал правительство. После свержения монархии в России в марте 1917 г. вошел в состав первого Временного правительства в качестве министра иностранных дел. С ноября 1918 г. — в эмиграции, где занимался политической и научной деятельностью.

Михайловский Иосиф Викентьевич (1867–1921)

Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве (1889). С 1904 г. — преподавал в Томском университете сначала в должности экстраординарного профессора по кафедре полицейского права, затем на кафедре энциклопедии и истории философии права. С 1907 г. — ординарный профессор.

Неволин Константин Алексеевич (1806–1855)

Окончил Московскую духовную академию (1827). В 1828–1832 гг. обучался праву сначала в Петербургском университете, затем за границей (в Берлине слушал лекции у Гегеля и Савиньи).

В 1835 г. защитил докторскую диссертацию. В 1836 г. избран ординарным профессором Петербургского университета. Затем работал в Киеве, где в 1837–1843 гг. — ректор университета Св. Владимира.

С 1843 г. преподавал в Петербургском университете. В 1853 — член-корреспондент Академии наук.

Нелидов Николай Константинович (1832–1888)

Окончил юридический факультет Казанского университета (1856). В 1857–1858 гг. работал преподавателем в гимназиях. В 1860–1863 гг. — ученый секретарь юридического факультета Казанского университета. С 1869 г. — доцент по кафедре государственного права этого университета. С 1870 г. — экстраординарный профессор по кафедре государственного права Демидовского юридического лицея. В 1884 г. защитил докторскую диссертацию в Казанском университете, после чего был там же утвержден на должность ординарного профессора по кафедре государственного права. В 1883–1886 гг. — декан юридического факультета Казанского университета. В 1886 г. ушел на пенсию по болезни.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924)

Окончил юридический факультет Московского университета (1888), после чего оставлен для подготовки к профессорскому званию. Более четырех лет провел в научной командировке за границей.

С 1896 г. — приват-доцент, с 1903 г. — экстраординарный, а с 1904 г. — ординарный профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права Московского университета. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию в Петербургском университете. После увольнения из Московского университета по политическим мотивам, в 1913–1918 гг. занимал должность ректора Московского высшего коммерческого института.

С 1905 г. — один из основателей конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Депутат I Государственной Думы. Недолго преподавал в Московском университете в 1917 г. С 1920 г. — в эмиграции.

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948)

Окончил юридический факультет Петербургского университета.

С 1905 г. преподавал в различных высших учебных заведениях. С 1907 г. — на государственной службе. Член ЦК партии кадетов. В 1917 г. недолго читал лекции в Петербургском университете. Затем в эмиграции.

Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920)

Учился в Петербургском (1871–1873) и Новороссийском в Одессе (1873–1876) университетах. С 1883 г. преподавал в Новороссийском университете. С 1887 г. после получения степени доктора — экстраординарный профессор Казанского университета, а с 1888 г. — ординарный профессор Харьковского университета.

Палиенко Николай Иванович (1869–1937)

Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве (1892). В 1899–1900 г. — приват-доцент, в 1903–1906 г. — профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле по кафедре энциклопедии права. С 1906 г. — в Харьковском университете. С 1918 г. преподавал в различных вузах Харькова. В 1930–1937 гг. заведовал кафедрой государственного права АН УССР.

Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931)

Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве, затем до 1897 г. продолжал образование в Берлине. В 1897 г. защитил докторскую диссертацию. С 1898 по 1917 г. заведовал кафедрой энциклопедии и истории философии права Петербургского университета и возглавлял популярный в университете студенческий научный кружок, воспитавший крупнейших российских обществоведов — П. Сорокина, Г. Гурвича, Н. Тимашева, Н. Кондратьева и др.

Депутат I Государственной Думы, член ЦК партии кадетов. В 1918 г. возглавил кафедру социологии Варшавского университета.

Пилянкевич Николай Иванович (1819–1856)

Окончил университет Св. Владимира в Киеве (1839). В 1841 г. — профессор гражданских законов в Нежинском лицее кн. Безбородко. 1842–1846 гг. — научная командировка в Германию, Францию и Англию. В 1846–1856 гг. преподавал в университете Св. Владимира в Киеве по кафедре энциклопедии права и законоведения.

Платонов Иван Васильевич (1803–1890)

Окончил Московскую духовную академию (1829). В 1831–1834 гг. — в научной командировке в Берлине. С 1835 г., после

сдачи экзамена в Петербургском университете на степень доктора, преподавал в Харьковском университете. В 1837 г. — экстраординарный, а с 1838 г. — ординарный профессор кафедры благоустройства и благочиния государственного в Харьковском университете. В 1856 г. уволен со службы в университете за выслугой лет.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918)

С 1874 по 1877 г. учился в Петербургском горном институте. Оставил институт в связи с активным участием в революционном движении. Участвовал в революционной демонстрации у Казанского собора Петербурга 6 декабря 1876 г. В 1879 г. после раскола «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел» возглавил «Черный передел».

В январе 1880 г. эмигрировал за границу в Швейцарию, где находился до февраля 1917 г.

В 1883 г. создал первую Российскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». С 1889 г. активно участвовал в работе II Интернационала. Один из основателей Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Весной 1917 г. вернулся в Россию. Умер в Финляндии.

Пыпин Александр Николаевич (1833–1904)

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1853). Оставлен при университете. В 1857–1860 гг. — в научной заграничной командировке, затем экстраординарный профессор историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1861 г. вышел в отставку. Занимался литературной и публицистической деятельностью.

В 1891 г. избран в Академию наук; с 1898 г. — ординарный академик.

Редкин Петр Григорьевич (1808–1891)

Окончил гимназию (лицей) кн. Безбородко в Нежине и нравственно-политическое отделение Московского университета (1828). Продолжил обучение в Дерптском университете (до 1830), а затем (до 1834 г.) — в Берлинском университете, где слушал лекции виднейших немецких ученых, в т.ч. Гегеля. С 1835 г. — экстраординарный, а с 1837 г. — ординарный профессор Московского университета (до 1848 г.). До 1863 г. — министерский чиновник. В 1863 г. вновь вернулся к преподаванию в качестве ординарного профессора кафедры энциклопедии права Петербургского университета. В 1873–1876 гг. — выборный ректор университета. В 1878 г. после увольнения из университета вновь перешел на государственную службу.

Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928)

Окончил юридический факультет Варшавского университета (1892). В 1893–1896 гг. — на преподавательской работе. В 1896 г. после защиты магистерской диссертации в университете Св. Владимира в Киеве был направлен в двухгодичную научную командировку в Гейдельберг (Германия). С 1899 г. — профессор по кафедре государственного права Томского университета. С 1907 г. преподавал в Петербургском университете (приват-доцент).

В 1922–1926 гг. — зав. кафедрой теории права факультета общественных наук и факультета советского права Московского университета.

Ренненкампф Николай Карлович (1832–1899)

Учился на юридическом факультете лицея кн. Безбородко в Нежине, затем учился и окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве (1855). С 1856 г. преподавал в этом университете. С 1862 г. — экстраординарный, а с 1863 г. — ординарный профессор. Ряд лет был ректором университета Св. Владимира в Киеве.

Рождественский Алексей Андреевич (1869–после 1914)

Окончил юридический факультет Московского университета (1897), после чего оставлен при университете. С 1908 г. — приват-доцент по кафедре энциклопедии и истории философии права. В 1913 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1914 г. — профессор Демидовского юридического лицея по кафедре истории русского права (сохраняя при этом должность приват-доцента Московского университета).

Романович-Славатинский Александр Васильевич (1832–1910)

Профессор университета Св. Владимира в Киеве.

Савальский Владимир Александрович (1873–1915)

Магистр государственного права Московского университета. Профессор Варшавского университета.

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942)

Учился на юридическом факультете Петербургского университета, откуда в 1899 г. исключен за участие в студенческих волнениях. Продолжил образование за границей; в 1904 г. в Гейдельберге (Германия) защитил философскую диссертацию. В 1905 г. вернулся в Россию, где получил юридический диплом и работал в судебных органах. В 1915–1917 гг. преподавал на Бестужевских женских курсах. Летом-осенью 1917 г. — комиссар Временного правительства за границей. В 1919 г. — сотрудник Особого совещания при ген. А.И. Деникине. С февраля 1920 г. — в эмиграции.

Свешников Митрофан Иванович (1862-?)

Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1886–1888 гг. учился и работал за границей. В 1888–1889 гг. — приват-доцент Петербургского университета. Преподавал также в других учебных (в том числе и военных) заведениях Петербурга.

Сергеевич Василий Иванович (1832–1907)

Окончил юридический факультет Московского университета (1858). В 1862–1865 гг. находился в научной командировке за границей (Германия, Австрия). С 1868 г. — преподаватель государственного права в Московском университете. С 1871 — профессор Московского, а с 1872 г. — Петербургского университетов (кафедра истории русского права). В 1888–1897 гг. — декан юридического факультета, а в 1897–1899 гг. — ректор Петербургского университета.

Сокольский Владимир Викторович (1848-после 1895)

Окончил юридический факультет Дерптского университета (1868). В 1868–1869 гг. — в зарубежной научной командировке. С 1869 г. — приват-доцент университета Св. Владимира в Киеве. В 1871 г. здесь же защитил магистерскую, а 1874 г. — докторскую диссертации. С 1874 г. — экстраординарный, а с 1875 г. — ординарный профессор Демидовского юридического лицея. С 1885 г. преподавал в Новороссийском университете в Одессе.

Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951)

Окончил Варшавский университет (1898). В 1901–1903 гг. — в научной командировке за границей. Профессор (1913), декан и ректор (1918) Киевского университета. Попечитель Киевского учебного округа и товарищ главноуправляющего народного просвещения в администрации А.И. Деникина. С 1920 г. — в эмиграции. Профессор Белградского, затем Люблянского университетов. Член Сербской Королевской академии, Болгарской академии наук и Славянского института в Праге. С 1947 г. до кончины — профессор Св. Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке.

Сперанский Валентин Николаевич (1877-?)

Окончил Московский университет. С 1903 г. — приват-доцент Петербургского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права.

Стоянов Андрей Николаевич (1831–1907)

Окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1862 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1863–1865 гг. — в

научной командировке за границей. С 1876 по 1886 гг. был деканом юридического факультета Харьковского университета, где до 1885 г. занимал кафедру истории законодательства.

Стронин Александр Михайлович (1826-1889)

Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. За участие в народническом движении был сослан на несколько лет в Сибирь. После ссылки служил в Министерстве путей сообщения, одновременно много писал, в том числе и объемные трактаты на обществоведческие темы.

Тарановский Федор Васильевич (1875–1936)

Окончил юридический факультет Варшавского университета (1892), после чего оставлен при университете. С 1899 г. — доцент по кафедре энциклопедии и истории философии права. В 1905 г. в Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию. В 1906–1908 гг. — профессор Демидовского юридического лицея. С 1908 . — экстраординарный, а с 1911 г. (после защиты докторской диссертации в Петербургском университете) — ординарный профессор Юрьевского университета по кафедре истории русского права. Одновременно, с 1912 г. — приват-доцент Петербургского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права.

В 1918–1919 гг. — профессор Екатеринославского университета. С 1920 г. — в эмиграции.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920)

Окончил юридический факультет Московского университета (1885). С 1886 г. — приват-доцент Демидовского юридического лицея в Ярославле. Затем с 1892 г. — в университете Св. Владимира в Киеве. С 1897 г. — экстраординарный, с 1906 г. — ординарный профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права.

В 1916–1917 гг. — член Государственного Совета.

Фатеев Аркадий Николаевич (1872–1952)

Окончил юридический факультет Харьковского университета (1896), после чего оставлен на кафедре энциклопедии права и истории философии права. С 1900 г. — приват-доцент. В 1901–1902 гг. — в научной командировке за границей. До 1920 г. — профессор Харьковского университета. Затем — в эмиграции.

Франк Семен Людвигович (1877-1950)

Учился на юридическом факультете Московского университета. В 1899 г. за участие в марксистских кружках арестован и сослан.

Вскоре после этого выехал за границу в Германию. В 1912 г. после сдачи магистерского экзамена стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1915 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1917 г. назначен деканом историко-филологического факультета Саратовского университета, а в 1921 г. возглавил кафедру философии Московского университета. В 1922 г. выслан из России. Сначала жил и работал в Германии, с 1930 г. — во Франции, а с 1945 г. — в Лондоне.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920)

Окончил юридический факультет Московского университета (1889). В 1898 г. там же защитил докторскую диссертацию. С 1899 г. — экстраординарный, а 1901 г. — ординарный профессор Московского университета по кафедре римского права. В 1911 г. подал в отставку. После 1917 г. вновь преподавал в Московском университете.

Хлебников Николай Иванович (1840–1880)

Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал государственное право в Варшавском университете, затем был профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права в университете Св. Владимира в Киеве.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904)

Окончил юридический факультет Московского университета (1849). В 1856 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1858 по 1861 г. — в научной командировке за границей. С 1861 г. — экстраординарный, а с 1865 г. — ординарный профессор Московского университета по кафедре государственного права. В 1866 г. защитил докторскую диссертацию. В 1868 г. вышел в отставку в знак протеста против нарушений университетского устава. В 1882–1883 гг. — Московский городской голова. После отставки до конца жизни жил в своем поместье Караул, где занимался научной и литературной работой.

Шалланд Лев Адамирович (1870–1919)

Окончил юридический факультет Петербургского университета. Потом работал в Женевском и Гейдельбергском университетах. В последнем получил степень доктора философии. С 1901 г. — приват-доцент, а с 1913 г. — ординарный профессор юридического факультета Петербургского университета. С 1904 г. руководил кафедрой государственного права Юрьевского университета. В 1918–1919 гг. — первый декан юридического факультета Воронежского университета.

Шершеневич Гавриил (Габриэль) Феликсович (1863–1912)

Окончил юридический факультет Казанского университета (1885).

В 1888 г. начал преподавательскую деятельность. В том же году в Московском университете защитил магистерскую, а в 1891 г. в Казанском университете докторскую диссертации. С 1892 г. — экстраординарный, а с 1895 г. — ординарный профессор Казанского университета. С 1906 по 1911 гг. преподавал в Московском университете и ряде московских вузов.

Депутат I Государственной Думы.

Щеглов Владимир Георгиевич (1854 — после 1914)

Окончил Казанский университет, где в 1883 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1882–1886 гг. (с перерывами) находился в научной командировке за границей. В 1896 г. в Харьковском университете защитил докторскую диссертацию. С 1885 по 1913 г. преподавал в Демидовском юридическом лицее. В 1905 г. и в 1909–1910 гг. — директор лицея.

Щеглов Дмитрий Федорович (?–1902)

Окончил Петербургский главный педагогический институт. Состоял директором гимназий в Новочеркасске и Одессе.

Яценко Александр Семенович (1877–1934)

Окончил юридический факультет Московского университета (1900). В 1905–1907 гг. — в научной командировке за границей. В 1907 г. — приват-доцент Московского университета. С 1909 по 1916 гг. — сначала приват-доцент, затем профессор Юрьевского, Петербургского (с 1913 г.) и Пермского университетов. После 1917 г., находясь в научной командировке за границей, отказался возвращаться на родину. С 1924 г. — профессор и заведующий кафедрой международного права юридического факультета Каунасского университета.

Приложение 4

Забывшие тексты XIX — начала XX века по истории философии права¹ (краткая хрестоматия отечественных авторов)

1. Калмыков П.Д. Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб, 1845 (рукописное издание).
2. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889.
3. Коркунов Н.М. История философии права. Изд. 3-е. СПб., 1903.
4. Вишпер Р.Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. СПб., 1896.
5. Вальденберг В.Э. История политических учений, как наука // Право. 1901. № 9.
6. Фатеев А.Н. История общих учений о праве и государстве. Элементарное пособие к лекциям. Вып. I. Харьков, 1908.

1. КАЛМЫКОВ П.Д.

Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб, 1845 (рукописное издание)

«Историческая часть Энциклопедии Законоведения есть изложение постепенного развития общих, коренных истин права, от первого их обнаружения до настоящего выражения в современных юридических памятниках ... Она показывает, как эти истины возникали, совершенствовались, развивались и достигли настоящего значения.

Историческая часть Энциклопедии Законоведения отличается от Догматической только своим изложением, ибо эта последняя есть систематическое изложение тех же общих, основных истин права, но только в том виде, в каком они в настоящее время сознаются учеными.

С первого взгляда кажется, что в выражении «Историческое развитие общих истин права», заключается большое противоречие тому, что эти истины суть общие, коренные, вечные, неизменные, независимые от произвола законодателей. История же представляет собой ряд событий, ряд перемен, следовательно, и непреложные истины права, имея свою историю, так же должны беспрестанно переменяться. Это

¹ В данный раздел включены фрагменты текстов, опубликованных в 1845–1908 гг., но на сегодняшний день не имеющих современных переизданий.

кажется прямо противоречит их сущности. Но углубляясь внимательно, мы убеждаемся, что здесь нет противоречия. Общие истины права не суть положительные Законы, это суть логические, духовные силы нравственного мира, они развиваясь, уясняясь в сознании членов государства и чрез то иногда изменяясь в форме своего проявления, но не в сущности, делаются основанием положительных законов... Но сознание может быть более или менее совершенное, совершенствуется мало по малу при содействии более или менее благоприятных обстоятельств. Следовательно, все здесь зависит от степени сознания. После этого понятно, что такое есть историческое развитие общих истин права: это есть ряд перемен в степени развития сознания, взгляда на общие, основные, коренные, неизменные, вечные истины права. Так как, это обнаружение общих истин права есть, ничто иное, как выражение степени сознания их членами того или другого государства, то оно, натурально, будет находиться под влиянием местности, климата, разных политических происшествий и других случайных обстоятельств, образования вообще и состояния философии, в особенности.

Историческое развитие общих истин права имеет два направления: развитие общих истин права 1) в сознании целого народа и его законодателей, обнаружившимся в положительных законах и учреждениях этого народа и 2) в сочинениях избранных мыслителей или философов. Первое направление можно назвать практическим, ибо тут сознание общих истин права выражается в положительных законах, по мере случаев и нужд Государства. Здесь иногда целый народ ... делается творцом своих Законов, когда обычаи принимают силу законов; это есть понятие целого народа о вечных истинах права; но чаще это есть дело немногих в народе, и тогда являются письменные законы, издаваемые людьми, участвующими в правлении. В том и другом случаях, это есть выражение основных истин права в положительных законах. Второе направление называется теоретическим, ибо оно обнаруживается в литературных сочинениях мыслителей. Истины первого рода обеспечиваются властью юридическою и имеют законную, обязательную силу для всех; второго рода — результат философского размышления, не имеют обязательной юридической силы, потому что они не суть законы, а только основания законов. Бывает иногда, что то и другое направление ... находятся между собой во вражде, в противоречии: то, что признает и чему повинуетесь целый народ, опровергается мыслителем. Но такая противоположность в сознании есть явление случайное, которое возможно, но не необходимо. Напротив ..., между практическим и теоретическим направлением есть тесная связь, ...одно на другое имеет сильное влияние. В этом мы легко убедимся, если обратимся к юриспруденции того или другого из образованных народов и государств... Там мы увидим, как теория законодательства сильно дей-

ствует на положительные законы и наоборот положительные законы имеют великое влияние на теоретические истины.

Практическое направление выражает история положительного права; теоретическое направление — история философии права. Предметом нашего курса должна быть только история философии права. (История сознания мыслителей). Но так как она тесно связана с историей положительного права, то, следовательно, и эту последнюю нельзя оставить без внимания, без того многое из Истории Философии права будет непонятно». (Стр. 1–5).

2. РЕДКИН П.Г.

Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889.

«... Из практики наших судебных мест, вызываемых к новой жизни новыми уставами судопроизводства, и из науки права, признанной независимой, самостоятельной в себе самой и не отвлеченной уже, а практической в своих результатах.

При таком современном положении и нашей науки, энциклопедии не законоведения уже, а права, правоведения, преподаватель ее, удовлетворяющий в этом отношении современным требованиям, обязан раскрывать в ней не одно отечественное законодательство, эту малую частицу великого целого, но все право во всех его источниках, во всех его формах, фазисах и проявлениях, право, как единое целое, полное и жизни, и мыслей.

Далее, сравнивая прежний устав с новым, я упомянул, что прежний устав оставил неопределенным состав нашей науки, а в новом уставе именно говорится, что энциклопедия права состоит: 1) из энциклопедии юридических и политических наук и 2) из истории философии права.

Что касается первой составной части энциклопедии права, то существенное отличие ее от прежней энциклопедии законоведения заключается в том, что прежде в энциклопедии законоведения обзревались только науки юридические, а ныне энциклопедия права требует обозрения не одних юридических, но и политических наук, т.е. не одних наук, имеющих своим предметом право, а вообще всех наук, рассматривающих государственную политическую жизнь во всех отношениях.

Для полного объяснения этого различия опять припомним некоторые исторические данные.

До издания прежнего устава наш факультет назывался этико-политическим. Не будем разбирать этого названия: очевидно, что оно очень односторонне; в нем нет и помина о науках юридических, но

все же оно не так односторонне, как введенное прежним уставом название юридического факультета.

Науки политические или государственные могут в некотором, по крайней мере, отношении иметь и такой обширный смысл, что в их состав входят и науки юридические, ибо право, юридическая жизнь, входит в состав жизни государства вообще, есть одна из сторон жизни государственной, политической...

Прежний устав, назвав наш факультет юридическим, тем самым должен был исключить из него преподавание наук политических. Он и сделал это, сколько мог. Так, он отнес чисто политические науки — политическую экономию и статистику — не к юридическому, а к историко-филологическому факультету. Так, он, хотя и не мог все исключить из юридического факультета тех наук, которые имеют двойственный характер, будучи юридико-политическими науками, а именно: право государственное, финансовое, полицейское и международное, но он, как я показал прежде, по возможности стеснил их, предписав преподавать не право государственное, и проч., а законы, и тем лишил эти предметы всего того, что в науках права государственного, и проч., имеет общий политический характер. Наконец, назвав нашу науку энциклопедией законоведения, он тем как бы хотел сказать, что она должна обзрывать те науки, которые говорят о законах, следовательно науки юридические, а не те, которых предмет есть государственная, политическая жизнь вообще, государство вообще, следовательно не науки политические, так что по прежнему уставу энциклопедия законоведения была только энциклопедией юридических наук, а не политических вместе.

Отчего же такое гонение прежнего устава против наук политических и покровительство наукам юридическим, между тем как те и другие сами по себе столь же невинны, как невинна вообще всякая наука?

Тому две причины: ложный страх и более или менее верное соглашение со всем прежним направлением нашей — не скажу общественной, но государственной, т.е. правительственной жизни.

Науки политические тогда были признаваемы нашим правительством, как и большей частью прочих европейских правительств, весьма опасными для спокойствия государств. Употребление политических знаний смешивали тогда с их злоупотреблением по той простой причине, что часто видели их злоупотребление там, где было только их употребление. Всякие политические рассуждения были нетерпимы не только в книгах и повременных изданиях, но и в самых тесных кружках, в частной, семейной жизни.

Да и какое, в самом деле, можно было сделать тогда употребление из своих политических знаний, когда в благоустройстве нашего государства не было ни малейшего сомнения, когда все, казалось, было в совершенном порядке; когда извне смотрели на нас со страхом, смешанным с

благоговейным уважением, чужеземные правительства, завидуя прочности, твердости, непоколебимости наших государственных учреждений, нашему могуществу, обилию наших материальных сил; когда всякое малейшее участие в государственной деятельности обуславливалось чиновничеством, состоянием на государственной службе; когда правительственная централизация и бюрократия проникли не в политическую только, но и в гражданскую и даже в семейную жизнь; когда огромное большинство народа лишено было всех почти личных гражданских прав, а оставшая часть, более или менее привилегированная, отличалась не столько правами, сколько обязанностями?

В такое время изучение политических наук казалось излишним. Правительству нужны были только юристы и администраторы, и притом такие, которые выучили бы Свод законов с возможной подробностью буква в букву, а потом применяли бы законы также буква в букву, состоя на той или другой судебной и административной должности; нужны были подданные, которые бессознательно повиновались бы существующим законам, не смея отговариваться их неведением; нужны были и такие государственные мужи, которые могли бы заседать в высших правительственных установлениях и занимать высшие должности, будучи почти от рождения, по своим связям, посвященными во все тайны государственного законодательства и управления, или же долгой механической рутинной, которую величали опытностью, приобрели бы практически так называемые специальные сведения в том или другом роде, в качестве чиновников — тружеников, чернорабочих.

Но и в этом отношении жизнь быстро взяла верх над безжизненным механизмом. В юридическом факультете наших университетов преподавались не одни русские действующие законы, но юридические, юрико-политические и чисто политические науки. Сам факультет начал делиться на разряды: сперва на разряд юридических и камеральных наук, а потом последний разряд заменен был административным. Так что теперь, хотя в новом уставе и осталось прежнее название юридического факультета, но его дозволено подразделять на разряды, чем и воспользовался тотчас же наш факультет, разделившись на два прежние разряда с прежними хотя названиями — юридического и административного, но с новым понятием, именно, разумея под скромным названием разряда административных наук собственно разряд наук политических.

На такое значение административного разряда прямо уполномочивает нас сам же устав, введший в преподавание обновленную науку под названием энциклопедии юридических и политических наук, в том предположении, что ее следует изучать студентам и слушателям не только разряда юридических наук, но и разряда административных, т.е. политических наук.

Таким образом, сам закон теперь признает у нас опять науки политические, как предметы университетского преподавания, а с тем вместе признает и все то, что отсюда прямо выводится. Эти выводы имеют весьма важный практический смысл. Само правительство открывает возможность изучения наук, относящихся до всей государственной жизни, с тем, чтобы посредством этого изучения приготовиться к самостоятельному участию в этой жизни, в каком бы то ни было качестве: в качестве ли ученого политика или публициста, или в качестве политического деятеля на поприще государственной службы, или, наконец, в качестве гражданина, уже сознательно влияющего как на общую жизнь государства, так и на ближайший круг своей общественной жизни.

Иметь все это в виду есть непрременная обязанность современного преподавателя энциклопедии юридических и политических наук, хотя она и представляет много новых особенных трудностей. Нет ни одного сочинения по энциклопедии, в котором соединялись бы юридические и политические науки. Хотя нередко и теперь уже некоторые из сочинений по энциклопедии носят подобные заглавия, например, переведенная на русский язык «Энциклопедия» Аренса, но под этим заглавием разумеется только соединение чисто юридических наук (каковы, например, гражданское и уголовное право с судоустройством и судопроизводством) с юрико-политическими (каковы государственное, финансовое, полицейское и международное право), а не с чисто политическими (каковы, например, политика и политическая экономия).

Здесь все предстоит обрабатывать, созидать самому преподавателю такой энциклопедии юридических и политических наук, которая обозревала бы все эти науки без исключения. Потому-то я и сказал в начале, что предмет моей кафедры не есть прежняя наука, а наука новая или, по крайней мере, обновленная.

Но для того, чтобы преподать такую обновленную науку надобно прежде всего найти не внешнюю только, а внутреннюю связь между науками юридическими и политическими. На чем же основывается эта связь?

Право без общества не существует. Оно осуществляется в общественных союзах людей. Следовательно, право и общество имеют самую тесную связь между собой. На этом основании науки, имеющие предметом своим право или общество со всеми сторонами жизни, называются общим именем наук общественных или социальных в обширном смысле этого слова, а наша наука может быть названа энциклопедией общественных или социальных наук.

Но общества бывают различного рода, начиная от семейного, родового, племенного, переходя через все виды гражданского общества, восходя до государства и оканчивая родом человеческим, как обществом всех людей.

Если отделить, как предмет особых наук, те из них, которые занимаются собственно внутренней и внешней жизнью государства, от тех наук, которые занимаются жизнью прочих общественных союзов, то первые можно назвать, как и называют их, науками политическими в собственном смысле, а последние — науками социальными также в собственном смысле. Тогда наша энциклопедия должна быть названа таким, более полным именем — Энциклопедия юридических, социальных и политических наук. Если же под именем государства разуметь такой общественный союз, в составе которого находятся все прочие общественные союзы, то в состав политических наук в таком обширном смысле войдут и все социальные науки. В этом смысле и надобно принимать данное нашей науке новым уставом название: Энциклопедия юридических и политических наук. Из этого объяснения следует еще и то, что преподаватель энциклопедии права обязан ныне обращать внимание не на одну только юридическую жизнь общества и государства, но в связи со всеми сторонами их жизни. В наше время юристы при изложении, например, гражданского права не довольствуются юридической его стороной, но рассматривают ее в связи преимущественно с экономической стороной. С другой стороны, отличая гражданскую общественную жизнь от жизни государственной в смысле правительственной жизни, мы приходим к результату, имеющему тот важный практический смысл, что жизнь общественная, гражданская, совершается по своим собственным законам, отличным от законов жизни государственной или правительственной, и что потому государство хотя и может подчинять себе гражданское общество, но должно признавать за ним автономию, противоположную централизации, самоуправление, противоположное бюрократии, без чего конкретная живая общественная жизнь будет принесена в жертву жизни абстрактной государственной.

Другая составная часть Энциклопедии права, по новому уставу, это История Философии права.

Везде за границей история философии права преподается не как составная часть энциклопедии права, но как отдельная от нее, самостоятельная наука. Хотя она и обозревается там, в энциклопедии права, но не более, как и прочие юридические науки, вместе и наряду с ними.

Каким же образом у нас она попала в состав энциклопедии права? И эта особенность объясняется исторически.

До издания прежнего устава преподавалось у нас отдельно так называемое Естественное право; теперь под этим же названием иногда излагают и преподают ту науку, которая чаще называется другим именем — Философией права.

Последнее название употребляется теперь чаще, чтобы самим названием отличить нынешнее воззрение на право от прежнего воззрения.

Прежде разумели под естественным правом право, отвлеченное от общества или, как говорили тогда, внеобщественное право, такое право, которое должно иметь силу во внеобщественном или, как говорили, естественном состоянии людей, т. е. помимо всякого влияния общества, именно государства, или помимо влияния законодательства. Впоследствии сознали, что право вне всякого общества не существует и немыслимо, есть небылица историческая и логическая; но что вне государства, независимо от его законодательства, оно и мыслимо, и имеет действительность, как доказывается уже возможностью и действительностью международного права и возможностью и действительностью права в общественных союзах, не сформировавшихся в государство, однако же имеющих свое право, именно обычное право. Итак, для устранения всякого недоразумения большей частью перестали употреблять название естественного права, а стали говорить о философии права, иногда о философии права общества и государства, так как она есть одна из философских наук, часть философии вообще.

Вместе с тем и историческое развитие этой науки перестали называть Историей естественного права и начали называть его Историей философии права.

Такое понимание естественного права уже не как внеобщественного, а как вне-государственного, прошло тогда для нашего законодательства незамеченным. Еще далеко до издания прежнего устава запрещено было в русских университетах преподавать естественное право. Дерптский университет тотчас заменил его названием сравнительного правоведения (*Vergleichende Jurisprudenz*), хотя это значит совершенно другое, и под этим именем продолжал преподавать, как специальную самостоятельную науку, естественное право, или философию права с его историей; в наших же русских университетах в прежнем уставе вовсе исключили эту науку из области преподаваемых отдельно юридических наук, а включили в состав энциклопедии законоведения, как часть ее, под названием Истории философии законодательства. Это включение не было выражено тогда в самом уставе, а подразумевалось, и вот на каком основании.

Для преобразования университетов отправлены были тогда за границу из русских университетов молодые люди, и в том числе юристы, из которых некоторые перешли перед тем через Дерптский университет, а прочие были посланы прямо из здешнего университета. По возвращении нас, юристов, так как устав еще не был введен в действие, надо было проэкзаменовать на степень доктора законоведения (и все-таки не прав). Для этой цели составлена была при здешнем университете особая комиссия из профессоров здешнего университета и из старших чиновников, составлявших Свод законов под главным начальством графа Сперанского. Для этой комиссии выработаны были особые про-

граммы экзаменов, которые представлены были на Высочайшее утверждение и потом напечатаны для экзаменаторов и для экзаменуемых. Вот в этих-то программах была, между прочим, и программа энциклопедии законоведения. Если любопытно вам знать ее содержание, то стоит только обратиться к сочинению профессора Неволлина, которое есть не что иное, как выполнение этой самой программы. Там вы увидите, что энциклопедия законоведения делится на часть общую, которую бывший здешний профессор энциклопедии Калмыков, называл догматической, и на особенную, названную Калмыковым исторической. В общей или догматической части излагаются общие юридические понятия, а в особенной или исторической — История философии законодательства и История положительного законодательства. С тех пор начали преподавать историю философии права преподаватели энциклопедии законоведения, как бы ее часть; в новом уставе история философии права также удержалась за преподавателем энциклопедии права, как ее составная часть. Но от прежнего устава новый устав все-таки представляет довольно значительное отличие. Новый устав уже отделяет историю философии права от энциклопедии юридических и политических наук, хотя и включает ее, по старой памяти, в состав энциклопедии права; так что преподаватель имеет теперь полное право, на основании самого закона, признавшего, наконец, существование заподозренной некогда науки, преподавать историю философии права, как особую самостоятельную науку; он не обязан более насильно втискивать ее в энциклопедию юридических и политических наук и делать натяжки, подобные делению энциклопедии законоведения на общую или догматическую и особенную или историческую части. Ему нет надобности теперь переплетать в одну книгу два совершенно самостоятельные предмета — энциклопедию юридических и политических наук и историю философии права. В Энциклопедию юридических и политических наук войдет у него и теперь философия права, общества и государства с ее историей, но, наряду с прочими юридическими и политическими науками, а между тем он должен прочитать этот предмет и отдельно, как самостоятельную науку, именно тогда уже, когда слушатели его познакомятся вообще с философией и ее историей.

Он, наконец, теперь не может быть стесняем тем, что в новом уставе прямо говорится только об истории философии права и не упоминается о философии права, в современном ее состоянии, потому что устав не мог этого не предполагать, так как существенная цель изучения истории всякой науки есть понимание современного ее состояния, и так как всякий преподаватель уставом же обязан преподавать свой предмет в современном его состоянии.

Практическое значение включения в состав энциклопедии права его философии с историей заключается не в одном только простом, открытом со стороны закона, допущении философского предмета,

некогда устрашавшего одним своим названием — естественного права, но в признании необходимости философского элемента в правоведении наряду с элементом положительным, философского изучения права — наряду с изучением положительным, историческим, в признании вообще философии, науки, которую некогда заподозревали Бог знает в чем, но которую теперь должны были включить открыто в состав университетского курса.

Следуя одному такому указанию, я уже считаю себя и обязанным, и уполномоченным слить оба эти элемента в моем преподавании, рассматривать право с обеих сторон и притом нераздельно, чего требует опять-таки современность, за которой уже позади лежит то время, когда юристы были разделены на две боровшиеся между собой школы или партии — историческую и философскую.

Но, включив в состав нашей Энциклопедии права историю философии права, преподаватель ее должен включить и самые результаты ее — современную философию права, современное мышление о праве или догму философии права. Странно было бы знать, как развивалось мышление исторически, и не знать, как оно, наконец, развилось в наше время. Ведь последнее есть главная существенная цель всего исторического знания — современность требует знания, преимущественно современности же.

С другой стороны, если право, общество и государство находятся между собой, как было показано, в самой близкой связи, и если поэтому сам устав соединил энциклопедии юридических и политических наук, а, следовательно, и общества, и государства, если, наконец, сам устав включил в Энциклопедию права Историю Философии права, а, следовательно, и современную Философию права, то сама собою следует необходимость включения в Энциклопедию права истории и догмы философии общества и государства наряду или нераздельно с представлением их положительным, историческим.

Но и здесь должно повторить почти то же, что мы сказали вообще о юридических, общественных и политических науках, а именно, что философия права и история философии права уже обработаны достаточно, философия государства — гораздо менее, а философия общества почти вовсе не обработана, что они не соединены еще в одно целое, и что, следовательно, нам и в этом отношении предстоят особенные трудности в сравнении с преподаванием прежнего времени, ограничивавшимся в этом отношении только Историей философии законодательства.

Но и здесь мы не можем остановиться перед такими трудностями, имея в виду требования современности, которая, как известно, изучает положительное право и существующие общество и государство особенно с той целью, чтобы, осмысливши свое изучение, перемысливши о положительном праве, о существующем обществе и госу-

дарстве, принять более или менее деятельное участие в дальнейшем их развитии, как в своей специальной сфере, так и в общей деятельности гражданина.

Итак, согласно со смыслом, с духом нового устава и с требованиями современности, предметом моих предстоящих лекций должна быть Энциклопедия юридических, общественных и политических наук. или, соединяя их и самым названием воедино, Энциклопедия науки о праве, обществе и государстве в их развитии и современном состоянии, как в идее, в мышлении, в философии, так и в жизни, в ее осуществлении в истории; предмет же следующих затем лекций составит История философии права в связи с Историей философии вообще.

Так, а не иначе, следует, по моему крайнему разумению, понимать предмет моей кафедры, названный в новом уставе Энциклопедией права; а если таково значение нашего предмета, то какая наука — спрашивается — теперь ближе, занимательнее, полезнее, необходимее нашей науки для русского человека, все более и более выступающего на поприще гражданской и политической деятельности? Какая наука в этом отношении современнее для современного русского гражданина? Если вы уступите мне, что современнее всех наук для нас вообще науки юридические, общественные и политические, то я позволю себе назвать из них ту науку наиболее современной, которая не рассекает права общества и государства, как труп на части, но видит в них единое живое целое, — позволю себе в надежде, что вы простите такое увлечение, извинительное в специалисте, всю жизнь свою занимавшемуся преимущественно этим любимым предметом, никогда не отстававшему от его развития и находившему в нем отраду в тяжкие годы пережитого нами времени.

Начинать что-либо новое — согласитесь — труд вообще огромный и притом неблагодарный, обыкновенно не ценимый по достоинству современниками и часто забываемый потомством. А если присоединить к этому еще и тот высокий идеал, который носит в себе начинающий по отношению к предмету своей совершенно новой деятельности, то труд этот делается необъятным и потому невыполнимым. И, несмотря на то, я не считал себя в праве отказаться от такого труда в эпоху возрождения отечественных университетов к новой научной жизни; не считал себя в праве убить; стереть в себе идеал науки новой, призванной освещать лежащий перед вами новый путь жизни гражданской и политической. Отвергнуть воззвание к той общественной деятельности, которую я вместе с некоторыми другими ближайшими моими товарищами счел долгом прервать в пережитые нами тяжкие годы унижения науки и жизни, но которую я никогда не переставал любить с юношеским жаром, и для которой я постоянно продолжал трудиться в тиши кабинета, считая ее своим внутренним призванием, — отвергнуть эту общественную деятель-

ность в эту минуту восстановления С.-Петербургского университета я считал преступным против личных моих убеждений, против общественной нравственности, против науки, наконец и против жизни, начинающих свободно развиваться теперь в нашем отечестве.

Убить, стереть в себе идеал науки, начало преподавания которой мне, без всякого с моей стороны искания, благоугодно было поручить г. министру народного просвещения по представлению моего бывшего ученика, г. попечителя И.Д. Делянова, было бы в моих глазах преступлением против всего святого в науке и жизни.

Ни эгоизм, ни опасение начинать новое, ни сознание громадности труда и недостижимости идеала — ничто не могло поколебать моего решения предстать перед вами, естественными судьями моей общественной деятельности, на свободно избранном мной научном поприще.

Судите меня, мою профессорскую деятельность, мои лекции со всей строгостью и беспристрастием судей, но помните, что вы, будуще юристы, должны будете всегда выслушивать подсудимого, прежде нежели произнесете над ним справедливый приговор свой; помните, что перед вами первый преподаватель небывалой, да и везде весьма юной науки, и помните, что сам этот преподаватель не убоился в самом начале представить тот идеал этой науки, перед величием которого должны побледнеть самые добросовестные, неутомимые труды его, потому что он считал бесчестным понизить свой идеал настолько, чтобы могла возвыситься его ничтожная в истории науки личность.

Судите меня — на то я сюда и пришел, как лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самого дела, как профессор университета, того высшего ученого и учебного учреждения, где замолкают авторитеты, и начинает говорить сама истина, сама наука в современном ее состоянии, согласная с мирозерцанием представителей современности, наука самостоятельная, как самостоятельна истина, наука саморазвивающаяся по вечным логическим законам разума и жизни, наука независимая ни от каких посторонних внешних целей, ни от каких предубеждений и предрассудков, наука бесстрашная, не останавливающаяся ни перед какими своими результатами, наука самоцельная, дорожащая каждой истиной, хотя бы еще и неприложимой к жизни в настоящее время, в том убеждении, что истина, как разумное, рано или поздно осуществится, что, по нашей народной пословице, «все минется, одна правда остается», а потому вместе и практическая в истинном смысле этого слова, ибо непрактичное — не истина, а ложь.

Этот-то, а не другой какой-либо произвольный, выдуманный мной идеал и поставляю я для той науки, которой мне суждено быть здесь первым провозгласителем; но иначе эта наука и не будет наукой, какой она должна быть по своей сущности.

Итак, чтобы энциклопедия права была наукой, необходимо, чтобы она имела все существенные свойства науки вообще — словом, чтобы она была независимая, свободная, самостоятельная, саморазвивающаяся, самоцельная и вместе практичная.

С надеждой на ваше постоянное внимание, с искренней любовью к предмету моего преподавания, с верой в конечное торжество науки, в победу знания над невежеством, истины над ложью, света над тьмой, правды и справедливости над неправдой и несправедливостью, я приступаю к изложению Энциклопедии права...

Необходимо различать предмет и содержание науки.

Предмет науки есть то, о чем должно говориться в науке, а содержание науки есть все то, что именно должно сказать о предмете науки; содержание науки составляют все те однородные истины или познания о предмете, которые должны быть изложены в данной науке.

Всякая наука имеет своим предметом нечто такое, что имеют и некоторые другие науки. Науки, имеющие один и тот же общий им предмет, или науки однопредметные, составляют, вместе взятые, одну более или менее обширную отрасль наук.

Но всякая наука в то же время и отличается своим особенным содержанием от всех прочих наук, даже от наук одной с ней отрасли.

Итак, общим данной науке с некоторыми другими науками предметом указывается на принадлежность ее к одной с ними отрасли наук; а особенным отличительным содержанием данной науки определяется отдельность ее от всех вообще наук и, следовательно, самостоятельность в этом смысле, необходимая для того, чтобы так называемая наука была действительно наукой в истинном смысле этого слова. Таким образом, предмет науки есть в этом смысле нечто общее, а содержание есть нечто особенное в данной науке, или — предмет науки есть нечто ограничиваемое содержанием науки, а содержание науки есть нечто ограничивающее предмет науки.

В этом состоит как различие предмета и содержания науки, так и взаимное отношение их друг к другу, вследствие чего они хотя и не тождественны, различны, но состоят между собой в единстве.

Например, из известных вам наук — арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, как и все прочие математические науки, следовательно, вся математика, эта огромная отрасль наук, имеют общий им предмет — величину; но каждая из математических наук имеет в то же время свое особенное содержание, которым отличается от всякой другой науки. Или, например, физика, химия и прочие естественные науки, составляющие, вместе взятые, ту отрасль наук, которая называется естествоведением, имеют один и тот же общий им предмет — внешнюю природу; но в то же время каждая из естественных наук имеет и свое особенное содержание, которым отли-

чается от другой науки: напр. особенное содержание физики составляют явления, при которых состав действующих тел не изменяется.

Итак, предметом данной науки определяется, к какой именно отрасли наук принадлежит она вместе с прочими науками той же отрасли; а содержанием данной науки определяется, чем отличается она от всех прочих, даже родных с ней наук, т.е. принадлежащих к одной с ней отрасли.

Вот почему во введении во всякую науку недостаточно определить ее содержание, а необходимо также определить и ее предмет.

Вот почему первую главу обозначили мы: предмет и содержание науки.

Остается объяснить еще, почему поставили мы в этом заглавии сперва предмет, а потом уже содержание науки.

Это потому, что предмет науки есть, как мы сказали, нечто общее ей с прочими сродными с ней науками, а содержание науки есть нечто особенное в ней, как ограничение этого предмета; об общем же, как ограничиваемом должно сказать прежде.

Таким образом, мы разъяснили и оправдали заглавие первой части введения, показав значение предмета (объекта) и содержания (материи) науки вообще, а также указав разумные причины: 1) почему определение предмета и содержание науки составляют существенную и притом первую составную часть введения; 2) почему в этой части необходимо начать с определения предмета науки и потом уже определить ее содержание, и, наконец, 3) почему из определения предмета и содержания науки мы не делаем двух частей введения, а относим их к одной и той же первой существенной составной части.

Предмет нашей науки есть собственно только право.

История Философии права хотя рассматривает также и общество, и государство, но только с юридической стороны; следовательно, по своему предмету она есть одна из юридических наук, хотя и не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая. С другой стороны, этим именно предметом отличается она от всех вообще неюридических, следовательно, разнопредметных с ней наук.

Но затем своим особенным содержанием отличается История Философии права от прочих юридических наук.

Наша наука рассматривает право с философской, а не с положительной стороны, ибо она есть История Философии права. Это составляет уже особенное содержание нашей науки; им она отличается от всех тех юридических наук, которые рассматривают право с положительной стороны, или положительное право, и которые соединяются в общее для них родовое понятие положительного правоведения. Именно наша наука хотя и есть юридическая, как все науки, входящие в состав положительного правоведения, но она не положительная, а философская наука. В этом смысле она есть особенная

часть той науки, которая называется философией вообще, или она есть одна из многих философских наук. Однако же от прочих философских наук она отличается тем, что предмет ее есть право, между тем как прочие философские науки имеют другие предметы.

Наша наука рассматривает право, как оно есть само по себе, независимо от того, было ли установлено это право когда-либо и где-либо, в каком-либо государстве или обществе вообще, являясь в виде или права законодательного, или же права обычного. Такое отличие Философии права от положительного правоведения выражают обыкновенно, говоря: Философия права, как наука, имеет своим содержанием философское, естественное или природное, рациональное, т.е. мыслимое разумом человеческим, право, или идеальное право, первообраз права (*jus naturale seu jus naturae*), имея в виду представить то, что праведно и справедливо (*justum*) или в чем состоит правда и справедливость (*justitia*). Положительное же правоведение в смысле совокупности всех положительных юридических наук, имеет своим содержанием положительное право (*jus positivum*), право реальное, действительное, т.е. когда-либо и где-либо положенное, установленное в действительности, в реальности, в каком-либо государстве или обществе вообще, в виде законодательного или же обычного права, имея в виду представить право в собственном смысле (*jus*) в отличие от праведного и справедливого (*justum*). Но при этом одни философы смешивают естественное природное право и положительное право в том смысле, что или не признают иного права, кроме естественного, природного, — следовательно, всякое право положительное, насколько оно противно праведному и справедливому, признают просто неправом (особенно средневековые философы); или же, наоборот, не признают иного права, кроме положительного, следовательно, отрицают существование естественного права (особенно софисты). Другие юристы-философы различают естественное и положительное право, но различным образом, что находится в зависимости преимущественно от различия верховных принципов их философских систем, а именно: или доводя различие между естественным и положительным правом до большей или меньшей противоположности (в особенности некоторые древние и новые софисты), или удерживая различие между ними, но снимая их противоположность в высшем их единстве, что также разными юристами-философами делается различно, а именно: или так, что в положительном праве находят два элемента, чисто положительный и естественный (например, Неволлин, взявший, впрочем, это у других); или так, что положительное право признают осуществлением в действительности естественного права (например, Гегель); или, наконец, так, что и то и другое право признают равно правом (*jus*), но с тем различием, что естественное право признают правом в мышлении человеческом, во внутреннем опыте, а положительное право — пра-

вом в действительности, реальности, во внешнем опыте или, точнее, в обществе вообще, как им положительно установленное (например, Кант); признают, что они взаимно влияют друг на друга: естественным правом преобразуется положительное право, а в положительном праве отражается естественное право; признают, наконец, что как естественное, так и положительное право есть равно свободный продукт человечества, с тем только различием, что естественное право есть продукт его мышления, а положительное — его воли, но так, что мышлением определяется, обуславливается воля, а волей осуществляется мышление. Этот последний взгляд на соотношение между естественным и положительным правом есть уже именно современный взгляд, как свойственный современной истинно-положительной философии.

С одной стороны, в противность идеализму, эта философия не может допустить присутствия в человеке врожденной чисто-умозрительной идеи права. С другой стороны, эта философия, в противность материализму, должна допустить в человеке природженную ему или, точнее, развивающуюся в нем способность к праву, т.е. к продуцированию его в своем мышлении как *justum* и в своей жизни как *jus* в собственном смысле, — на том основании, что если бы не было в человеке такой способности, то не могло бы быть ни того, ни другого права, как ее продукта. Притом эта философия 1) не может абсолютно противопоставлять естественного и положительного права, ибо и то и другое право есть продукт одной и той же человеческой способности; однако же 2) не может отрицать и различия между тем и другим правом, ибо видим в жизни всякого человека, народа и всего человечества, что они делают такое различие между *justum*, как праведным и справедливым, или естественным правом, и между *jus*, как действующим, положительным правом; ибо самое положительное право они меряют мерилом естественного права, праведного и справедливого, находя то или другое постановление или учреждение положительного права праведным и справедливым или, напротив, неправедным и несправедливым; а также этим же мерилом меряют они и суд человеческий, вообще все поступки человеческие, находя их также или праведными и справедливыми, или, напротив, неправедными и несправедливыми, хотя бы они и были согласны с данным положительным правом.

Итак, наша наука есть юридическая и вместе философская наука.

Наконец, наша наука есть историческая наука, ибо она — есть история философии права. Этим своим содержанием она отличается от науки, которая есть также юридическая и также философская, но не есть историческая наука, а догматическая, именно от философии права, называемой также естественным или природным правом, рассматривающей право с философской стороны в какой-либо пункт времени, например в настоящее время, или рассматривающей

взгляд на право какого-либо философа, например из новейших Канта, Фихте, Краузе, Гегеля, Штала, Гербарта, Тренделенбурга.

Притом наша наука излагает историю философии права как науки, т.е. как одного систематического целого, а не историю отдельных мыслей философов о праве. Но, с другой стороны, наша наука отличается своим содержанием от той возможной, но еще несуществующей в действительности науки, которая есть также юридическая, также историческая, т.е. излагающая также историю науки, но не философии права, а положительного правоведения, и которая поэтому может быть названа историей положительного правоведения (а не самого права).

Соединивши все сказанное нами до сих пор о предмете и содержании нашей науки, мы можем определить ее относительно ее предмета и содержания так: она есть наука юридическая, философская и историческая нераздельно, а именно — наука, излагающая историю философии права как науки.

Историю философии права нельзя преподавать иначе как в связи с историей философии вообще. Объясним, почему это так.

Необходимость изложения нашей науки в связи с историей философии заключается вообще в том, что история философии права есть только одна из тех многих частей истории философии вообще, которые, вместе взятые, составляют одно нераздельное целое.

В частности же это вынуждается тем обстоятельством, что у нас вовсе не положено, чтобы студенты юридического факультета предварительно не слушали лекции по истории философии вообще, между тем как без нее невозможно истинное научное знание истории философии права.

Но, разумеется, главное внимание наше мы должны обратить на нашу специальность, на право, общество и государство, так что из прочих частей истории философии вообще мы позаимствуем только то, без чего вовсе невозможно научное понимание нашего предмета. Поэтому полное и точное название или заглавие наших предстоящих лекций по истории философии права может быть выражено так: История Философии права, общества и государства в связи с историей философии вообще.

В самом деле, таким только названием определяется вполне и с точностью содержание нашей науки.

Во всех университетах, по крайней мере во всех германских университетах, история философии права преподается обыкновенно именно таким образом, т.е. как история философии права, общества и государства, но редко отдельно, а большей частью ее вводят в состав истории философии вообще, следовательно в нераздельной связи с ней, или же иногда излагают историю философии права, вместе с философией права, даже вместе с юридической энциклопедией, что ближе всего подходит к нам, где уставом университета эти два предмета соединены

в одну кафедру, т.е. преподавание их возложено на одного и того же профессора. Во Франции история философии права редко преподается в тамошней *ecole de droit*, как не положено преподавать ее и в нашем училище правоведения вследствие исключительно практического характера всех подобных учебных заведений». (Стр. 8-22, 197-200).

3. КОРКУНОВ Н.М.

История философии права. Изд. 3-е. СПб., 1903.

«Явления общественности, составляющие предмет изучения юриста, резко отличаются от явлений природы своей зависимостью от нашего к ним отношения. Явления природы не зависят от того, как объясняют их люди, как представляют их себе. Последовательная смена вырабатываемых людьми разнообразных, противоречащих одна другой научных гипотез не может оказать никакого влияния на тот порядок, в каком совершаются явления природы. Порядок этот остается все тот же самый, как бы ни думали о нем люди, каких бы ошибочных гипотез они ни сочинили.

Совсем иное дело — явления общественности. Наши понятия о нравственности — о различии добра и зла, о праве — о разграничении моего, чужого, общего, об обществе и отношении его к личности, сами являются соопределяющими факторами развития общественной жизни. Явления общественности при других одинаковых условиях могут получить совершенно различный вид и различное значение, смотря по тому, как относятся к ним люди, каких нравственных, правовых, общественных учений держатся они. Поэтому для полного научного объяснения явлений общественности необходимо принимать во внимание и то, как относятся к ним люди, как думали и думают о них.

Благодаря этой особенности явлений общественности, знакомство с историческим развитием философских учений, стремившихся объяснить нравственность, право, общество, получает для юриста совершенно особое значение.

Знакомство с историей любой науки дает, без сомнения, много поучительного. Оно служит лучшему усвоению своеобразных научных приемов каждой отрасли знания; открывает возможность сознательного отношения к современному состоянию науки, к назревшим в ней, очередным так сказать, вопросам; предупреждает от повторения старых, уже пережитых наукой заблуждений. Все это очень важно для самостоятельной, творческой научной работы, но для того, кто ищет лишь усвоить накопленное другими научное знание, изучение истории науки с такими целями было бы уже своего рода роскошью. Без него легко обойтись, не потерпев заметного

ущерба. Можно быть прекрасным математиком или астрономом, не зная вовсе, какое значение придавал числам Пифагор или, как объяснял движение небесных тел Птоломей. Учения этих мыслителей ничего не дадут нам для лучшего понимания теории чисел или законов небесной механики.

Вот почему на факультетах, имеющих дело не с явлениями общественной, в число обязательных факультетских курсов не включается особого курса истории философских учений о том, что в целом составляет общий предмет изучения на данном факультете. Так естественникам не читают историю натурфилософских учений.

Но на юридических факультетах особый курс, посвященный изложению философских учений о праве, обязательно занимает свое место. Это явление общее не только русским, но и университетам западной Европы. Причина этому в указанной выше особенности явлений общественной, в зависимости их от нашего к ним отношения. В науках, изучающих явления природы, история научных теорий выясняет только фактор образования нашего знания о данном предмете. В науках, изучающих явления общественной, история научных теорий выясняет нам вместе с тем и один из соопределяющих факторов развития самих этих явлений общественной. В естественных науках история их нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках общественных, кроме того, и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений.

Поэтому юристу знакомство с историей философских учений о праве требуется не только для самостоятельных научных работ, но также и для сознательного усвоения готовых выводов науки. Нельзя понять и положительного права, не имея понятия о том, какими теоретическими воззрениями руководствовались люди, созидавшие обычай, законодательство, судебную практику.

Значение сменявших друг друга во времени философских учений о праве не только как последовательных ступеней нашего познания общественных явлений, но и как одного из важнейших условий их реальных видоизменений, ставит истории философии права своеобразную, особенную задачу сравнительно с задачей истории наук, изучающих явления природы. История науки, преследующая собственно методологические цели, вводит нас в понимание современного ее состояния; выясняет пути, какими человеческое знание в данной области переходило от заблуждений, гаданий, догадок к доказанным положениям. В таком изложении все последовательно чередовавшиеся теории и гипотезы освещаются только как последовательные ступени восхождения из мрака невежества к свету истины.

В истории философии права отдельные теории получают совсем другое освещение. Для юриста они имеют значение не только как переходные ступени к последующим, более новым теориям, а, на-

против, главным образом, по тому влиянию, какое они, независимо от их истинности, оказали на действительный строй современных им общественных отношений. К тому же нравственные, правовые, социальные теории всегда в значительнейшей степени определяются чувствами, верованиями, метафизическими и этическими чаяниями, и такие чаяния, как бы ни были они далеки от объективного научного основания, могут иметь огромное влияние в общественной жизни. Для полного понимания значения той или другой философской теории права и общества надо обратить внимание и на эту сторону дела, как бы ни было маловажно ее собственно научное значение.

При таких условиях изложение истории философии права не может быть облечено в форму законченной логической схемы, последовательного диалектического развития какого-либо единого основного положения. Процесс развития явлений общественности продолжается, продолжается и влияющая на него работа мысли. Переживаемое нами время только преходящий эпизод в этом процессе. А так как каждый человек есть сын своего времени, попытки представить историю философии права, как законченное целое, приводят к ничем необоснованному возвеличению данного исторического момента, к историческому эгоизму, как говорил Савиньи. Действительная задача истории философии права не в предрешении на полпути, куда пришла человеческая мысль в решении вопросов права, а в объяснении, как она идет по ее далеко незаконченному пути...

Каждое научное исследование и научное изложение требует прежде всего обобщения, и обобщение предполагает группировку изучаемых явлений по их сходству и различию. Когда изучаемые явления развиваются во времени, группировка их выражается в установлении последовательных периодов.

На какие же периоды можно разделить историю философии права? Если, сравнивать между собой разновременные теории права по содержанию, то это не даст никакой определенной периодизации. Во все исторические эпохи мы находим борьбу самых крайних противоположностей. Все основные противоположения в теории права, как противоположение свободы и власти, равенства и аристократизма, положительного права и естественного, личной обособленности, общественной связанности и т.п. дают содержание юридическим теориям в течение всего исторического развития человеческого мышления о праве.

Более подходящими признаками для исторической группировки философских учений о праве может служить различие их так сказать формальной основы, различие не по содержанию предлагаемых ими ответов, а по самой постановке вопроса. Во все времена на вопросы этики давались самые разнообразные и даже все возможные ответы, но каждая историческая эпоха налагала свою печать на постановку вопроса.

Корень всякой этической теории, всякого учения о долге и праве составляет вопрос об отношении личности к окружающему ее объективному порядку. Вопрос этот вечно присущ человеческому сознанию, но в течение веков он ставился людьми далеко не одинаково.

Философские учения классической древности представляют любопытную и на наш современный взгляд даже странную попытку свести вопрос долга к вопросу знания. На такую постановку вопроса натолкнула мыслителей древности свойственный той эпохе несколько наивный оптимизм. Объективный порядок окружающих нас явлений представлялся тогда не только неизменным и необходимым, но и благим, все влечения личности гармонирующими с законами природы. Если же в частных случаях оказывается разлад, причина тому — людское невежество, недостаточное понимание ими окружающих явлений и своего к ним отношения. Единственный путь к благу — знание, вся добродетель — мудрость. Кто обладает истинным и полным знанием, не может быть порочен.

Такому интеллектуализму древней этики соответствовали также психологические и религиозные учения. В психологических теориях древности понятие о воле вообще не было достаточно развито, и, во всяком случае не за волей, а за разумом признавали тогда первенство. Только разумная часть души человека считалась, по учению Платона, бессмертной. Даже Аристотель видел в воле действие разума и образование желаний объяснял как логическое заключение, где минутное содержание представления подводится под более общую мысль о цели. Неразумные же поступки обладающих знанием он сводит к недостатку у них частного, конкретного знания, составляющего малую посылку.

Если уже в человеке воля совершенно заслонялась для мыслителей древности разумом, то еще в большей степени это сказалось в их представлениях о божестве. Для них божество не воля, а разум. Божество есть только самозерцание.

Такое заслонение разумом активного начала воли последовательно делало философским учениям того времени совершенно чуждой идею развития. В учении Гераклита, правда, все представлялось движущимся и текущим. Но это движение, по учению Гераклита, не было поступательным движением вперед, а вращательное: в нем одно занимает последовательно место другого.

Даже у такого идеалиста, как Платон, роль личности, роль сознания строго пассивная, а не творческая. Для него весь подвиг добродетели, весь подвиг мудрости сводится только к воспоминанию идей и высшей идеи блага.

Все это делало для мыслителей древности совершенно чуждой идею развития. Они не то, чтобы отвергали ее, но вовсе не знали ее, она совсем не приходила им на ум. И природа, и человек представлялись им

существующими всегда в одних и тех же неизменных, вечных условиях. Закон природы неизменяем, вся задача человеческой жизни сводится только к познанию этих неизменных законов и подчинению им.

Средневековое мировоззрение во всех отношениях представляет прямую противоположность философским учениям древности. Под влиянием христианского учения отношение людей к окружающему материальному миру совершенно изменяется. Для верующего этот мир греховный, зависимость от него — следствие грехопадения. Но Бог для христианина не представляется, как для мыслителей древности, только созерцающим разумом, а живой личностью со всемогущей, свободной волей, промышляющей о судьбе человечества. Сделавшись силою веры и общения с церковью причастным божественной благодати, человек может освободиться от уз греховной плоти.

И для средневекового мировоззрения материальный мир неизменен, чужд развития. Но человечество, причастное духовной жизни и поддерживаемое благодатью, стремится к полной духовной свободе. Со средневековой точки зрения вся история человечества, совершающаяся среди неизменяющейся природы, представляет чудесное осуществление мудрого Промысла. Такова, например, историческая философия бл. Августина в его трактате *De civitate Dei*.

Это изменение религиозных воззрений отразилось и на психологических учениях. Интеллектуализм мыслителей древности сменяется волюнтаризмом. Не разум, а воля выдвигается на первый план и признается основой нравственности и права. Звание и добродетель уже более не отождествляются, а скорее противоплагаются. Этические нормы резко обособляются от законов природы. Этические учения древних имели своей основой подчинение человека объективному порядку природы, приводящее к благу. Средневековая доктрина исходит, напротив, из противоположения человека природе; ее идеал не жизнь, согласная с природой, а освобождение от уз греховного земного мира.

Эпоха возрождения породила опять новую постановку вопроса. Человеческое сознание обратилось на этот раз к человеческой индивидуальной воле — в воле разумной, и этим как бы возвращалось опять к интеллектуализму древних. Но при этом сохранилось выдвинутое средневековыми учениями противоположение личности и природы, и потому новый рационализм существенно отличается от интеллектуализма древности.

Этические учения древних не имели индивидуалистической окраски. Напротив, начало подчинения во всем объективному порядку приводило последовательно и к подчинению индивида обществу, образующему часть этого порядка. Мы увидим, до каких крайностей доводил требования такого подчинения Платон.

Новый рационализм, сохраняя средневековое противоположение личности природе, напротив, пришел к крайнему индивидуализму,

к поставлению личности выше всего, к низведению общества на степень произвольного человеческого установления, людской выдумки.

И для нового мировоззрения природа представлялась неизменной, вечно повторяющей один и тот же круг явлений. Игра явлений природы, говорил еще Гегель, не создавая ничего нового, наводит скуку! Зато тем безусловнее мыслилась свобода личности, являвшейся по воззрениям того времени полным хозяином своей личной судьбы и общественного положения. Вся история человечества понималась как проявление личных волей, вся человеческая культура как произвольное, искусственное произведение людей. Сами этические нормы выводились не из какого-либо объективного начала, а из субъективного человеческого разума.

При таком воззрении условия человеческой жизни представлялись по произволу людей бесконечно изменчивыми, но это еще не приводило к идее преемственного закономерного исторического развития. Человечество представлялось не развивающимся, а просто меняющимся по произволу его наличных представителей в каждый данный момент.

Теперь и эти индивидуалистические взгляды вытеснены другими, существенно от них отличающимися. Современные теории, подобно философским учениям древности, стремятся сгладить крайнюю резкость противоположения личности и природы. Но они идут к этому иным путем, иначе представляют себе саму природу. Для них природа уже не скучный ряд повторяющихся само-собой, мирно, без всякой борьбы явлений. Жизнь природы, на их взгляд, так же полна движения, творчества, борьбы, развития, как и жизнь человека. Природа и человек одинаково являются участниками одного великого процесса развития — эволюции.

Таким образом, мы получаем четыре периода развития философских учений о праве: древний, средневековый, новый и новейший, совпадающих с периодами и общего хода истории культурного человечества. Но, конечно, как везде, так и здесь, границы этих периодов не могут быть взаимно резко определены. Их очертания зубчатые, один период заходит в другой: это только общая, приблизительная группировка». (Стр. 1–7).

4. ВИППЕР Р.Ю.

Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. СПб., 1896.

«Изучение политических идей и их движения все более становится достоянием историка. Требования, вытекающие из применения исторического метода в этой области, заявлены уже, по-видимому, весьма определенно: везде встречаешь теперь ту мысль, что понятие

политические идеи можно лишь в связи со всей обстановкой жизни, среди которой они возникают, что их изучение нельзя ограничивать одной логической связью абстрактных систем, что параллельно с изучением политических теорий должно вести изучение политических учреждений и политической борьбы, общественного строя и общественных отношений. Можно услышать далее, что под политическим идеалом, под образом наилучшего, разумного, естественного с точки зрения современников, строя, историк должен разглядеть известное настроение, реальные желания или наличные черты политической действительности, что рядом с крупными мыслителями и писателями в этой области должно присматриваться к их читателям, к среднему человеку определенного круга и эпохи для того, чтобы судить о происхождении, характере, интенсивности и силе влияния той или другой идеи или теории.

Надо, однако, сознаться, что задача, поставленная таким образом, выполняется в весьма недостаточной мере. В оправдание часто указывают при этом на несоответствие между характером наших источников и поставленной целью, на невозможность определять настроения, круг мыслей масс. Мне кажется, что беда не в характере доставшихся нам сведений, а в наших приемах, в неприспособленности к нашим новым задачам тех разрезов исторически переданного материала, тех комбинаций исторических данных, к которым мы привыкли. Мы любим, например, искать влияния крупного деятеля мысли; мы заранее поднимаем известную группу людей над общим уровнем, в качестве руководителей остальной массы, и создаем искусственно противоположность активной и пассивной среды, может быть, и существующую в действительности, но едва ли при наличных средствах подлежащую научному определению; а главное — таким разрезом мы затрудняем изучение и понимание того целого, к которому сводятся оба разъединенные нами элемента, то есть, жизни учреждений, общественных взаимоотношений, подъема и падения общественной мысли, группировки традиций и тенденций, всего того, что образует исторический момент. В этом смысле, например, изучалась большей частью просветительная литература XVIII века. Ее деятелей обыкновенно выделяли с ретроспективной точки зрения, которая брала за исходный момент революцию, в качестве родоначальников новых теорий, возникших вследствие оппозиции порядкам старого режима; а между тем до сих пор ждет очереди исследование вопроса о том, как самые характерные черты политической философии XVIII века — вера во всемогущество просвещенной государственной реформы, уравнивательные стремления, тенденция к свободе изолированных личностей — появляются под влиянием действующей правительственной системы и на основе сплоченного экономически и политически, воспитанного на однородных впечатлениях, но разбитого в своих старых группах общества.

Мне кажется, с другой стороны, что новые задачи часто понимаются слишком поверхностно, формально. Дело в том, что, подыскивая реальную подкладку политических систем и идей той или другой эпохи, стараясь определить ближайший предмет, под впечатлением которого возникла та или другая сторона учения, то есть сводя некоторым образом политическую теорию к сумме намеков на явления современности, историк исполняет только часть своей задачи. Установление таких непосредственно связующих нитей между деталями современности и изгибами политической теории важно, как вспомогательный прием, как постоянная сдержка для исследователя, как постоянное напоминание ему об известной реальной почве, на которой он стоит. Когда, например, нам говорят, что горячая диатриба против тирании восемнадцатилетнего Ла-Боэси возникла под непосредственным впечатлением кровавой расправы королевских комиссаров и войска над восставшими жителями Бордо, мы получаем важную биографическую черту для Ла-Боэси, мы узнаем любопытный случай, из которого видно, как в то время школьная декламация на основе примеров классической древности могла соприкасаться с известными жизненными фактами, врывавшимися в окна учебной комнаты. Но все ли этим сказано? Понятна ли нам страстная вспышка, заключенная в *Le Contre un*, в тетради студента, жившего среди, по-видимому, монархически настроенного общества? Исторический комментарий очевидно должен захватывать несравненно дальше и глубже. Пользуясь вышеуказанным приемом сближения теории с фактами окружающей жизни, нельзя в то же время забывать, что политическая теория, политическая идея, есть действительно абстракция, что хотя она исходит от прямых впечатлений и постоянно ими питается, но в то же время представляет продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности различных данных исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому и т. д.; нельзя забывать, что в политической теории обыкновенно лишь после многих исканий, столкновений, в результате долгих колебаний и поворотов мысли, символизируются в простые и резкие формулы - настроения, вызванные группами разнообразных фактов, накопившиеся и наросшие за целый период молчания и подготовки или коренящиеся в прочных, но мало выступающих наружу традициях. В самом деле, например, абсолютистская теория, на основе ли божественного или договорного происхождения власти, не может быть сведена на одни непосредственные наблюдения и впечатления теоретиков, развивавших ее. Для того, чтобы такая теория сложилась, усвоила твердые формулы, необходимо продолжительное функционирование сложного механизма, в котором всякий привык чувствовать себя подчиненной частицей, зависимой от целого.

Философское изучение политических теорий грешило тем, что принимало во внимание только логическое сцепление и развитие идей, которые нанизывались на линию воображаемого прогресса. Так, например, оценивали слияние у Гоббса теории договора с абсолютизмом: в виду того, что у его предшественников из понятия о первоначальном договоре вытекало ограничение власти государя, это слияние у Гоббса двух до того времени противоречивых идей историк склонен был рассматривать, как изумительный по своей тонкости логический шаг, который состоял в том, что мыслитель XVII века искусной комбинацией договора соединения и договора подчинения устранил теоретический дуализм между народом и правителем. В теории Руссо видели дальнейший и также логический шаг — перенесение верховенства с уполномоченного на уполномочившего и т.д. При этом упускалось также из виду, что основных политических терминов и соответствующих им общих принципов очень немного: они повторяются и возвращаются приблизительно, как в этических системах. Нечего и говорить, что в разное время одни и те же термины покрывали разные понятия, и комментарием здесь может служить лишь история действительных отношений. Было бы ошибочно поэтому искать оригинальности только там, где впервые появляется известный термин. Достаточно указать, например, на принципе народного верховенства: в XII веке, под верховным народом разумелся идеальный *populus romanus*, следовательно, то граждане Рима, то граждане всемирного государства Божия, то данные владыки Рима, в XV, XVI и XVII веках — привилегированные группы населения, в XVIII веке — совокупность нации. Лишь определение реального смысла, который подведен под тот или другой термин, может установить, имеем ли мы дело с новыми или старыми представлениями.

Изучение непосредственного соприкосновения политических теорий с современной им действительностью представляет пока первый шаг к выходу из прежних логических схем. Но мы еще далеки от прочного установления новых реальных соотношений, и если нам чего-нибудь особенно недостает, то именно изучения жизни традиций в обществе. Мы любим говорить о культурных влияниях и культурных возрождениях. Конечно, это — только исторические метафоры. Но прежде всего они часто опираются на формулировку современников переворота, всегда склонных или преувеличивать новизну выдвинутых ими идей, или наоборот настаивать на их исконности, и в этом смысле такие метафоры могут, пожалуй, мешать разобраться в сущности происходящего процесса. В лучшем случае они только намечают нам моменты или остановки, от которых может исходить исследование. Вопросы о том, почему удалось известное влияние, что заставило общество в такой-то момент усвоить термины одной из отдаленных эпох, например, эпохи классической древности, и что возбудило пред-

ставление о связи идей своего времени именно с этой эпохой, — эти вопросы всегда выведут нас к первой задаче исторического исследования — определить основной процесс в жизни данного общества, объяснить его сознание в связи с его строем. В преследовании этой задачи нам приходится разбивать нашу предварительную классификацию, отмеченную такими условными знаками, как поворот, реакция, возрождение и т. п.: мы можем находить долгое переживание известных традиционных представлений там, где по внешности — разрыв, смена в политической терминологии; с другой стороны, не раз, вероятно, придется отказаться от признания прямых, культурных наследий, непрерывной линии передачи идеи там, где перед нами два несхожие общества, разделенные веками изменений.

Если можно формулировать коротко общий прием, в котором, кажется мне, нуждается теперь изучение политических теорий, то он состоит в том, чтобы, не поддаваясь целиком фактам непосредственного соприкосновения теории с действительностью, исходить, однако, от таких фактов; чтобы, схватывая главный, центральный принцип теории, не выводить из него посредством логических натяжек всех частных и деталей, не строить на нем системы, главным же образом, в том, чтобы, прежде чем изучать в политической теории руководящий фактор общественного сознания, взглянуть на нее с точки зрения сложившихся форм, функционирующих учреждений, действующих общественных порядков; чтобы подсмотреть прежде всего накапливающиеся впечатления и привычки мысли, практические желания и протесты в пределах данных политических и общественных рамок за целый период, предшествующий возникновению теории, и в этом направлении подступать к самой теории, как к последней сжатой формуле продолжительного движения. Изучение французских политических идей второй половины XVI века помимо непосредственного интереса предмета любопытно между прочим и потому, что наталкивает нас сразу на эти вопросы метода». (Стр. 3–7).

5. ВАЛЬДЕНБЕРГ В.Э.

История политических учений, как наука // Право. 1901. № 9.

«Когда приступаешь к изучению какой-нибудь науки, необходимо, прежде всего, определить границы этой науки, необходимо отдать себе отчет в том, какие явления должны быть в этой науке изучаемы. Без такой предварительной работы навсегда останется опасность, что к изучению будут привлечены не только те явления, которые составляют истинный предмет данной науки, но и явления другого рода. Поэтому необходимо выяснить, прежде всего, что такое политическое учение; а этот вопрос сводится целиком к другому

вопросу — к вопросу о том, что такое политика, как наука, которая в своем понятии обнимает все такого рода учения.

Науки государственные, как и науки гуманные вообще, проходят в своем развитии два пути: путь от общего к частному и — от частного к общему. Как во всех гуманитарных науках, так и в науках о государстве за периодом широкой постановки вопросов следует всегда период детального изучения предмета. Этим двум периодам соответствуют обыкновенно периоды более общей и более дробной классификации определенной группы наук. Памятниками первого периода развития государственных наук являются те многочисленные трактаты — Аристотеля, Кедворта, Альтузия, Спинозы и др., — на заглавном листе которых стоит имя политики. В то время под политикой разумели всю совокупность государственных наук, или, вернее говоря, существовала всего лишь одна наука, в которой государство рассматривалось со всех возможных точек зрения, и эта наука называлась политикой. Но это время прошло. Приблизительно с пятидесятых годов прошлого века возникает в западной науке стремление — поделить различные проблемы государственного устройства между отдельными государственными науками. Сначала мимоходом, а потом все чаще и сознательнее высказывается мысль о том, что должны существовать две государственные науки. Одна — общее учение о государстве — дает теоретическое освещение основных понятий о государстве, о суверенитете, о функциях власти и т.п., сводит к единству различные формы государственного устройства и на основании этого выясняет общую природу государственного союза; другая наука — политика — рассматривает, с точки зрения общих целей человеческой жизни, задачи государства и средства к осуществлению этих задач и определяет с этой стороны отношение государства к другим факторам культурного развития.

Такой взгляд на политику, как на одну из государственных наук, высказан был впервые в Германии и в Германии же нашел своих первых сторонников в лице Р. Моля, Блюнчли, Эшера, позднее — Гольцендорфа и др., но затем к нему примкнули и некоторые из французских и английских теоретиков. У нас в России этого же взгляда на задачу политики держится Чичерин.

Нельзя, конечно, скрыть того обстоятельства, что уже в семидесятих годах возникла реакция против такого понимания политики. Указывали и, может быть, не без основания, что ни одному из тех ученых, которые держатся такого понимания, не удалось выполнить эту задачу и построить самостоятельную науку политики. Но мне кажется, что мы можем оставить этот вопрос открытым; для нас он не имеет большой важности. И вот почему. История оставила нам немало учений, в которых различным образом определяются цели государства и предлагаются те или иные средства для этих целей; с

этой стороны, указанное определение политики является вполне возможным, если даже и допустить, что науку политики в этом смысле совсем не удалось создать. Ибо история политических учений, как и история всякой другой науки, имеет как раз своей задачей рассмотреть разнообразные попытки построения целостной науки, и нам важно только иметь критерий для отделения политических учений от учений смежных. Но мне думается, что указанная мной точка зрения на политику имеет за себя еще и другое основание. Из двух современных направлений науки государственного права с каждым днем получает все больший перевес, — и нужно надеяться, что в наступающем веке получит окончательный перевес, — несомненно, т.н. юридическая школа государственного права. Характерное же отличие этой школы от противоположной ей — историко-органической, как ее обыкновенно называют, — заключается в том, что она стремится построить строго-юридическую конструкцию государственно-правовых отношений на основании точно определенных источников права и с этой целью намеренно удаляет из области своего ведения все, что не имеет юридического характера. Она уединяет правовые институты из той исторической среды, в которой они возникли, и удаляет от них ту атмосферу политических надежд, мечтаний и требований, под давлением которых они сложились; она принципиально стоит за толкование государственного права независимо от того, насколько оно представляется нам целесообразным, насколько оно отвечает нашим идеалам, насколько оно соответствует нашим интересам — не только низменным интересам (материальной выгоды, социальной вражды и т.п.), но и высоким интересам справедливости, гуманности, милосердия. Юридическая школа стремится изучать государственный строй, как он есть, не обращая внимания на то, каким мы желали бы его видеть. Но отсюда еще не следует, что все эти точки зрения и вопросы совсем не должны найти себе место в науке. Напротив! Большинство приверженцев юридической школы держится того мнения, что должна существовать особая наука — политика, в которой эти вопросы получили бы подобающее им место и вполне достойную их обработку. Создание такой науки представляется теперь, хотя бы в идеале, одной из самых настоятельных научных потребностей, а если бы мы захотели наметить ее содержание, мы не могли бы определить его иначе, как: исследование о целях государства и о средствах к их осуществлению. Таким образом, и для современной науки, мне кажется, сохраняет свою силу то определение политики, которое принято было в пятидесятых годах. А, приняв это определение, мы должны будем определить историю политических учений, как такую науку, которая ставит своей целью изучить исторический процесс в развитии учений о задачах государства и о средствах к осуществлению этих задач.

Но, спрашивается, возможна ли такая наука? Чтобы дать на этот вопрос надлежащий ответ, нужно вникнуть в тот внутренний смысл, который в этом заключается.

Не следует думать, что в этом вопросе заключается сомнение в возможности человеческого знания вообще. Вопрос этот имеет очень мало общего со скептицизмом; напротив, он предполагает уже доказанной и стоящей вне всякого сомнения возможность познания. Но наука не есть простая сумма отдельных, отрывочных знаний; наука есть система знания, т.е. совокупность отдельных знаний, сведенных к единству. И потому, когда мы поднимаем вопрос о возможности какой-нибудь науки, мы этим самым спрашиваем себя, возможно ли привести определенный круг знаний к единству, и откуда мы возьмем необходимое для этого объединяющее начало. Таким объединяющим началом является для всех наук идея закономерности, а для наук, изучающих развитие каких-нибудь явлений, — идея развития по закону причинности. До тех пор, пока эта идея не приложена к изучаемым явлениям, они представляют из себя простую смену во времени — смену, которая не имеет никакого объективного характера. Только идея причинности делает возможным объективное познание, т.е. такое познание, которое мы относим не только к своему рассудку, но и к самим познаваемым явлениям, и во вторых, такое, которое имеет значение не для нас одних только, но и для всех разумных существ. Идея причинности, как показал Кант, делает возможным наш опыт, следовательно, сама она не получена из опыта, но имеет априорный характер. Она имеет априорный характер, но определение конкретных причин того или иного явления возможно только в самом опыте. Это свойство идеи причинности — то, что она априорна, но что только опыт может дать ей конкретное определение — имеет большую важность; оно отражается на способах, какими мы устанавливаем причинную связь в разного рода явлениях.

С этой точки зрения существует резкое различие между науками естественными и науками гуманитарными. В естественных науках причину явления ищут путем наблюдения, но главным средством для ее открытия служит эксперимент. Только путем эксперимента можно отделить причинную связь между явлениями от простой последовательности явлений. В науках гуманитарных эксперимент невозможен по самой природе изучаемых явлений. Мы не можем производить опыты над людьми и государствами. Поэтому здесь мы принуждены довольствоваться средствами менее верными. Мы можем здесь только строить гипотезы и потом проверять их на других фактах. Именно этим путем мы и должны будем идти всякий раз, когда захотим определить причины возникновения той или иной политической теории. Но не следует упускать из виду, что на деле всякой гипотезе всегда предшествует готовая уже теория, которая вполне точно определяет,

222

в каком разряде явлений следует искать причин тех явлений, которые служат предметом изучения. В силу неустранимого свойства своего ума, человек не может жить сознательной жизнью, не составив себе того, что называется миросозерцанием, не сводя в систему всего, что он видит и слышит. В основе такого миросозерцания может лежать философское учение, метафизическая конструкция, религиозное представление или просто дошедший по традиции миф, как обыкновенно бывает в темных народных массах; цельность его может иметь и обыкновенно имеет лишь субъективный характер, а со стороны оно представляется отрывочным и противоречивым, так что оно никого, кроме своего обладателя, не удовлетворяет. И хотя объективная цельность миросозерцания предполагает, что все решительно явления известны, изучены и поняты — а это составляет лишь отдаленную цель науки, которой, может быть, мы никогда и не достигнем, — но мы принуждены постоянно предвосхищать или, как говорят иногда, антиципировать те выводы, которых мы еще только ждем, как результата научных исследований. Ибо цельное миросозерцание, как теория, составляет необходимое условие нашей жизни; только оно дает нам руководящие принципы для деятельности и познания. Поэтому прежде, чем обратиться к построению гипотез, нужно выяснить себе, какая теория может быть положена в основу нашей науки.

В настоящее время наибольшим успехом пользуется теория исторического материализма. Теория эта стремится доказать, что идеи наши, в своем историческом развитии, зависят от общественных отношений, а эти отношения, в свою очередь, обуславливаются положением материального производства. С приобретением новых производительных сил, говорит эта теория — люди изменяют свои способы производства, а с изменением способов производства изменяются все общественные отношения. Но те же люди, которые преобразуют общественные отношения сообразно новым способам материального производства, преобразуют также принципы, идеи, категории сообразно новым общественным отношениям. Согласно материалистическому пониманию истории, все идеи — религиозные, метафизические, философские, эстетические, нравственные, правовые, политические — обуславливаются исключительно формами хозяйства, формами производства, распределения и обмена ценностей; а так как хозяйство, в свою очередь, обуславливается потребностями человека в пище и одежде, а эти потребности опять обуславливаются климатом, производительностью почвы, географическим положением страны и т.п., то, в последнем анализе, причины всяких идей, в том числе и политических, следует искать в физических потребностях человека и в материальной среде, его окружающей.

Теория исторического материализма считается теперь чем-то совершенно новым, и все те, которые выступают с опровержением ее или

пишут в ее защиту, производят такое впечатление, как будто им впервые приходится отыскивать аргументы для своих доказательств. Между тем раньше Маркса подобные же мысли уже высказывал Бокль: в основу своей «Истории цивилизации» он положил, как известно, тот тезис, что все исторические явления обуславливаются влиянием внешней природы. В XVIII веке Монтескье утверждал, что государственные формы, нравы, обычаи и законы находятся в ближайшей и непосредственной зависимости от характера почвы и климата данной страны. В древности ту же мысль высказывал Аристотель. Теория исторического материализма — теория старая, но замечательно, что всякий раз, когда она появлялась, к ней относились, как к чему-то чрезвычайно оригинальному и остроумному, и всегда она имела большой успех и быстро приобретала себе популярность. Причина популярности исторического материализма кроется, несомненно, в его общедоступности, а общедоступность его зависит от того, что вся теория опирается на представления наивного реализма, еще не затронутого философской критикой.

Но если принять теорию исторического материализма, то история политических учений, как наука, окажется совершенно невозможной. Этот вывод настолько прост и логичен, что не требует даже больших объяснений. Если всякая политическая идея в своем возникновении определяется исключительно состоянием хозяйства, то историю политических учений нельзя построить иначе, как переходя постоянно от рассмотрения политических учений к экономическим отношениям эпохи, и от этих отношений снова к политическим идеям; ибо только в экономических отношениях можно найти причину этих идей. Между тем определить зависимость отдельных событий, в частности — появления политических идей, от социальных, а, следовательно, и экономических отношений — составляет задачу другой науки: истории культуры. И хотя еще ведутся споры по отдельным вопросам философии истории, во всяком случае, несомненно, что задача культурной истории — выяснить взаимодействие среды и личности, и в действительности она этим и занимается: она рассматривает различные проявления человеческого духа, как обусловленные влиянием среды, а среду понимает, как совокупность социальных и духовных отношений. Иное понимание ее задач и методов немислимо, а так как для истории политических учений не оказывается никакой другой задачи, то она должна слиться с общей историей культуры и, следовательно, как самостоятельная наука, невозможна.

При таком положении дела естественно возникает вопрос: насколько правильна сама теория исторического материализма? В настоящее время вопрос это служит предметом самой оживленной полемики, и немало делается попыток опровергнуть названную теорию. Но нужно сказать, что большинство таких попыток несостоятельно. Теория исторического материализма, не как социальная теория, а как теория

исторического процесса, не может быть опровергнута. Но это вовсе не значит, что она истинна: она непроверяема, но она в то же время и недоказуема. Такое, по-видимому, странное свойство теории исторического материализма — ее недоказуемость и непроверяемость — зависит от того, что она опирается, в конце концов, на положения метафизического материализма, который утверждает, что явления духовные порождаются только явлениями материальными, напр., что все наши мысли суть не что иное, как порождения состояний нашего мозга. Подобные утверждения, с каким бы несочувствием мы к ним ни относились, как бы ни казались они нам иногда парадоксальными, не могут быть опровергнуты, потому что с логической стороны в них нет никакого противоречия. Но они и бездоказательны, потому что в той же степени непроверяема и противоположная им теория идеализма, который утверждает, что духовные явления порождаются только духовными явлениями или даже, что духовными явлениями порождаются и явления материальные. Правда, всякая метафизическая теория опирается всегда на какие-нибудь факты. Но то, что мы называем фактом, не есть простое восприятие: факт нужно еще известным образом понять, известным образом истолковать; а каждая метафизическая теория толкует и понимает факты соответственно своим собственным принципам. Поэтому уличить метафизическую теорию в противоречии с фактами совершенно невозможно. Поэтому же самому совершенно напрасна и бессмысленна была бы попытка доказать, что на место исторического материализма, как основания для исследования политических учений в процессе их исторического развития, должна быть положена теория исторического идеализма, как более правильная по существу. Можно смело сказать, что такая попытка потерпела бы полную неудачу. Высшие принципы, на которых основывается наука, не могут быть доказаны. Ибо откуда могли бы быть взяты доказательства? Только из положений, проверенных наукой и вошедших в науку. А наука уже предполагает существование тех или иных, более или менее твердо обоснованных принципов.

Но отсюда еще не следует, что мы должны относиться совершенно индифферентно к принятию любых принципов познания. Если высший принцип не поддается доказательству при помощи эмпирических фактов, то он может быть обоснован при помощи факта самого познания. Ибо только тогда принцип правилен, тогда метод хорош, и тогда определение задачи науки верно, когда это дает нам возможность рассмотреть все факты со всех точек зрения и, с другой стороны, все наши суждения о фактах и все положения, выведенные из познания, расположить в стройную систему, которая допускала бы быстрое и отчетливое усвоение науки. Это единственно-правильное основание для критики. Только пользуясь им, мы можем отдать себе отчет в пригодности той или иной теории, желающей составить основоположе-

ние науки. Поэтому, если перед нами вопрос, какая теория должна быть положена в основу исследования политических учений — теория исторического материализма или противоположная ей теория исторического идеализма (ибо между ними нет выбора, так что, отвергнув одну, мы должны непременно принять другую), — то вопрос этот может быть разрешен только одним путем: необходимо выяснить себе, которая из этих двух теорий позволяет нам полнее и всестороннее изучить политические учения. А если мы так поставим вопрос, то нетрудно будет убедиться, что теория исторического материализма должна быть признана недостаточной и даже неудовлетворительной, потому что она не дает нам возможности приложить к изучению политических теорий некоторых весьма важных точек зрения.

Нет никакого сомнения, что все политические теории, а тем более политические памфлеты, романы и т.п., мы можем рассматривать, как обусловленные эпохой и средой; с этой стороны, они имеют лишь относительное значение, в них можно видеть только литературное выражение борьбы общественных классов и политических партий из-за обладания властью и материальными благами. Но, кроме политических настроений эпохи, в политических теориях мы находим еще попытки начертания отвлеченных политических идеалов, стоящих вне условий пространства и времени, и кроме интересов отдельных общественных групп мы встречаем там выражение чистых интересов человечества, как высших требований нравственности и права. И в этом смысле история представляет нам не только картину борьбы классов, как утверждали Маркс и Энгельс, но и картину «борьбы против классов», т. е. чистой борьбы идей. Предметом политических учений являются чисто-теоретические проблемы, в разрешении которых принимают участие не политические партии и общественные классы, но политические направления и философские школы, и которые мы рассматриваем вне их связи с какими бы то ни было исторически сложившимися политическими формами и экономическими организациями. Таковы, например, вопросы о границах государственной деятельности, о понятии политической свободы, об отношении политики к нравственности и др. Исследуя эти вопросы, политические мыслители отвлекались от тех общественных условий, под действием которых они жили, и ставили вопросы в их общей, отвлеченной форме, и только поэтому возможен тот факт, что одинаковые решения их мы находим у писателей, отделенных друг от друга веками, живших при различной политической обстановке и принадлежавших к различным общественным классам; только поэтому Макиавелли мог найти себе друга в Спинозе, Гумбольдт — в Милле, Монтескье — в юридической школе государственного права. И когда мы ищем разрешения этих вопросов в политических теориях, нас интересуют одни только влияния — лите-

ратурные, потому что только в них мы можем найти объяснение той, а не другой постановки отвлеченного вопроса. И мы интересуемся при этом, насколько отдельное политическое учение содействовало отысканию истины, т.е. разрешению этих отвлеченных вопросов, и самые вопросы имеют для нас не временное только, а пребывающее значение. Научные интересы эти вполне законны, и указанные точки зрения вполне возможны; но эти интересы окажутся совершенно неудовлетворенными, и точки зрения — ничего не освещающими, если признать, что в основе всех литературных влияний лежат чисто механические причины — те же самые, которыми обуславливается производство материальных благ. Характер и объем производства постоянно меняются, а следовательно, и политическим учениям, на которых все такие изменения должны отражаться, нельзя было бы придавать никакого значения для отыскания истины. Ибо истина, как цель науки, стоит вне условий времени.

Поэтому, за основу для исследования истории политических учений должна быть взята теория, противоположная историческому материализму, т.е. теория исторического идеализма. Теория эта отправляется от той неоспоримой мысли, что все явления существуют лишь постольку, поскольку мы их сознаем, и что, поэтому, не сознание определяется бытием, но, наоборот, бытие определяется сознанием. А отсюда, все особенности политических учреждений и экономического строя могут быть объяснены, как произведения человеческого духа. Еще в XVIII столетии Кант высказал эту мысль в своей антропологии: «Утверждать, будто бы от формы правления зависит, какой характер имеет народ, — это ни на чем не основанное и ничего не объясняющее утверждение, ибо откуда же сама эта форма правления получила свой своеобразный характер? Климат и почва тоже не дают нам ключа для этой загадки, ибо переселения целых народов доказывают, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, но только старались применить его к новым условиям, и что при этом в языке, в промышленности, даже в одежде всегда сохраняли следы своего происхождения, а через это сохраняли и свой характер». Такая точка зрения вполне возможна. Ибо, если и признать, что наша воля подлежит воздействию материального мира, то несомненно, что в своем направлении она определяется только идеями. Было бы, поэтому, нетрудно показать, что производство материальных благ, как организованное хозяйство, возможно только потому, что существуют идеи, определяющие нашу волю и наше отношение к нашим материальным потребностям, и что тем более характер хозяйства зависит от характера и содержания наших идей. Поэтому, при изучении политических теорий мы можем совершенно отвлечься, как от политической организации, так и от экономического строя. И так как духовная культура, с этой точки зрения, есть всегда результат развития идей,

то при изучении условий появления той или иной политической теории мы можем ограничиться двумя родами явлений: 1) предшествующими политическими теориями и 2) политическим миросозерцанием эпохи, как духовной средой индивидуального творчества. Этим мы обозначим различие между точками зрения культурной истории и истории политических учений.

Но, как сказано, высшие принципы знания могут быть доказаны только при построении всей системы науки. Поэтому, только одно изложение истории политических учений на указанных основаниях способно убедить нас окончательно в возможности построить историю политических учений на принципах идеализма». (Стб. 463-473).

ФАТЕЕВ А.Н.

История общих учений о праве и государстве. Элементарное пособие к лекциям. Вып. I. Харьков, 1908

«История общих учений о праве и государстве¹, иначе называемая историей философии права или историей политических учений, есть систематическое изложение воззрений на право и государство, возникавших на различных ступенях социальной жизни и нашедших свое выражение в сочинениях мыслителей от древнейших до новейших времен.

Из этого определения видно, что предмет нашей дисциплины составляют воззрения на право и государство, в их развитии, рассматриваемые с точки зрения взаимоотношения правосознания и правопорядка. Эти воззрения прежде всего суть ничто иное, как окристаллизованный в идеях социальный опыт человечества. Идея есть символ, запечатлевающий в памяти людей этот опыт; средство систематического о нем познания; и наконец, средство научного² прогноза следующих этапов и направления социальной эволюции, ибо знание, в истинном смысле слова, есть и предвидение...

С этой точки зрения, задача нашей дисциплины состоит в раскрытии последовательности и закономерности развития правовых и государственных идей, которые лежат в основе современных нам воззрений и теорий о праве и государстве.

Каким же методом достигается разрешение этой задачи? Историки философии, при разработке идейного материала, заключавшегося в

¹ (Сноска Фатеева) Давая такое название, мы избегаем односторонности двух других приведенных выше названий. Из них первое содержит лишь упоминание о праве (история философии права); второе (история государственных или политических учений) — государстве. Государство же, как известно, немисливо без правовых норм.

² (Сноска Фатеева) А иногда и утопического.

учениях мыслителей, пользовались сначала летописным методом, т.е. изложением в хронологическом порядке теорий различных философов. Затем, появились труды по истории философии, где изложение носило характер прагматизма. Ныне только такие труды имеют научное значение. По основной, методологической точке зрения, их можно разделить на два типа. Одни исходят из метафизического взгляда, согласно которому мысль человеческая подлежит собственному закону саморазвития, опирающемуся на известные идеалистические принципы. Другие рассматривают идеи, как пассивные отражения переживаний исторической действительности. Поэтому корни всяких идей, тем более идей о праве и государстве, находятся в бытовых условиях их возникновения. Первый взгляд делает разрыв между законами человеческой мысли и законами бытия. Второй рассматривает человеческое сознание лишь как эпифеномен, так сказать, в виде зеркала, пассивно отражающего действительность. Но, с точки зрения указанного выше понимания идей, возможно устранение крайностей этих взглядов. Реальная, т.е. питающаяся действительностью и объясняющая действительность — (а не утопическая) — идея возникает в человеческом сознании таким же путем эволюции, т.е. путем зарождения, развития и оформления в различных системах, каким развиваются и явления природы в общей системе мироздания. Становясь символом, т.е. человеческим знаком истолкования и понимания действительности, идея, в тоже время, заключает в себе творческий момент объяснения и предвосхищения исторической действительности. Это предвосхищение может иметь научное, т.е. обоснованное значение тогда, когда оно — следствие анализа действительности, а не только метафизических и априорных измышлений, оторванных от жизни и питающихся одной фантазией. Можно, конечно, допускать, что в подобном предвосхищении, благодаря недостаточности проверенного, фактического материала, заключаются элементы творческого риска, творческих предположений, словом, того, что мы называем гипотезой. Предполагается, что в основе этой гипотезы лежит и фактически проверенный материал — плод многолетнего опыта, наблюдения и размышления. Сказанное легко проверить также на теориях о праве и государстве, т.е. на предмете нашей дисциплины. Каждая из таких реальных идей заключает в себе не только элементы объяснения социального существования людей, учения о генезисе права и государства, элементы знания ..., но намечает тип должного социального существования, который имеет быть реализован в будущем, т.е. элементы предвидения ...Принимая во внимание такое предполагаемое соотношение идей и действительности, при исследовании правовых и политических философем, нами может быть избран метод эволюции, т.е. развития. В основе его лежит предложенная эволюционной теорией точка зрения, что полное

познание предмета, (или приближающееся к нему), в данном случае, познание, объяснение и критика современных воззрений на право и государство¹, возможно лишь при условии знания, каким путем предмет доразвился до состояния, в котором находится.

Сказанное выясняет и значение истории развития общих теорий о праве и государстве, как особой дисциплины. Уже их самого названия ее видно, что она составляет историческую часть дисциплины, называемой общей теорией права и государства. (Причем эта дисциплина, как и первая, имеет другие названия: «энциклопедия права», «философия права»). Значение истории развития общих теорий о праве и государстве, если выразить его конкретнее, заключается в раскрытии постепенного нарастания и закономерного развития элементов, положенных теперь в основу всей юридической науки. Для юриста она имеет то же значение, какое для натуралиста имеет проверка и сравнение своих опытов опытами других исследователей. Для этой цели, для проверки современных теорий права и государства у юриста имеется, главным образом, один способ, один путь: путь истории развития правовых и государственных учреждений и путь истории развития правовых и государственных воззрений.

Этот последний путь и предлагается вниманию». (Стр. 3–5).

¹ (Сноска Фатеева). Излагаемая всеми остальными юридическими дисциплинами.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Этапы становления истории философии права	13
1.1. Истоки и предпосылки изучения истории философии права в России	15
1.2. Первые университетские курсы истории философии права	25
1.3. Развитие истории философии права после принятия университетского Устава. 1863 г.	32
1.4. Положение истории философии права после 1884 года	41
Глава 2. «Объект-предмет» истории философии права	65
2.1. Современные подходы к определению предмета истории политических (и правовых) учений.	67
2.2. Соотношение предметов науки права и науки политики, как исходная база для определения предмета истории философии права	70
2.3. Соотношение философии права и истории философии права (специфика российских трактовок)	79
2.4. Первые научные формулировки предмета истории философии права	88
2.5. Дискуссии о предмете истории философии права в конце XIX — начале XX века	93
Глава 3. Методология истории философии права	101
3.1. Разработка проблем методологии как важное направление развития гуманитарного знания	103
3.2. Методология в государствоведческих науках	112
3.3. Специальные методы и методические приемы в истории философии права	123
Заключение.	
История философии права как интегративная наука.	129
Приложения.	141
Приложение 1. Синхронологическая таблица российской истории XIX век — 1917 год (политическая история — политическая мысль; история философии права)	143
Приложение 2. Литература по истории философии права (источники XIX — начала XX века)	167
Приложение 3. Биографические данные авторов работ по истории философии права XIX — начала XX века	176
Приложение 4. Забытые тексты XIX — начала XX века по истории философии права (краткая хрестоматия отечественных авторов)	193

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА**

*Посвящается 70-летию воссоздания философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Е.Н. МОЩЕЛКОВ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ
(XIX — начало XX в.)**

Оригинал-макет изготовлен
издательством «Современные тетради»

Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем 14,5 усл. издательских листов.
Тираж 400 экз.

